

ВЕНИАМИНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

**Сборник материалов
ежегодной научно-практической конференции**

ВЫПУСК 1

**Тамбов
2016**

УДК 2

ББК 86,3

В22

*По благословению епископа Уваровского и Кирсановского
ИГНАТИЯ*

В22 Вениаминовские чтения: сборник материалов ежегодной научно-практической конференции. Вып. 1. – Тамбов : Знак, 2016. – 184 с.

ISBN 978-5-00060-008-5

УДК 2

ББК 86,3

@ Оформление, ООО «Знак», 2016

I ВЕНИАМИНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

р.п. Умёт, 17 октября 2013 г.

**Приветственное слово
епископа Уваровского и Кирсановского Игнатия
участникам первых Вениаминовских чтений**

Дорогие братья и сестры!

Открывая в этом году первые Вениаминовские чтения на умётской земле, мы желаем привлечь широкое внимание общественности к жизни и наследию нашего земляка, духовного писателя и церковного труженика митрополита Вениамина (Федченкова). Духовное наследие, которое он оставил, нам еще только предстоит осмыслить и принять. Но уже сегодня можно сказать, что весь образ его жизни и служения свидетельствует о бесконечной любви к Матери-Церкви и Родине.

Более полувека прошло с тех пор, как он почил о Господе, но интерес к его жизни, личности, к его богатому духовному наследию жив и по сей день. Какие примеры его благочестивой жизни были бы поучительны и полезны в наше время?

В первую очередь – это был человек Церкви, человек глубокой, живой веры, на формирование которой оказала влияние благочестивая жизнь его родителей.

Митрополит Вениамин был великим молитвенником, прекрасно знал и всем сердцем любил богослужение, черпая в нем силу для несения нелегкого архипастырского служения.

Господь же наградил его редким даром – видеть в людях самое хорошее и святое. В книгах Владыка часто вспоминает слова, услышанные им еще в молодые годы от старца-епископа в ответ на во-

прос, как следует относиться к человеку? «С благоговением», – ответил мудрый старец. Митрополит следовал этому совету всю свою жизнь.

Любя всех людей, Владыка молился за своих гонителей и всех, кто чем-либо ему досаждал. Свидетельство тому – страницы его книг и дневников. Из них мы узнаем, как глубоко и сокрушенно переживал архипастырь любой конфликт с ближним, как он умел просить прощение, как оберегал свой душевный мир.

Особая пастырская забота митрополита Вениамина заключалась в том, чтобы дать пастве и духовенству правильное направление духовной жизни, прежде всего, научить покаянию.

Ему были присущи глубокое смирение, всецелая преданность воле Божией и послушание. В его «Письмах о монашестве» находим такие важные слова: «Жизнь показала мне, что надежды на свои силы оказались пустыми, я часто был беспомощен, не виделась надежда на лучшее. И только Господь мой Христос спасал меня: в Нем одном была моя и сила, и надежда».

И еще об одной черте митрополита Вениамина хотелось бы сказать отдельно – о его любви к Родине. Патриотизм и желание послужить народу, так характерные для него, особенно проявились в годы Великой Отечественной войны. С первых же дней он отдавал все силы делу помощи Родине. Он не сомневался, что «все кончится добром»! Эти слова Владыка произнес в начале войны, когда, казалось, не было никаких оснований для оптимистических прогнозов. Но была надежда, были молитвы и труд. Во всех храмах его епархии ежедневно за Божественной литургией возносились молитвы о даровании русскому народу победы над врагом.

Митрополит Вениамин оставил богатейшее наследие, он был автором прекрасных книг, вдохновенных проповедей, по словам очевидцев, доступных, действенных, запоминающихся. В советское время его труды в виде машинописных копий хранились в монастырских и семинарских библиотеках, в домах верующих. И, наверное,

многим встреча с творениями митрополита Вениамина давала помощь и поддержку, а может быть, зажигала в сердцах благодатный огонек, освещающий путь ко спасению. Его книги жили в народе, с которым неразрывно связана была его судьба и которого он назвал однажды «самым лучшим на свете». Теперь, когда настало время благоприятное, когда открываются храмы и обители, когда издается духовная литература, когда в жизнь людей возвращается слово Божие и возрастает интерес к традиционным христианским ценностям, книги Владыки Вениамина помогают проникнуться его духом, его мыслями, дают поддержку, добрый совет, руководство на пути душевных исканий.

Так Господь даровал Своей Церкви еще одного служителя, патриота своей страны, который самоотверженным трудом и талантами принес и, верим, в будущем принесет немалую пользу всем нам и нашему Отечеству.

Открывая сегодня здесь, на малой родине митрополита, первые Вениаминовские чтения, призываю на труды устроителей и участников благословение Божие. Желаю всем творческой и плодотворной работы.

К истории духовного образования в Тамбове

Богатая история Тамбовской епархии включает и историю духовных учебных заведений, которые в Тамбовской губернии до 1918 года готовили священно-, церковнослужителей. Документы, хранящиеся в Государственном архиве Тамбовской области, помогают восстановить страницы жизни этих училищ.

Сеть учебных заведений, готовивших священно-, церковнослужителей в Тамбове, включала духовные училища и духовную семинарию, архивные фонды которых ныне являются интереснейшим источником для исследовательской работы.

Самый богатый архивный фонд находится в Тамбовской духовной семинарии¹. Фонд содержит программы, конспекты и обзоры по преподаваемым предметам. Примечательно, что в семинарии преподавались основы врачебных наук и приемов прививки оспы; особо проявившие себя семинаристы направлялись для обучения в духовные академии. В семинарии имелась богатая библиотека, часть книг которой впоследствии составила основу научно-справочной библиотеки губернского архива после закрытия семинарии в 1918 г. Велись журналы метеорологических наблюдений в г. Тамбове (1854–1873), которые, пожалуй, бесполезны и ныне. Сохранились дела о приеме учеников в семинарию, исключении из семинарии, прошения учеников.

В воспоминаниях митрополита Вениамина (Федченкова) есть несколько зарисовок из семинарской жизни: «Как и везде, предметы нас не интересовали, мы просто отбывали их, как повинность, чтобы идти дальше. Классические языки не любили, да они оказались бес-

¹ См.: ГАТО. Ф. 186.

полезными. В семинарии часто учили «к опросу», по расчету времени, за чем следили особые любители из товарищей. Науки нас не обременяли, на экзаменах усиленно зубрили и сдавали... Изредка устраивали у нас в семинарии литературно-музыкально-вокальные вечера. Как они были интересны нам! Некоторые декламаторы были удивительными артистами... И как это оживляло нас! Жизнь учебная, в общем-то, была скучная-таки. Но почему-то не баловало нас начальство такими утешениями... В общем, преподаватели во всех школьных ступенях были умные и хорошие люди. Конечно, анекдотических рассказов о них в духе «Бурсы» Помяловского можно было бы написать немало, но это было бы обидной неправдой. И товарищи были хорошие, за особыми редкими исключениями»¹.

В семинарии учились люди, известные и в России, и за ее пределами: писатели А.И. Левитов, А.К. Воронский, экономист К.В. Островитянов, оптинский старец Амвросий, наш известный тамбовский историк, краевед, педагог И.И. Дубасов, оставивший интереснейшие воспоминания о своих семинарских годах. Особенно тепло он отзывался об архимандрите Геннадии – ректоре семинарии в 1859–1868 гг.: «Архимандрит Геннадий, несомненно, был человеком весьма гуманным и даровитым... Лести и низкопоклонства он не терпел и всячески старался развить в нас честность и правдивость. Но еще более мы убедились в достоинствах Геннадия, когда стали слушать его уроки. Он умел придать семинарской догматике характер науки живой, занимательной, внес в эту науку элемент исторический и излагал свои мысли языком бойким и голосом внушительным и звонким. Со времен Геннадия в нашей семинарии стали укореняться лучшие нравственные порядки...»².

Тамбовские духовные училища – 1-е и 2-е. Серафимовское³ предназначалось для обучения детей тамбовского духовенства и под-

¹ *Вениамин (Федченко), митр.* На рубеже эпох. М., 2004. С. 88–89.

² *Дубасов И.И.* Очерки из истории Тамбовского края. Тамбов, 2006. С. 392.

³ См.: ГАТО. Ф. 188, 189, 190.

готовки для поступления в семинарию. В училища принимали мальчиков 8–12 лет, они изучали катехизис, арифметику, грамматику, латинский и греческий языки, пение, а в высшем отделении – священную историю и географию. Лучшие выпускники училищ переводились в семинарию без экзаменов. Архивные фонды содержат списки и характеристики учеников, экзаменационные ведомости, классные журналы, программы преподавания, конспекты и обзоры пройденного по предметам, финансовые документы, сведения о строительстве здания.

Интересные факты из истории Тамбовского духовного училища приведены в воспоминаниях юриста Василия Яковлевича Крюковского. Он родился в селе Питерском Моршанского уезда, в семье сельского священника. В 1862 году в возрасте 10 лет поступил в 1-е духовное училище, затем окончил семинарию. Позднее он писал: «Училище расположено было на высоком берегу реки Цны и, вообще говоря, стояло на хорошем месте, хотя и в конце города. Открытый вид на реку и на заречье; вдали – поемные луга, «архиерейские хутора» (дача архиерея), «Кривой» мост через старую Цну, а еще дальше – большой лес – все это ласкало взор и несколько сглаживало неприятности обстановки внутренней жизни училища. В одном из училищных корпусов помещалась квартира начальства училища. В остальных корпусах помещались классы, церковь, столовая и спальни бурсаков. Так как под словом «бурса» некоторые понимают вообще духовную школу, я должен здесь пояснить, что у нас бурсаками назывались не все ученики духовной школы, а только те, которые по сиротству или по бедности родителей принимались в общежитие на казенное содержание или, лучше сказать, на содержание от духовенства и церквей. Все остальные ученики, более чем половина, которых могли содержать родители, жили по частным квартирам. Бурсы, т.е. казенного общежития, у нас ужасно

боялись, и только уже крайняя нужда заставляла родителей помещать туда своих детей...»¹.

В училище были весьма строгие порядки. Сохранилась инструкция классным воспитателям, одним из пунктов были обязанности в отношении нравственного воспитания: «Главную задачу нравственного воспитания учеников составляет укрепление в них ясного сознания безусловной обязательности евангельского нравственного закона и утверждение в душах их прочного основания к деятельному осуществлению этого закона в жизни... Живой пример высокой христианской настроенности самих воспитателей, сердечное, участливое, христиански-любтивное отношение их к каждому воспитаннику должно служить для учащихся образцом их нравственной деятельности... В своих питомцах классные воспитатели должны развивать правдивость, честность, чувство чести, уважение к личности другого и отвращение к ханжеству, лицемерию, грубости и другим порокам, унижающим человеческое достоинство... Укоренять в питомцах почтительность к родителям, наставникам, начальству и вообще к старшим, любовное отношение к товарищам, взаимную услужливость, особенно по отношению к младшим детям, вежливость, приличие и корректность в отношении к посторонним лицам, а также и к прислуге»². Такие же инструкции были разработаны и для воспитанников, регламентируя их жизнь и в училище, и за его стенами, приучая к дисциплине.

Говоря о духовном образовании и воспитании, надо иметь в виду, что до 1917 г. преподавание закона Божия было обязательным и в школах светских – в городских и уездных училищах, в гимназиях, в реальном училище. В программе уроков закона Божия в Екатерининском институте (Священная история Ветхого Завета) говорилось, что «преподавание этого предмета должно иметь задачу пригото-

¹ Русская старина. Т. 146. СПб., 1911. С. 215.

² ГАТО. Ф. 188. Оп. 1. Д. 123. Л. 2.

ление к слушанию Священной истории Новозаветной и напечатление в душах воспитанников примеров и опытов веры и благочестия».

В воспоминаниях уже упоминавшегося В.Я. Крюковского есть такие слова: «Монотонна и сера была семинарская жизнь того времени... Но не всех убивала обстановка тогдашней школы. Люди с твердым характером и с детства направленные в хорошую сторону, закалялись в этой обстановке, не поддаваясь влиянию ужасной среды... Недостатки школы пополнялись самообразованием. Чего не давала и не могла дать школа, они добивались своим умом, своим трудом, лбом пробивая себе дорогу...¹». Ярчайшим примером тому служит и жизнь митрополита Вениамина, выдающегося иерарха Русской Православной Церкви.

¹ Русская старина. Т. 146. СПб., 1911. С. 582.

**Борьба тамбовских миссионеров
с сектантами Кирсановского и Борисоглебского уездов
Тамбовской губернии в конце XIX–начале XX веков**

О тамбовских сектантах известный православный миссионер И.Г. Айвазов писал: «Не подлежит сомнению, что древность расколосектантства в пределах Тамбовской епархии измеряется длиной вереницей целых десятков лет. Здесь оно росло и крепло веками, слагаясь под влиянием многочисленных благоприятных условий, в огромный, мощный и более или менее стройный организм, дробно расчленившийся по дебрям православных приходов»¹. Сектантство в Тамбовской губернии было достаточно многочисленным и разнообразным, включая в себя хлыстов, скопцов, духоборов, молокан, субботников и штундо-баптистов. В Кирсановском и Борисоглебском уездах проживали, главным образом, хлысты и молокане.

Мистическая секта хлыстов, образовавшаяся в XVII в., является древнейшей российской сектой. Термин «хлысты» впервые встречается в произведении митрополита Ростовского Димитрия (Туптало) «Розыск о раскольнической Брынской вере» и, видимо, связан с существовавшей у сектантов практикой хлестать себя прутьями во время своих собраний или, как их еще называют, радений. По другой версии слово «хлысты» является искажением слова «христы» и связано с характерным для хлыстовства почитанием своих духовных лидеров в качестве «христов» и «богородиц», в которых, согласно их учению, могут воплощаться Лица Пресвятой Троицы или Богородица.

В XIX в. Тамбовская губерния представляла собой один из центров хлыстовства постнического толка. При этом большая их часть

¹ Мариупольский И. Внутренняя миссия в Тамбовской епархии за последнюю четверть истекшего столетия. СПб., 1905. С. 3.

проживала как раз на территории Кирсановского и Борисоглебского уездов. Тамбовские миссионеры к началу XX века насчитывали примерно 1500 хлыстов на территории губернии¹. Их общины были зафиксированы в 31 населенном пункте. Среди сел, населенных сектантами, особенно выделялись села Перевоз, где ему положил начало основатель постничества Аввакум Копылов, и Березовка, в окрестностях которой хлысты часто устраивали свои радения.

Во время правления императора Николая I хлысты наряду с другими сектантами подверглись полицейским преследованиям и были частично депортированы в Оренбургскую губернию. Однако эти меры не привели к полному искоренению секты. Между тем, преследования способствовали усилению у хлыстов такого свойства, как скрытность. Поэтому вред, приносимый сектантами, увеличивался от того, что им ничего не стоило внешне притвориться православными. Религиозные убеждения не препятствовали хлыстам посещать православные богослужения. Они исповедовались и причащались Св. Христовых Таин, смущая тем самым сознание православных верующих. Несмотря на свою скрытность, хлысты продолжали осторожно заниматься прозелитизмом среди православного населения, приглашая к себе в гости подходящих, по их мнению, людей и используя то обстоятельство, что в материальном отношении сектанты жили, как правило, лучше православных.

Секта молокан получила свое название из-за того, что представители секты употребляли в пост молоко. Известный церковный историк И.К. Смолич в своей «Истории Русской Церкви» отмечал, что первоначально молоканами называли вообще всех сектантов, не соблюдавших пост. Однако это «название сохранилось впоследствии за сектой Уклеина»².

Признавая авторитет Библии, уваровский крестьянин Уклеин отрицал православные обряды, священную иерархию и таинства.

¹ Тамбовские епархиальные ведомости. 1903. № 12. С. 158.

² Смолич И.К. История Русской Церкви. М., 1997. С. 176.

Благодаря своей простоте и понятности для сознания простого крестьянина в начале XIX в. учение Уклеина выходит за пределы Тамбовской губернии и начинает активно распространяться в других губерниях России. К началу XX века молокане были самой распространенной сектой в Тамбовской губернии. Согласно официальной статистике, их насчитывалось около 8 тысяч человек.

Наличие многочисленного сектантства на территории Тамбовской губернии послужило причиной создания в 1875 г. Казанско-Богородичного миссионерского братства. Первоначально борьба братства с сектантством заключалась, прежде всего, в распространении миссионерской литературы. Понимая явную недостаточность подобной формы деятельности, члены братства принимают решение о создании института епархиальных миссионеров, которые должны были с помощью бесед опровергать заблуждения сектантов, показывая их неправоту православному населению. Впервые с подобными беседами на территории Тамбовской губернии выступил монах афонского Пантелеимонова монастыря отец Арсений, прибывший в 1887-88 гг. по приглашению братства. В том числе отец Арсений провел миссионерские собеседования и с сектантами сел Уварово, Трескино и Березовка. В 1891 г. с появлением в составе братства епархиальных миссионеров деятельность братства становится более активной.

Обязанности епархиального миссионера заключались, прежде всего, в том, что в течение года он должен был посетить десятки населенных пунктов губернии, в которых проживали сектанты. Прибыв в такое село, миссионер обычно оставался в нем на срок от одного дня до недели. Послушать миссионерские беседы приходили как православные, так и сектанты – все взрослое население населенного пункта. Согласно отчетам миссионерского братства, миссионеры регулярно, иногда по несколько раз в год посещали такие села Кирсановского и Борисоглебского уездов, как Перевоз, Отхожее, Березовка, Вяжля, Трескино, Моисеевы Алабушки и многие другие.

Среди тамбовских миссионеров оказалось немало достойных людей, которые смогли внести значительный вклад не только в борьбу с сектантством. Собранные ими сведения о сектантах и их учении обладают научной ценностью как для сектоведения, так и для тамбовского краеведения. Среди епархиальных противосектантских миссионеров достойны упоминания Д.И. Боголюбов, И.Г. Айвазов, В.П. Базарянинов и М.И. Третьяков.

Во время миссионерских бесед молокане и хлысты вели себя по-разному. Если молокане часто вступали в споры с миссионерами и могли в таких спорах порой «проявлять крайнее упорство»¹, то хлысты, напротив, редко выступали в качестве собеседников, поэтому беседы с ними чаще всего принимали характер монолога.

Сделав вывод о «хлыстовщине», что «духовные меры в борьбе с ней бессильны вследствие ее лицемерия, православного обличия и скрытности»², миссионеры решают поставить хлыстов перед выбором: открыто заявить о своей принадлежности к секте или отречься от их учения.

Поэтому в 1902 г. во время Великого поста от лиц, подозревавшихся в принадлежности к секте хлыстов, проживавших в Тамбовской губернии, потребовали произнести отречение от своих религиозных убеждений, прежде чем приступить к исповеди и причастию. В этой ситуации не все хлысты повели себя одинаково. Некоторые из них произнесли отречение, но сделали это лицемерно. В итоге, как оказалось в дальнейшем, они остались «прежними же упорными сектантами, лукаво обманувшими церковь»³. Другая часть хлыстов, по словам миссионеров, «люди малодостаточные и прямо бедные»⁴, проживавшие в селах Курдюки и Перевоз, повели себя честнее и отказались отречься от своего учения. Однако, несмотря на

¹ Тамбовские епархиальные вестн. 1900. № 9. С. 126.

² Там же. 1901. №. 6. С. 105.

³ Там же. 1903. №. 23 С. 374.

⁴ Там же.

весь кажущийся неуспех этого мероприятия, оно, несомненно, имело свои положительные последствия, заключавшиеся, прежде всего, в том, что миссионерам и приходскому духовенству удалось провести четкую грань в сознании верующих между православным учением и учением сектантов.

Для того, чтобы избежать всякой двусмысленности при отречении хлыстов от своего учения, в 1905 г. особой комиссией под председательством преосвященного Нафанаила (Троицкого; епископ Козловский в 1904–1908 гг.) было разработано «Публичное исповедание веры подозреваемого в хлыстовстве», разосланное духовенству сел, в которых проживали сектанты. Впрочем, после появления новых государственных законов о веротерпимости 1905-06 гг. хлысты могли отказаться от конспирации. Однако свобода вероисповедания уже не привела к существенному повышению религиозной активности ни у хлыстов, ни у молокан.

Подводя итоги результатам деятельности тамбовских миссионеров в Кирсановском и Борисоглебском уездах, мы не должны ее оценивать исключительно исходя из общего числа обращенных в православие сектантов, помня, что даже одно искреннее такое обращение уже является большим успехом. Гораздо важнее, что православная миссия, несомненно, способствовала укреплению православной веры и оживлению религиозной жизни во многих приходах Тамбовской епархии в эпоху, когда в среде тамбовского крестьянства, по наблюдениям духовенства, уже просматривалась тенденция к постепенному усилению индифферентного отношения к религии вообще и православной вере в частности.

Р.Ю. Просветов,

*член рабочей группы при научно-редакционном совете
по изданию документов Поместного Собора 1917-1918 гг.*

Митрополит Вениамин (Федченков) о воспитании пастырства в советский период

В послевоенное время одной из главных задач Русской Православной Церкви являлось восполнение необходимого числа духовенства, нехватка которого остро ощущалась на приходах. Зачастую отсутствие священника приводило не только к снятию с регистрации прихода, но и к закрытию храма, а в дальнейшем и к его разрушению. Решить задачу пополнения рядов священнослужителей должны были вновь созданные духовные учебные заведения в Москве, Ленинграде и Одессе. Однако их возможностей для решения этой важной задачи было явно недостаточно. В 1954 г. председатель Совета по делам Русской Православной Церкви Г.Г. Карпов докладывал, что «число убывшего духовенства (смерть, уход за штат по старости и т.д.) составляло 700–800 человек ежегодно, окончивших же учебные заведения было всего 5% от общего числа (выпущено 653 человека за это время)»¹. Церкви необходимо было искать дополнительные пути для воспитания пастырства.

Митрополит Вениамин (Федченков) с приходом на Латвийскую кафедру в феврале 1948 г. прежде всего обратил свое внимание на недостаток священнослужителей в латвийских приходах. Для восполнения этого недостатка он решил открыть в Риге кратковременные курсы богословско-псаломщицкого характера. Уполномоченный Совета по делам Русской Православной Церкви в создании таких курсов Владыке отказал. Конечно, существовала возможность

¹ *Силин Н.Н.* Жизнь и деятельность митрополита Вениамина (Федченкова) в 1948–1961 гг. в контексте церковно-государственных отношений. Диссертация на соискание ученой степени кандидата богословия. Сергиев Посад, 2010. С. 121.

направлять своих кандидатов в духовные школы Ленинграда и Москвы. И этой возможностью митрополит Вениамин пользовался. Однако количество мест в данных учебных заведениях было ограничено, и нужды духовного образования пастырства, по мнению Владыки, они не вполне обеспечивали. В Латвии нужны были свои священнослужители из латышей, выросшие в местных условиях и знающие местную богослужебную практику. Ставленники, то есть те, кто готовился к рукоположению в священнослужители, проходили такую практику в Рижском кафедральном соборе, где в определенные дни совершались службы на латышском языке. Помимо этого, необходимо было заниматься самообразованием. Духовной литературы не хватало. И митрополит Вениамин добивается издания епархиальных «Вестей», где начинает ежеквартально публиковать небольшие статьи, касающиеся пастырской практики: о таинстве исповеди, о совершении таинства крещения, о практике возложения на главы верующих евхаристической чаши, о крестных родителях, об открытии царских врат и т.п. Всего в 1950–51 гг. вышло четыре выпуска епархиальный «Вестей». Пятый, пасхальный номер, власти печатать не разрешили.

После неоднократных обращений в Москву митрополит Вениамин все же получил разрешение на организацию краткосрочных курсов по переподготовке уже зарегистрированного духовенства. Вскоре такие курсы были проведены в Риге. А в 1951 г. Владыка уже составляет обширный проект организации двухгодичных «высших духовных курсов»¹. На этих курсах он сам, а также приглашенные к этому рижские священнослужители должны были читать лекции по два часа три раза в неделю для слушателей, среди которых могли быть и миряне. Материалы лекций предполагалось печатать и распространять среди духовенства. По мнению Рижского уполномоченного, данные курсы были задуманы митро-

¹ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 831. Л. 56–57.

политом для того, чтобы «свой богатый и церковный, и жизненный опыт архиерея передать окружающему его духовенству»¹. По сути, так оно и было. На замечание уполномоченного о том, что существует практика заочного обучения в открытых духовных заведениях, митрополит Вениамин отвечал, что «считает систему преподавания в этих учебных заведениях неправильной, так как там преподавание ведется в соответствии с веками установившимися канонами, без связи с опытом и современными условиями, и это мешает духовенству правильно ориентироваться»². Иными словами, Владыка вводил свою систему обучения духовенства на местах, что, конечно, не входило в планы уполномоченного Совета и органов госбезопасности Латвийской ССР. Реализовать свои замыслы митрополит Вениамин так и не смог: в том же году он был переведен на Ростовскую кафедру.

На месте своего нового служения митрополит Вениамин столкнулся не только с нехваткой духовенства в епархии, но и с нежеланием некоторых священнослужителей служить в сельской местности, где доходы были намного меньше городских. Таким образом, в 18 сельских храмах вовсе не совершались богослужения. Владыка стал искать простых благочестивых мирян, которые не имели бы канонических препятствий к рукоположению, и после краткой подготовки посвящать таких ставленников в священный сан. Этих священнослужителей он называл местными «рыбаками» – по аналогии с евангельскими рыбаками-апостолами, последовавшими за Христом³. Вскоре естественная убыль духовенства в Ростовской епархии в определенной мере стала покрываться за счет посвящения в духовный сан лиц, не имеющих специального духовного образования, но, как говорилось в докладах уполномоченного, «близко стоящих к Церкви (псаломщиков, регентов, церковных старост и т.д.)». Среди

¹ Там же. Л. 36.

² Там же. Л. 36–37.

³ Там же. Д. 1353. Л. 2.

них встречались и люди весьма преклонного возраста, но для Владыки главным было то, чтобы духовное лицо оставалось, прежде всего, благочестивым и несребролюбивым.

Бывало, что на новорукоположенных священнослужителей жаловались прихожане. На одну такую жалобу митрополит Вениамин писал: «Снова повторю: отец Мартин – с недостатками, но вот Вы все о чем подумайте. За этот год (с апреля 1951 года по апрель с.г. (1952) я должен был найти 50 (слышите: пятьдесят) священников. Да, в 1951 г. при предыдущем архиерее закрыто было 18 приходов в нашей епархии за недостатком священников. И этих приходов уже не вернуть. Некоторые и просят, и жалуются в Москву, но исправить дело невозможно: не по моей вине. А при мне не закрылось за год ни одного прихода! А почему? Потому, что я старался и стремился искать священников. Где же их было взять? Семинаристов нет. И я искал кандидатов в других епархиях, среди псаломщиков и регентов. Иначе было неоткуда! И понятно, были и с недостатками, а иначе и при мне закрылось бы приходов, как и до меня (18). Да, были два случая, что и недостаточно подготовленных я ставил в иереи. Но доселе на них (ни на одного) никто не жаловался. Вот лишь Вы первые стали жаловаться. Неужели же нельзя Вам смириться? Можно!...»¹. Таким образом, за один только 1951 год митрополит Вениамин посвятил в сан 28 человек². Однако стоит сказать и о том, что многих недостойных священнослужителей он увольнял за штат, а некоторых и вовсе запрещал в священнослужении. В 1953 г. ростовский уполномоченный свидетельствовал: «За последнее время со стороны священнослужителей, которые были у меня на приеме, нет высказываний о недовольстве действиями митрополита, как это было раньше. Нужно полагать, что многих «недовольных» он уволил за штат,

¹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 569. Л. 200.

² Чумаченко Т.А. Совет по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР. 1943-1965 гг. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2011. С. 251.

отпустил в другие епархии, а некоторые просто притихли. Нужно прямо сказать, что за мою работу уполномоченным священнослужителем не боялись так ни одного епископа, как боялся Вениамина (за мою работу это пятый епископ)»¹.

Конечно, даже простых и благочестивых людей без семинарского образования явно не хватало для восполнения кадров ростовского духовенства. Спасало положение то, что с западных областей Советского Союза наметился приток духовенства. Однако в основной своей массе это духовенство было достаточно образованным и желало служить больше в городах. «Города-то еще заполняются и просителями из других епархий, и семинаристами, а ведь народ-то главным образом в селах, – говорил митрополит Вениамин в 1952 г. на собрании благочинных. – И именно в селах поддержка веры, а не в городах. Что же возможно делать нам? Первое, чего мы почти не делаем, – молиться Господу. Это мы должны все делать. Составим молитву и будем читать ее». Еженедельная молитва, составленная Владыкой, тут же прилагалась. Далее он напоминал: «Нужно воспитывать преемников преимущественно из так называемых простых людей, как об этом говорят благочинные и жизнь. Такого же мнения и благочинные. Вот как сказал один из благочинных: «Таким образом вопрос о кандидатах в Церкви Божией в пастыри разрешается так, что служащие ныне священники должны стать учителями и наставниками будущих пастырей Церкви. А это возможно только тогда, когда они сами займутся собственным духовно-церковным образованием»². Митрополит Вениамин вновь, как и в Латвии, начинает хлопотать об издании периодического органа «Церковные вести» и создании краткосрочных курсов по подготовке духовенства. Но ни того, ни другого власти ему не позволяют делать. Однако в конце 1954 г. Владыка все же смог организовать и провести месячные курсы по повышению квалификации недавно рукоположенных

¹ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1042. Л. 11.

² Там же. Д. 910. Л. 107-108.

священнослужителей. Программа курсов была утверждена Святейшим Патриархом. Всего на этих курсах прошли обучение 17 человек, хотя планировалось обучить 25 человек¹.

Все эти меры по активизации церковной жизни в Ростовской епархии беспокоили Совет по делам Русской Православной Церкви, а также местные партийные органы Ростовской области и уполномоченного. Последний сообщал, что «знакомство с биографическими данными рукоположенных в служители культа показывает, что пополнение кадров духовенства происходит, главным образом, за счет лиц преклонного возраста, проживавших на оккупированной территории и перешедших в этот период на службу церкви (алтарником, псаломщиком, сторожем), и лиц, возвратившихся из заключения»².

В мае 1955 г. месячные курсы по повышению квалификации священнослужителей были повторены. Курсы были рассчитаны на 25 слушателей. Занятия проводились ежедневно, кроме воскресных и праздничных дней. Часто с лекциями выступал сам митрополит Вениамин. Значительное время на курсах было отведено на прохождение церковной практики³.

В проповедях с церковного амвона Владыка поддерживал и укреплял как пастырей, так и пасомых, призывая не бояться новой антирелигиозной компании, притеснений и гонений верующих. Все эти действия управляющего Ростовской епархией вскоре привели к тому, что под давлением властей Святейший Патриарх Алексий (Симанский) предложил Владыке перевод в Саратов. Митрополит Вениамин согласился на этот перевод. К тому времени в Саратове уже действовала духовная семинария. Однако после знакомства с учащимися и преподавателями семинарии митрополит Вениамин откровенно признавался местному уполномоченному, что теперешняя се-

¹ Там же. Д. 1150. Л. 17.

² *Силин Н.Н.* Указ. соч. С. 133.

³ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1259. Л. 48.

минария является лишь осколком старой, в которой «мало благочестия»¹. Владыка прекрасно знал недочеты прежней, старой, семинарии. В своих воспоминаниях он пишет: «...пришла революция. Открылся Московский Церковный Собор. И там, между прочим, был прямо поставлен вопрос о закрытии семинарий и создании специальных пастырских училищ. Собор остановился на компромиссе: сохранять прежние и строить новые школы. Но развитие революции закрыло и то, и другое. Таков был путь Промысла Божия. И я думаю, что оно было своевременным. Требовалось изменение подготовки пастырей... Церковь в свое время хотела бы воссоздать и школы, но с иным духом и строем. Этого мы ждем. Старые школы не умели воспитывать нас»². Приводя в одной из своих работ эти строки Владыки Вениамина, митрополит Илларион (Алфеев) пишет: «Таким образом, после четверти века пребывания в духовных школах – сначала в качестве студента, затем в качестве преподавателя и ректора – митрополит Вениамин пришел к выводу о том, что потенциал дореволюционной духовной школы себя исчерпал и что закрытие духовных семинарий и академий после революции было промыслительным. С таким радикальным выводом вряд ли согласились бы как многие другие выпускники духовных школ конца XIX–начала XX века, так и сегодняшние студенты и преподаватели. Однако трудно оспорить мысль Владыки Вениамина о том, что в воссоздаваемых духовных школах должен быть «иной дух и строй», чем в дореволюционных»³. Эти мысли митрополита Вениамина были созвучны мыслям бывшего ректора Тамбовской духовной семинарии, впоследствии и ректора Московской духовной академии архиепископа Волоколамского Феодора (Поздеевского)⁴.

¹ Там же. Оп. 7. Д. 27. Л. 60.

² Вениамин (Федченко), митр. На рубеже двух эпох. М., 1994. С. 94.

³ Илларион (Алфеев), еп. Православное богословие на рубеже эпох. Киев, 2002. С. 352.

⁴ См.: Просветов Р.Ю. Священномученик Феодор (Поздеевский): о духовном образовании и воспитании пастырства // Тамбовские епархиальные ведомости, 2010, № 12. С. 42-45.

К сожалению, повлиять на воссоздание нового духа в Саратовской семинарии было весьма сложно, так как местные власти не желали, чтобы митрополит Вениамин выходил за отведенные ими для него рамки, а именно: совершение богослужений и административное управление епархией. Беседы митрополита с учащимися и преподавателями семинарии власти старались всячески ограничить. И сама семинария, как ни странно, «восстала» на Владыку через некоторых своих преподавателей и «активных» студентов, обвиняя его в американизме и ставя в вину участие в Белом движении. Митрополит Вениамин вновь говорит о том, что не нужно полагаться на выпускников семинарий, а искать кандидатов в священнослужители надо на местах среди прихожан. В беседе с духовенством г. Вольска в мае 1956 г. он говорил: «Наступает, и уже наступил отчасти, новый этап, когда священники будут отбираться из демократического, народного состава, как это бывало и прежде до семинарий, до половины XVIII столетия. А образованные семинаристы и академисты будут удовлетворять города. И Господь набирал апостолов не из иудейских книжников, а из галилейских рыбаков. Народ же провинций не столько учености требует от своих пастырей, сколько веры и благочестия»¹. При этом Владыка не забывал и евангельские слова: «Итак, молитесь Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву Свою» (Матф. 9:38). Свидетельством исполнения этих слов являлась упомянутая выше молитва, составленная митрополитом, текст которой с его пояснениями мы приводим здесь полностью.

¹ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1368. Л. 17.

Еженедельная молитва

Ее можно читать и чаще, но не менее раза в неделю, но непременно с верою, надеждою и сердечно.

Господи, Иисусе Христе Сыне Божий!

Умоли Отца своего, да изведет во Имя Твое делателей на жатву Свою! Да ниспослет пастырей добрых стаду Твоему. Церкви Твоей Святей. Ибо Ты Сам рекл еси учеником Твоим: «Созижду Церковь Мою и врата ада не одолеют ей». Молитвами Богородицы и всех святых Твоих, наипаче же благодатию Святого Духа Твоего. Аминь.

(Поклоны по желанию: от 1 и более, до 10).

Митрополит Вениамин.

После подписи следует: Раньше не было школ, а Русь была «святая». Еще при святителе Воронежском Митрофане отцы выбирались народом из своей среды. Донская епархия тогда принадлежала к Воронежу. Правда, были потом случаи, что отцы обвинялись в нетрезвости. С этим боролся и св. Митрофан Воронежский. После были и школы. Св. Тихон Задонский сам воспитывался в семинарии. И то, и другое может быть хорошим¹.

Примечательно, что митрополит Вениамин добавляет здесь, что «и то, и другое может быть хорошим». То есть и когда кандидаты в священнослужители избираются из народной среды, и когда они воспитываются в семинарии. Вопрос этот остается весьма актуальным и сегодня, когда происходит, с одной стороны, разукрупнение епархий, с другой стороны, реформирование системы духовного образования. Когда в новых епархиях создаются богословские и катехизаторские курсы для мирян, которые могут послужить и для подготовки будущих священнослужителей.

¹ Там же. Д. 910. Л. 118.

Надеемся, что опыт и практика подготовки священнослужителей митрополитом Вениамином (Федченковым) в тот период, в который ему Господь судил послужить Церкви, останутся также услышанными и востребованными сегодня.

Федченковы и Боратынские

В 2005 году, в день 125-летия со дня рождения митрополита Вениамина (Федченкова), по благословению епископа Тамбовского и Мичуринского Феодосия (ныне митрополит Тамбовский и Рассказовский) в парке бывшей дворянской усадьбы Мара – «приюте младенческих годов» поэта Евгения Боратынского – был освящен источник¹. Тогда верилось, что это послужит началом воскрешения исторической памяти и бережного отношения к отечественным святыням, которые в XX столетии были либо поруганы, либо скрыты под спудом вынужденного забвения.

Поэт пушкинской плеяды Евгений Боратынский и митрополит Вениамин (в миру Иван Афанасьевич Федченков) родились в одном месте – в усадьбе Ильиновка, которая располагалась в 5 верстах от Мара, имевшей для каждого из них особое значение. В разное время и тот, и другой пили воду из источника, который известен по воспоминаниям современников. Так, например, А.Н. Тархова писала: «Берущий начало из родника ручеек, русло которого пролегало по дну оврага, пополнялся водами второго родника и тек мимо ульев пчельника, через прудок в начале леса, а оттуда фруктовым садом и огородом в Вяжлю...»². Этот источник всегда посещался местными жителями и гостями усадьбы, которые шли от Вознесенской церкви и господского дома к парковому павильону Грот, стоявшему на краю оврага.

¹ Ныне с. Софьинка Уметского р-на Тамбовской обл. (бывший Кирсановский уезд). Освящение было организовано Тамбовским областным литературно-художественным музеем, который размещался в доме М.А. Боратынского в Тамбове. В 2006 г. музей был упразднен, а фонды переданы в Тамбовский областной краеведческий музей.

² *Тархова А.Н.* Заметки о родине поэта Е.А. Боратынского. 1977 // Архив автора.

Слова «родник», «ручей», «источник», помимо своего прямого назначения, связанного с определением водной стихии, в русском языке порой характеризуют свойства человеческой души и памяти. Такие образы, как «источник вдохновения», «чистый родник старины и традиций», «незамутненный ручей сознания», «река времени», стали настолько привычными, что используются не только в художественной литературе, но и в простой разговорной речи. Между тем за внешним покровом этих слов скрываются смыслы многих первичных понятий, плотью и кровью вросших в язык народа и расцветших в нем дивным узором самобытности. Например, мало кто ныне задумывается над тем, что слова «родник» и «родина» происходят из одного корня и характеризуют одно и то же явление – начальное звено в цепи географического собирания страны и становления личности человека.

Каждая река имеет свой исток, каждый человек – малую родину, каждый народ – начальную историю... И если прозрачная «река памяти» по каким-то причинам засоряется, мутнеет и перерождается в «реку забвения», то в жизни народа или человека нарушается историческая глубина, а значит, теряются ее подлинный смысл и значение...

Род Боратынских

На протяжении столетий русское государство опиралось на родовую аристократию, стоявшую во главе его управления и охраны от внешних посягательств. Поэтому высшее сословие России, каковым являлось дворянство, всегда было сословием служилых людей, преимущественно военных, получавших за ратные подвиги и заслуги перед Отечеством чины, земли, денежные вознаграждения и знаки отличия.

К дворянскому сословию принадлежали и представители древнего рода Боратынских. Известно, что эта фамилия произошла от названия замка в Галиции – «Боратынь» («Богом ратуемый»). Впоследствии из-за ошибок и небрежности людей истинный смысл фамилии был утрачен, поэтому в некоторых документах и изданиях

появилось ее написание через «а» – «Баратынский»¹. Однако все представители фамилии знали семейное предание и через всю историю рода пронесли свою ответственность перед Богом².

Отец поэта, Аврам³ Андреевич Боратынский, прошел путь от низших чинов до генерал-адъютанта при императоре Павле I и за отличную службу получил имение при селе Вяжли в Кирсановском уезде. Здесь после отставки он поселился с женой Александрой Федоровной (урожденной Черепановой), выпускницей Смольного института и бывшей фрейлиной императрицы Марии Федоровны. Здесь у него родились и выросли дети. Здесь он построил усадьбу, получившую имя Мара.

Мара, воспетая в стихах поэта, являлась одним из духовных центров России⁴. Все, кому приходилось жить или бывать в ней, испытывали желание туда вернуться. Современник Евгения Боратынского, Н.М. Коншин, вспоминал о любви поэта к родительской усадьбе: «Он, как швейцарец, просто одержим был этой, почти неизвестной у нас болезнью, которую французы называют *mal du pays* (ностальгия, тоска по родине. – *Прим. М.К.*). Питая надежду на скорое производство в офицеры, обнаруживал смело перед нами желание тотчас же оставить службу и поселиться дома»⁵.

Усадьба Мара – «сень святая», «дом отеческий», «край любимый» – была для Евгения Боратынского конкретным и в то же время возвышенным символом Родины. Чувство привязанности к родному краю и домашнему очагу в то время питал любой нормальный чело-

¹ При цитировании письменных источников в данной статье сохранено разное авторское написание данной фамилии.

² См. *Климкова М.А.* Боратынские: Возвращение родового предания // А.М.П.: Памяти А.М. Пескова. М., 2013.

³ Был наречен в честь преподобного Авраамия Смоленского.

⁴ См.: Воспоминания Б.Н. Чичерина // Российский архив. М., 1999. Т. 9.

⁵ *Коншин Н.* Воспоминания о Боратынском, или Четыре года моей финляндской службы с 1819 по 1823 / Публ. С.Г. Бочарова и Л.В. Дерюгиной // Е.А. Баратынский. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников. М., 1987. С. 341.

век, но столь острое его восприятие было особенно созвучно чувствам поэта, который писал в стихотворении «Родина»:

*Я возвращуся к вам, поля моих отцов,
Дубравы мирные, священный сердцу кров!
Я возвращуся к вам, домашние иконы!
Пуускай другие чтут приличия законы;
Пуускай другие чтут ревнивый суд невежд;
Свободный наконец от суетных надежд,
От беспокойных снов, от ветреных желаний,
Испив безвременно всю чашу испытаний.
Не призрак счастья, но счастье нужно мне,
Усталый труженик, спешу к родной стране
Заснуть желанным сном под кровлею родимой.
О дом отеческий! О край, всегда любимый!..*

Усадьба взрастила несколько поколений людей, верой и правдой служивших Богу, царю и Отечеству. Среди них – брат поэта Иракий Боратынский, который получил образование в Пажеском корпусе и, как все его предки, стал военным. Участник войн с Персией и Турцией, владелец золотой сабли «За храбрость» и кавалер многих орденов, генерал-лейтенант, он был губернатором Ярославля и Казани, сенатором.

Другой брат поэта, Сергей Боратынский, окончив Императорскую медико-хирургическую академию, стал врачом. Он бесплатно лечил помещиков и крестьян не только Тамбовского края, но и близлежащих губерний, с увлечением занимался фармакологией и живописью, был изобретателем, архитектором, музыкантом. Его сын, Михаил Сергеевич Боратынский, тоже стал врачом и женился на простой крестьянке из Тверской губернии. А падчерица и дочери Сергея Аврамовича – Елизавета Дельвиг, Александра, Софья¹ и Анастасия

¹ В замужестве Чичерина.

Боратынские – занимались просветительством и благотворительностью: строили школы для крестьянских детей, содержали бедных престарелых людей и воспитанниц. Большое влияние на них оказал двоюродный брат Сергей Александрович Рачинский, одно время возглавлявший кафедру Московского университета, а впоследствии занявшийся обучением крестьянских детей в построенных им школах смоленского имения Татево. Рачинский известен в России как идеолог церковно-приходского образования и автор научных статей и книг. Он часто гостил в Маре, а в архивах сохранились его письма, адресованные в кирсановскую усадьбу¹.

Вознесенская церковь, в честь которой в Маре освящен источник, была возведена матерью поэта Александрой Федоровной Боратынской. Она писала к деверю, отставному адмиралу флота Богдану Андреевичу Боратынскому, в смоленское имение: «Любезный братец. На сих днях наш Преосвященный (епископ Иона) почтил меня своим посещением и очень увещевал о построении церкви, обнадеживал меня, что даст свое позволение, на каком бы месте и какою бы мы церковь ни заложили. Строить общую или особенную, лишь бы священников перевестъ и построить близ церкви»².

Предыстория тех событий такова. В 1812 году сгорела Покровская церковь, в которой был крещен Евгений Боратынский и которая духовно окормляла население большого села Вяжли³. На месте пожара возвели деревянную часовню, однако она не могла заменить собой храма. Поэтому после праздника Покрова Пресвятой Богородицы владыка совершил поездку к Александре Боратынской, чтобы просить ее начать строительство новой церкви.

¹ См.: *Климкова М.А.* «Внимательный сельский учитель...»: Сергей Александрович Рачинский и основы его народных школ // Тамбовские епархиальные ведомости, 2008.

² *Климкова М.А.* «Край отеческий...»: История усадьбы Боратынских. СПб., 2006. С. 180. Письмо датируется 14 окт. (без года).

³ В 1877 г. здесь, при с. Сергиевка, возвели Воскресенскую церковь, в которой на клиросе пел Иван Федченков.

Александра Федоровна писала совладельцу вяжлинского имения Б.А. Боратынскому, призывая его к совместным действиям и преисполняясь решимости начать нелегкое для женщины дело: «Безумно было бы мне на самую себя надеяться при столь важном деле; если бы вы сами здесь жили, то мне осталось бы только выставить по своей части деньги и материалы, если по прежнему вашему предложению бы решились строить общую со мною церковь в Маре – о сем пункте покорнейше вас прошу меня развязать»¹. Далее в письме Боратынская сообщала, что она собиралась ехать в село Каравино к соседке-помещице В.С. Ивановой, чтобы посмотреть церковь, которую епископ Иона рекомендовал взять за образец: «Она имеет два придела, что для общей церкви необходимо, ибо Преосвященный советовал построить нашу во имя Спасителя, а один предел – Покрову Богородицы, а другой – во имя Аврама Смоленского Чудотворца».

Каменная церковь в Маре была возведена в 1818 году и освящена в честь Вознесения Господня. В 1819 году были написаны иконы живописцем А. Соколовым и сооружен иконостас. В местном его ряду размещались иконные образы «Вознесение Господне» и «Преподобный Авраамий Смоленский» (небесный покровитель покойного отца поэта – А.А. Боратынского). Другая икона Божией Матери «Казанская», исконно почитавшаяся в семье Боратынских, вскоре стала местночтимой, а сама церковь в народе иногда именовалась Казанской².

Храм простоял около полутора веков. Его судьба повторила судьбу многих других храмов, но в то же время была по-своему уникальна, поскольку в ней крестились, венчались и отпевались члены известнейшего в России рода Боратынских. Здесь в начале XX столетия священнику Николаю Минервину помогал служить будущий митрополит Вениамин (Федченков).

¹ Здесь и далее: *Климкова М.А.* «Край отеческий...». С. 181.

² *Андреевский А.Е.* Историко-статистическое описание Тамбовской епархии. Тамбов, 1911. Ч. 2. С. 558.

Семья Федченковых

Митрополит Вениамин, благословленный на служение святым праведным Иоанном Кронштадтским, сегодня является одним из самых известных духовных писателей, продолжателем традиций святителей Игнатия Брянчанинова и Феофана Затворника. Он прошел длинный и нелегкий жизненный путь. Наместник Псково-Печерской лавры архимандрит Алипий (Воронов) вспоминал: «Все, кто знал или хотя бы в жизни видел Владыку, тот знает тайну его личного обаяния, тот знает тайну, которой он привлекал сердца людей; эта тайна – любовь Христова, которая жила в нем... В 83-летней своей жизни он никогда не имел стяжания..., а поэтому вся его жизнь была жизнью истинного странника на земле сей»¹.

Трудно представить и понять судьбу митрополита Вениамина без его малой родины и людей, окружавших его в детстве и юности.

Иван Федченков родился в селе при дворянской усадьбе Ильиновка², принадлежавшей Андрею Ильичу Боратынскому, в семье дворового служащего Афанасия Ивановича Федченкова (в прошлом крепостного крестьянина, которого 13-летним юношей помещики привезли в Тамбовскую губернию со Смоленщины). Мать Ивана, Наталья Николаевна, была дочерью Николая Васильевича Оржевского, викарного дьякона Вознесенской церкви усадьбы Боратынских Мары. В метрической книге той церкви сохранилась запись от 8 февраля 1862 года о рождении и крещении тети митрополита Вениамина – Евдокии: родители – «села Вяжли дьячок Николай Васильев Оржевский и законная жена его Надежда Васильева, оба православного вероисповедания»; восприемники – «из дворян Лев Евгеньевич Баратынский³ и девица Настасья Сергеевна Баратынская¹»².

¹ Цит. по ст.: Об авторе книги // Митрополит Вениамин (Федченков). Отец Иоанн Кронштадтский. СПб., Кронштадт, 2000. С. 6.

² В 1940-е гг. в анкете митрополит Вениамин писал о годе, числе и месте рождения: «1880 г. 2 сентября в с. Вяжли Кирсановского у. Тамбов. губ.» (цит. по кн.: *Левин О.Ю., Просветов Р.Ю.* Кирсанов православный. Тамбов, 2012. С. 169).

³ Родной брат поэта Е.А. Боратынского.

Главное значение в выборе жизненного пути Ивана сыграла его мать, благодаря которой он смог подготовиться и поступить сначала в уездное училище, а после года учебы в нем – в Тамбовское духовное училище. В мемуарах он писал о Наталье Николаевне: «Но если бы она не была бережливой, мы не получили бы образования: трое – высшего, а трое – среднего. Старший брат (Михаил) учился в фельдшерском училище (после уездного), Надежда – в учительской школе, Александр после семинарии стал священником, я и Сергей кончили Санкт-Петербургскую духовную академию и оставлены были при ней профессорскими стипендиатами. Лиза после гимназии (с медалью) поступила на высшие женские курсы (в Санкт-Петербургском женском университете). Я описал все это подробно, чтобы показать, каким невероятным, совершенно исключительным путем нам, деревенским жителям, можно было получить тогда образование!»³

По окончании училища Иван Федченков поступил в Тамбовскую духовную семинарию, где обучался бесплатно, зарекомендовав себя одним из лучших учеников и певцов в церковном хоре. Потом он продолжил учебу в Санкт-Петербургской духовной академии; на последнем курсе принял монашеский постриг с именем Вениамина; был посвящен в иеродьякона, затем – иеромонаха.

В мемуарах «На рубеже двух эпох»⁴ митрополит Вениамин вспоминает добрым словом родной край, родителей, дом, школу, церкви – Вознесенскую и Воскресенскую, членов семьи Боратынских, живших в Маре и Ильиновке. «Красивые были места везде, – вспоминал Владыка. – ...Храм (Воскресенский) прекрасный, в стиле Санкт-Петербургского Исаакиевского собора, был построен... далеко

¹ Племянница поэта Е.А. Боратынского.

² ГАТО. Ф. 1049. Оп. 2. Д. 4137. Л. 3 (об.).

³ *Вениамин (Федченков), митр.* На рубеже двух эпох / Сост., авт. вступ. статьи и коммент. А.К. Светозарский. М., 1994. С. 80–81.

⁴ Главы книги «На рубеже двух эпох»: «Деревня», «Школа, общество и Церковь» с комментариями были переизданы в сборнике: Духовные традиции усадебной культуры рода Боратынских: Сб. материалов Всероссийского научного семинара. Тамбов, 2005. С. 129–227.

от дома, ближе к селу и беднякам, чтобы удобнее было народу... Неприветлива и строга была барыня (Софья Сергеевна Чичерина, урожденная Боратынская). Она выстроила отличную школу для детей округа, давала ученикам ежедневную пищу на обед из дворовой кухни. На восьмое марта, день прилета жаворонков, нам пекли вкусных птичек, в некоторые из них было вложено по серебряному грибеннику. Но все же память сохранила строгий и холодный облик ее. Не помню, чтобы она когда-нибудь улыбалась, как еще менее – муж ее (В.Н. Чичерин).

Но зато какие были симпатичные, смиренные, богомольные сестры ее, дожившие в девицах до 80 лет и скончавшиеся перед второй революцией.

– Хорошо, что наши барышни не дожили до этих ужасов! – говорили мои родители.

Посещал наши края один из трех составных частей «Козьмы Пруткова» – А. Жемчужников, но и его мы видели лишь издалека, прогуливающимся с тросточкой по имению М.А. Баратынского, который был женат вторым браком на его дочери. Эта семья тоже была добрыми и благочестивыми людьми»¹.

В конце 1880-х годов Федченковы вынуждены были уехать из Ильиновки. Со слов митрополита Вениамина, события развивались следующим образом: «Умер старый барин Андрей Ильич (Боратынский). Его трое детей получили все в наследство и разделили его. Отцу моему после такой долголетней службы естественно было бы получить место управляющего в одном вновь отделенном имении... Но отец был малоспособен к административной власти, как человек мягкой души. Однако, кажется, его прочили на это место... А тут помешала еще и правда. При разделе имения (не знаю уж кем, не управляющим ли?) брату Илье Андреевичу отведены были худшие места и в полях, и в лесах, и в займищах, то есть в заливных весной

¹ Вениамин (Федченков), митр. Указ. соч. С. 46.

лугах. Конечно, отец знал это. И... написал обоим братьям Михаилу и Илье... в Москву письмо о том... Но братья на него обиделись: будто отец желает их перессорить. А может быть, была и третья причина: брат нашего управляющего, холостяк Петр Андреевич, тоже метил на это место»¹.

Афанасий Иванович Федченков был уволен и лишен средств к существованию. Его семья, не имевшая ни собственного дома, ни надела земли, оказалась в тяжелом положении, но тут им протянули руку «сестры Боратынские» – последние обитательницы усадьбы Мара. Они дали Федченковым работу и жилье. Именно отсюда Иван Федченков ушел учиться в Тамбовское духовное училище, а потом в духовную семинарию.

В 1906 году, когда по России прокатилась череда аграрных беспорядков, будущий митрополит Вениамин, учившийся в Санкт-Петербургской духовной академии, писал владельцам Мары: «Тяжелое, горемычное положение бесправного крестьянства, в котором отчасти, может быть, виновато и само оно, все же не может не волновать людей, имеющих власть и имения. С другой стороны, аграрные движения последней осени и неопределенность будущего и на неробкого наведут грустные мысли. Поэтому-то в данное время особенно трудно и тяжело чувствовать себя владельческому классу. Теперь он поймет вполне, что... не в богатстве счастье, а в чем-то ином; больше того, теперь я ни за что не хотел бы быть богатым. Сколько ответственности, сколько трудностей, сколько опасностей! И вспомнишь, как спокойно живется тебе, маленькому человеку. Никто тебе не завидует, никто не угрожает. Про тебя даже не знают. Хорошо маленькому человеку! Но рай не только... в шалаше..., а он может быть и в хоромах. Духовный мир, радость, спокойствие даже среди опасностей даются от Бога за честную совесть... И видится мне, что вы себя чувствуете не безнадежно, а

¹ Там же. С. 60.

с упованием на Бога... И за ваши молитвы и доброе сердце Господь сохранит вас от зла, хотя бы кругом поднялся ад. Ведь не удивительно ли, что ваши владения остались нетронутыми почти среди общего разгрома? Господь оградил вас. И впредь оградит, если найдет нужным для вас...»¹.

Вскоре, 26 ноября 1907 года, Иван Федченков стал монахом с именем Вениамин, в память диакона-священномученика Вениамина Персидского.

* * *

Все произошло именно так, как предвидел Федченков. Однако если в начале XX столетия усадьбе Мара удалось избежать крестьянских поджогов, то в 1920–1940-х годах она сполна разделила трагическую судьбу русской дворянской усадьбы: ее постройки были разобраны, плодовый сад вырублен, искателями драгоценностей осквернен фамильный некрополь. Ныне на этом месте простирается пустырь, поросший горькой седой полынью, да семейное кладбище Боратынских², о котором митрополит Вениамин писал в своем стихотворении (Нью-Йорк, около 1937 года):

*Стеною низкой огражденный,
На взгорье белый храм стоит,
За ним, кленами осененный,
Господ старинный род лежит...
Кресты из мрамора белеют...
Лампадки тихо здесь горят...
На плитах надписи темнеют...
Цветы кругом могил пестрят...*

¹ Климкова М.А. «Край отеческий...». С. 474.

² В 1996 г. на месте Вознесенской церкви был поставлен крест, а разоренный некрополь Боратынских частично восстановлен в 2000 г. по проекту скульптора А.В. Климкова.

События 1917 года не способствовали сохранению дворянских «гнезд» – помещичьих усадеб. Во второй половине 1920-х годов не стало и Мары, но Вознесенская церковь, сначала действующая, потом превращенная в склад зерна, некоторое время напоминала о былой истории. К 1953-му году она была разобрана на кирпичи для строительства машинно-тракторной станции.

Сегодня, обвиняя «беспамятное время», часто говорят о трагической судьбе дворянских усадеб, безвозвратно канувших в Лету. Однако рядом с нами, в городах, кое-где еще сохраняются бесценные осколки городской усадебной культуры. В Тамбове, например, на улице Мичуринской стоял дом Михаила Андреевича Боратынского – племянника поэта Е.А. Боратынского и зятя поэта А.М. Жемчужникова. То, что особняк принадлежал Боратынским, было документально подтверждено в 2005 году; тогда же он был поставлен на учет как выявленный объект истории и культуры. Этот дом являлся единственным сохранившимся в Тамбовской области зданием, связанным с фамилиями двух известнейших русских поэтов – Е.А. Боратынского и А.М. Жемчужникова.

Всего сто лет назад в особняке Боратынского протекала жизнь большой и счастливой семьи. Здесь развивались традиции музыкальных вечеров, на которых звучали классическая музыка и стихи. Здесь Михаил Андреевич писал и издавал книги. Здесь он занимался фотографией и создал семейную фотолетопись, в которой одно из главных мест отвел А.М. Жемчужникову, специально переехавшему в Тамбов, чтобы быть ближе к дочери Ольге Алексеевне Боратынской и единственным внукам Володе и Сереже.

Мужская линия рода Михаила Андреевича хорошо известна, а вот материнская ветвь продолжает оставаться вне поля зрения. Тем не менее, она тоже весьма любопытна, поскольку его бабушка Наталья Федоровна, вышедшая замуж за барона Л.К. Боде, принадлежала к роду бояр Колычевых. Самым ярким его представи-

телем был митрополит Филипп, выступивший против политики царя Ивана Грозного и после своей трагической гибели причисленный к лику святых.

Более поздний по времени представитель рода – Михаил Львович Боден-Колычев (дядя М.А. Боратынского), унаследовав фамилию по женской линии, вошел в историю как строитель уникального усадебного комплекса Лукино, расположенного в Переделкине и являющегося сегодня загородной резиденцией Святейшего патриарха (сохраняются могилы бабушки и дедушки М.А. Боратынского).

В истории этой ветви рода Боратынских есть еще один интересный факт. Известная книга «Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться?», состоящая из писем святителя Феофана Затворника, обращена к Анастасии Ивановне Кугушевой – двоюродной сестре М.А. Боратынского¹.

В год 210-летия поэта Е.А. Боратынского и 100-летия выхода книги «Род дворян Боратынских»² дом Боратынских в Тамбове был снесен.

Пройдут годы, и наши потомки будут судить о нас и о нашем времени не по объему инвестиций, а по фактам, которые характеризуют отношение к отечественной истории, культуре, к человеческой личности...

Когда сегодня находишься в парке Мары, у ручья и освященного источника, сами собой вспоминаются строки стихотворения Е. Боратынского «Запустение». Прогуливаясь в 1833 году по осеннему парку, поэт вспоминал о своем детстве и некогда процветавшем

¹ Кугушева О.И. Воспоминания: Из истории переписки святителя Феофана Затворника с семьей Кугушевых-Боратынских // Хоругвь: Сборник статей. М., 1994.

² Боратынский М.А. Род дворян Боратынских / Приложение к «Летописи историкородословного общества» за 1910 г. М., 1910. Работа переиздана в кн.: Боратынский М.А. Из истории дворянского рода Боратынских / Сост., автор вступ. статьи и коммент. М.А. Климова. Тамбов, 2007.

дворянском гнезде, о тленности земного мира и об умершем отце, присутствие которого он, как шекспировский Гамлет, вдруг остро почувствовал рядом с собой. В тот миг в его душе поселилась надежда на будущую жизнь и на встречу с ушедшими в мир иной любимыми людьми. Боратынский писал:

*...Он убедительно пророчит мне страну,
Где я наследую несрочную весну,
Где разрушения следов я не примечу,
Где в сладостной тени невянущих дубов,
У нескудеющих ручьев
Я тень священную мне встречу.*

С.И. Андреев,
*кандидат исторических наук,
доцент ТГУ им. Г.Р. Державина,
археолог*

Некоторые итоги археологического исследования усадьбы Боратынских Мара

Детство и юность митрополита Вениамина (Федченкова) была связана с усадьбами Боратынских Мара и Ильиновка, о которых он упоминает в своих воспоминаниях «На рубеже двух эпох».

В советские годы усадьба Мара (ныне с. Софьинка Уметского района) подверглась полному разрушению. Первыми были уничтожены усадебные постройки и родовой некрополь. Вознесенская церковь некрополя была утрачена после Великой Отечественной войны, в конце 1940-х гг. К началу 1960-х гг. некрополь представлял собой совершенно разрушенный объект с зияющими ямами, разбросанными мраморными и гранитными памятниками.

С начала 1970-х гг. наследием Боратынских и историей Мары серьезно увлекся тамбовский художник-оформитель В.Г. Шпильчин, оформлявший музейные экспозиции, в частную коллекцию которого впоследствии попали фотографии усадебной церкви и некрополя (дореволюционные и 1940-х гг.). Данные фотографии сыграли свою роль в восстановлении некрополя.

В то время, когда В.Г. Шпильчин начал собирать свою частную коллекцию, место некрополя было трудно узнаваемо. О нем напоминали только провалы склепов и руины фундамента церкви. В 1980-е гг. 12 надгробий семьи Боратынских, их родственников и соседей по имени, были свезены на территорию нового сельского кладбища, где и находились до 2000 г.

К 200-летию со дня рождения поэта Е.А. Боратынского усилиями общественности и госорганов Тамбовской области была пред-

принята попытка приведения в порядок сохранившейся толики родового гнезда Боратынских. Прежде всего, в 1999–2000 гг. были проведены археологические раскопки значимой части территории некрополя с целью поиска захоронений, идентификации человеческих останков с последующим возвращением их и надгробных памятников на первоначальные исторические места.

* * *

Территория некрополя представляет собой прямоугольник, расположенный по оси север-юг, с небольшим отклонением от оси в сторону запада. С западной и восточной стороны некрополь ограничен остатками ограда, от которой сохранились небольшие валы высотой до 0,3 м и шириной до 1 м. Расстояние между оградами – около 65 м. С севера территория некрополя ограничивается асфальтированной дорогой, с юга – грунтовой дорогой. Ширина с севера на юг – около 70 м. В настоящее время значительная часть территории некрополя обнесена деревянным забором.

В 1999 г. тамбовской археологической экспедицией под руководством С.И. Андреева были найдены и подверглись раскопкам 8 склепов некрополя, в одном из которых находились в переотложенном состоянии останки еще 5 человек, по всей видимости, попавших сюда во время разграбления могил из других захоронений. Всего найдены останки 13 человек. В лабораторных условиях были проведены работы по определению пола и возраста покойных. Установлены места погребения Боратынских Александры Федоровны (урожденной Черепановой, матери поэта), Екатерины Федоровны (урожденной Черепановой, тети поэта), Сергея Абрамовича (брата поэта), Софьи Михайловны (урожденной Салтыковой, невестки поэта, в первом браке Дельвиг) и Елизаветы Антоновны Дельвиг (единственной дочери поэта А.П. Дельвига). Часть костных останков не удалось идентифицировать.

В 2000 г. тамбовской археологической экспедицией было продолжено изучение некрополя. Найдены и исследованы еще 3 склепа. Проведенные работы по определению пола и возраста покойных позволили с большой долей вероятности установить место погребения Александры Михайловны Дмитриевой-Мамоновой (урожденной Боратынской, внучатой племянницы поэта).

На этапе камерально-лабораторной работы в полевых условиях были определены поло-возрастные особенности погребенных, выявлены патологические отклонения в костных останках некоторых из них. Были обработаны детали погребальной утвари, фрагменты обуви и другой сопровождающий инвентарь. В ноябре 1999 г. и июне 2000 г. было произведено перезахоронение останков по православному обряду.

Ниже приводим краткое описание найденных объектов и предметов.

В результате работ 1999 г. было обнаружено 8 склепов; в 4-х ямах-склепах останков не выявлено, хотя в 2-х из них грунт перемешан с кирпичной крошкой на глубину до 1,5 м, что наводит на мысль о разграблении в этих местах склепов до основания.

Обнаруженные склепы ориентированы преимущественно по линии север, северо-восток, юг, юго-запад. В плане они представляют собой две параллельные линии, по 4 склепа в каждой.

Склеп № 1 находится в 13 м к северу от северо-западного угла алтаря Вознесенской церкви. Размеры склепа: 2,2х1 м. Склеп был выложен кирпичом, размеры которого 26х12,5х6 см. Эти размеры приближаются к современным стандартам. В качестве связующего раствора использована смесь песка с известью. Кладка кирпича осуществлена «ложком», в полкирпича. На восточной стенке сохранилось 9 рядов кладки, на остальных стенках – по 19 рядов. Пол суглинистый, без признаков укрепления. Все стенки, кроме южной, значительно деформировались и вогнулись внутрь склепа.

Засыпка склепа представляла собой перемешанные слои земли, суглинка кирпичной крошки и целые кирпичи от рухнувшего свода склепа. В нижней части засыпки и на дне склепа обнаружено:

1) Костные останки одного человека не в анатомическом порядке. Это останки женщины, возраст – около 60 ± 5 лет, рост – около 165 см. Череп раздавлен при разрушении склепа. Альвеольные края челюсти заросли. Скелет неполный. Отсутствовали: часть фаланг пальцев рук и ног, крестец, кости позвоночника, часть ребер, одна коленная чашечка.

2) Крупные фрагменты цинкового и деревянного гробов. Вероятнее всего, деревянный гроб находился внутри цинкового. Это подтверждается фактом обнаружения ручек как от цинкового, так и от деревянного гробов. Ручки цинкового гроба изготовлены из железного прутка диаметром 6 мм, изогнутого в форме скобы, размером 8x4 мм. Скоба крепится на прямоугольных ушках, вставленных и развальцованных в железной пластине толщиной 2 мм, размером 10,5x5,5 см. Ручки крепились к гробу при помощи 5 шурупов.

Ручки деревянного гроба, наибольшая внутренняя ширина которого составляет 47 см, изготовлены из металла желтого цвета (вероятно, из латуни). Ручка отлита в односторонней форме и представляет собой разомкнутый овал размером 14,5x9 см. На центральной части ручки наклепана профилированная накладка из тонкой фольги того же металла при помощи двух гвоздиков. Ручка крепилась при помощи двух полуцилиндрических втулок с винтовой нарезкой, которая с внутренней стороны стягивалась квадратной гайкой. Ее размер в поперечнике 13 мм. Под ручкой к гробу крепилась прямоугольная пластина, изготовленная в технике «басма», размером 22x17 см. Это изображение растительного и геометрического орнамента, увенчанного упрощенной короной. Пластина крепилась мелкими железными гвоздиками.

3) Фрагменты кожаной обуви, вероятнее всего, от двух женских туфель. Это подметки длиной 24 см с каблуком высотой 3 см,

со стельками и задниками и фрагменты передних частей, обрамленные ниточной прошивкой в 2 строчки. На одной (правой) подошве, в районе носка с внешней стоны, сохранилась прочерченная окружность диаметром 27 мм.

Из украшений гроба в склепе были обнаружены кисти в форме луковицы, парча от обивки, деревянные цилиндры, обшитые нитью из серебра низкой пробы. Найдены также кованые железные гвозди от крышки гроба.

В районе расположения черепа были обнаружены фрагментированные верхняя и нижняя вставные челюсти. Основу верхней челюсти составляет тонкая гуттаперчевая пластина в форме верхнего неба. Цвет пластины – темно-бурый, с правой стороны имеет утраты. На пластине закреплены белые фарфоровые зубы. С левой стороны над последними зубами вмонтирована тонкая пластина из желтого металла с округлой шляпкой. Нижняя челюсть изготовлена из того же материала в форме дуги, также с фарфоровыми зубами и двумя шляпками из желтого металла, расположенными симметрично по обеим сторонам челюсти (вероятно, это крепежные детали). По мнению главного врача Промышленной стоматологической поликлиники Ю.А. Колядина, эта челюсть сделана в конце XIX в. за границей России.

Судя по наличию цинкового гроба, можем сделать вывод о том, что покойная была привезена издалека. Отметим практически полное отсутствие таких деталей одежды, как пуговицы, ткани и др. В районе головы найдены остатки стружки, мха, лавровых листьев.

Таким образом, используя вышеперечисленные данные, можем сделать вывод, что захоронение сделано на рубеже XIX–XX вв.

Склеп № 2 расположен в 1 м к востоку от склепа № 1, в 13 м к северу от северо-западного угла Вознесенской церкви. Размеры склепа: 2,16x0,88 м. Склеп был выложен кирпичом, размеры которого 27x13x6 см. Эти размеры примерно соответствуют стандартам середины XIX в. Отметим, что этот склеп по сравнению с другими со-

хранился наиболее полно. Сохранились 13 рядов кладки и часть четырехпарусного свода. На своде заметны следы опалубки, а также слой известковой штукатурки с тягами. В качестве связующего раствора использована смесь песка с известью. Кладка кирпича осуществлена «ложком», в полкирпича. Пол суглинистый, без признаков укрепления.

Засыпка склепа представляла собой перемешанные слои земли, суглинка, кирпичной крошки и целые кирпичи от рухнувшего свода склепа, а также 2 крупных фрагмента памятника из белого мрамора размером 30х32х25, 25х22х23 см. Имеются два мелких фрагмента и один крупный фрагмент базальтового основания памятника.

В нижней части засыпки и на дне склепа обнаружено:

1) Костные останки одного человека не в анатомическом порядке. Это – мужчина, рост 180–190 см, возраст 45±5 лет. Отметим темную пигментацию костей. Аномалий на костях не обнаружено. Отсутствовали некоторые фаланги пальцев рук и ног, а также череп. Сохранилась нижняя челюсть.

2) Три ручки от гроба подковообразной формы, сделанные из кованого прута диаметром 12 см, круглой формы в сечении. Три пуговицы, одна из которых костяная, диаметром 3 см с четырьмя отверстиями, две другие – железные, покрытые медной фольгой, диаметром 2 см. Несколько фрагментов кожаной обуви, обивочной ткани, кованые гвозди от гроба и небольшой фрагмент от гроба.

Таким образом, используя вышеперечисленные данные, можем сделать вывод, что захоронение сделано примерно в середине XIX в.

Склеп № 3 расположен в 0,7 м к востоку от склепа № 2, в 13 м к северу от северо-западного угла фундамента Вознесенской церкви. Размеры склепа: 1,4х0,8 м. Склеп был выложен кирпичом, размеры которого 27х13х6 см. Сохранилось 12 рядов кладки. С западной стороны – 8 рядов. Кладка грубая. Свод полностью разрушен. В качестве связующего раствора использована смесь песка с известью. Кладка кирпича осуществлена «ложком», в полкирпича. Пол сугли-

нистый, без признаков укрепления. Западная стенка склепа продавлена внутрь.

Засыпка склепа представляла собой перемешанные слои земли, суглинка, кирпичной крошки и целых кирпичей от рухнувшего свода склепа. В нижней части засыпки и на дне склепа обнаружено:

1) Костные останки одного человека не в анатомическом порядке. Это останки ребенка в возрасте 8 лет \pm 1 год. Рост около 1,1 м. Пол определить не удалось. Костяк сохранился почти полностью, утрачены некоторые фаланги пальцев рук и ног и крестцовая кость. Отметим, что из зубов прорезались резцы, клыки, премоляры. Прорезаются первый и второй моляр. С правой стороны черепа хорошо заметно пятно зеленого цвета, оставшееся от предмета из меди или бронзы (окислы меди).

2) 4 ручки от гроба, имеющие подковообразную форму, сделанные из круглого железного прута диаметром 7 мм. Размеры 12x8 см. Имеются незначительные остатки обивки гроба.

Таким образом, используя вышеперечисленные данные, можем сделать вывод, что данное захоронение сделано примерно в середине XIX в.

Склеп № 4 находится в 1,2 м к востоку от склепа № 3, в 13 м к северу от северо-западного угла фундамента Вознесенской церкви. Размеры склепа: 1,20 x 0,6 м. Склеп был выложен кирпичом, размеры которого 27x13x6 см. Сохранилось 7 рядов кладки. Кладка грубая. Свод полностью разрушен. В качестве связующего раствора использована смесь песка с известью. Кладка кирпича осуществлена «ложком», в полкирпича. Пол суглинистый, без признаков укрепления.

Засыпка склепа представляла собой перемешанные слои земли, суглинка, кирпичной крошки и целые кирпичи от рухнувшего свода склепа. Имеется несколько железных предметов от конструкции церкви. В нижней части засыпки и на дне склепа обнаружено:

1) Костные останки одного человека не в анатомическом порядке. Это останки ребенка в возрасте 4 года \pm 1 год. Рост около 0,9 м.

Пол определить не удалось. Костяк сохранился почти полностью, утрачены некоторые фаланги пальцев рук и кости ступней ног. Отметим, что из зубов прорезались резцы, клыки и по одному премоляру. Прорезается второй премоляр. Обозначился первый моляр. Черепная коробка угловатой формы, лоб аномально прямой и непропорционально большого размера относительно скелета (возможно, рахитизм).

2) Фрагменты парчи зеленого цвета от обивки гроба.

Таким образом, используя вышеперечисленные данные, можем сделать вывод, что захоронение сделано примерно в середине XIX в.

Склеп № 5 расположен в 2,5 м к югу, юго-востоку от склепа № 4, в 9 м к северу от северо-восточного угла фундамента Вознесенской церкви. Размеры склепа: 2,5x0,9 м. Склеп был выложен кирпичом, размеры которого 27x14x6 см. Сохранилось 14 рядов кладки стен и 4 ряда кладки сводов. Свод двухпарусный, большая часть не сохранилась. Кладка ровная. В качестве связующего раствора использована известь. Кладка кирпича осуществлена «ложком», в полкирпича. Пол посыпан песком, под ним суглинистое основание без признаков укрепления.

Засыпка склепа представляла собой перемешанные слои земли, суглинка, кирпичной крошки и целые кирпичи от рухнувшего свода склепа. Имеется несколько человеческих костей из других захоронений. В нижней части засыпки и на дне склепа обнаружено:

1) Костные останки одного человека не в анатомическом порядке. Останки принадлежали женщине в возрасте 75±5 лет, рост около 1,60 м. Из костей утрачены нижняя и верхняя челюсти, часть костей позвоночника, кости фаланг пальцев рук и ног, а также лучевые кости. Из аномалий костных останков отметим искривление позвоночника в левую сторону, присутствие множественных остеофитов на нем, носовая кость имеет специфичную форму.

2) Детали гроба: 2 целые и 1 половина чугунных литых ручек, выполненных в технике двустороннего литья. Размер ручек – 18 и

15x8 см; внутренние размеры – 10 и 7x8 см, прямоугольной формы. В центре имеется рельефное изображение лика (возможно, ангела), а по краям аналогичные изображения крылатых животных (возможно, грифов). На ручках частично сохранилась краска желтого цвета. Имеются 2 литые подставки гроба в виде лап хищного животного. Они отлиты из цинка также в технике одностороннего литья. Размер – 7x7x8 см.

Этот склеп находится сразу за алтарной частью церкви и ближе других к ней.

Таким образом, используя вышеперечисленные данные, можем сделать вывод, что захоронение сделано примерно в середине XIX в.

Склеп № 6 находится в 2 м к востоку от склепа № 5, в 9 м к северу от северо-восточного угла фундамента Вознесенской церкви. Размеры склепа: 2x1,15 м. Склеп был выложен кирпичом, размеры которого 27x14x6,5 см. Сохранилось 20 рядов кладки стен и 5 рядов кладки сводов. Свод четырехпарусный, большая часть не сохранилась. Стены отделены от свода слоями опалубки (известково-песчаный раствор). Кладка ровная. В качестве связующего раствора использована известь. Кладка кирпича осуществлена «ложком», в полкирпича. Дно склепа покрыто стяжкой известково-песчаного раствора с большой примесью слюды, толщину которого установить не удалось. Дно без признаков укрепления.

Засыпка склепа представляла собой перемешанные слои земли, суглинка, кирпичной крошки и целые кирпичи от рухнувшего свода склепа. Обнаружена стоящая на ребре плита из-под могильного памятника размером 1,73x0,9x0,24 м из плотного серого песчаника. По сообщениям местных жителей, эта плита упала в склеп после того, как были вытащены рельсы, на которые она опиралась. В нижней части засыпки и на дне склепа обнаружено:

1) Костные останки одного человека не в анатомическом порядке. Это останки мужчины в возрасте 60 лет ± 3 года. Рост примерно 1,65–1,75 м. Утрачены череп, левая лопатка, часть ребер, часть

костей позвоночника, фаланги пальцев рук, кости тазового пояса. Судя по остаткам нижней челюсти, покойный имел искусственную (вставную) челюсть. Отметим темную пигментацию костей.

2) 3 кованых гвоздя от гроба и незначительные фрагменты обивки.

Таким образом, используя вышеперечисленные данные, можем сделать вывод, что захоронение сделано примерно в середине XIX в.

Склеп № 7 находится в 2 м к востоку, северо-востоку от склепа № 6, в 11 м к северу, северо-востоку от северо-восточного угла фундамента Вознесенской церкви. Размеры склепа: 2,46x1,04 м. Склеп был выложен кирпичом, размеры которого 25x12,5x6,5 см. Сохранилось 19 рядов кладки стен. Первый слой уложен в торец. Свод двухпарусный, не сохранился. Стены от свода отделены слоями деревянной опалубки. Кладка ровная. В качестве связующего раствора использована известь. Кладка кирпича осуществлена «ложком», в полкирпича. Раствор между кирпичами проглажен угольной расшивкой. Дно склепа было выложено кирпичом без крепления, от которого в настоящее время сохранилось три слоя. Отметим оригинальную конструкцию этого склепа – наличие в южной стенке символической двери или «входа». Вся южная стена выложена кирпичом в «торец». Нижняя часть южной стены представляет собой порожек «входа», по бокам «входа» располагаются пилястры (полуколонны). По сообщениям местных жителей, здесь была похоронена Софья.

Засыпка склепа представляла собой перемешанные слои земли, суглинков, кирпичной крошки и целые кирпичи от рухнувшего свода склепа, а также бытовой мусор и скелет собаки.

В нижней части засыпки и на дне склепа обнаружено:

1) Костные останки одного человека не в анатомическом порядке. Это останки женщины в возрасте 80±5 лет. Рост примерно 1,60–1,70 м. Утрачены череп, некоторые кости позвоночника, тазовые кости, правая берцовая кость и некоторые фаланги пальцев. Отметим костные аномалии, которые удалось выявить: внутренняя

часть правой коленной чашечки значительно стерта и имеет ороговевшую залощенную поверхность; кость грудины искривлена в левую сторону, следовательно, покойная имела искривление в правую сторону.

2) 3 ручки от гроба в форме разомкнутого овала из железного закрученного прута диаметром 5 мм. Железные ручки были покрыты гипсом в форме ажурных листьев, раскрашенных в золотой цвет. Размер ручек – 15x7 см. Имеются 1 кованый гвоздь от гроба, фрагмент каблука от обуви размером 5,5x4 см, а также детали украшений и обивки гроба.

Таким образом, перечисленные детали позволяют отнести время постройки склепа ко второй половине XIX в.

Склеп № 8 расположен в 2,4 м к востоку от склепа № 7, в 13 м к северо-востоку от северо-восточного угла фундамента Вознесенской церкви. Размеры склепа: 2,15x0,9 м. Склеп был выложен кирпичом, размеры которого 26x12x5,5 см. Сохранилось 15 рядов кладки стен, кладка осуществлена без торцевого кирпича. Свод двухпарусный, сохранился только первый уровень, который отделен от стен склепа деревянной прокладкой. Кладка грубая, с подтеками цементного раствора. В качестве связующего раствора использована смесь песка и цемента. Верхняя часть стен склепа сильно продавлена внутрь. Пол суглинистый, без признаков крепления. Судя по косвенным данным, этот склеп является наиболее поздним из остальных семи.

Засыпка склепа представляла собой перемешанные слои земли, суглинка, кирпичной крошки и целые кирпичи от рухнувшего свода склепа, а также бытовой мусор, фрагменты бетонного основания памятника, фрагменты памятника из серого мрамора, куски листового железа от обивки склепа. В склепе также находилось много предметов из разрушенной церкви: плитка от пола, железные стяжки, одна из которых с клеймом производителя, но оно, к сожалению, не читается. Имеются фрагменты серебряной парчи от обивки гроба и многочисленные человеческие кости. В нижней части засыпки и на дне

склепа обнаружены костные останки шести человек не в анатомическом порядке.

1) Останки № 1 принадлежали мужчине в возрасте 80 ± 5 лет, рост около 1,60 м. Отметим сильную пигментацию костей. В некоторых местах на костях заметны следы окислов меди. Утрачены четыре позвонка и левая лопатка, а также некоторые фаланги пальцев.

Среди костных аномалий отметим, что у черепа слабо выражен носолобный мыс, все альвеолы зубов заросли – вероятно, покойный пользовался вставной челюстью. Носовая кость имеет специфичную форму, значительно вытянут подбородок.

Останки № 2 принадлежали женщине в возрасте 80 ± 5 лет, рост около 1,70 м. Отметим полное отсутствие пигментации костей, что отличает этот костяк от всех остальных. Утрачены некоторые позвонки, ребра и фаланги пальцев, а также верхняя челюсть. Среди костных аномалий – множественные остеофиты грудных и поясничных позвонков, срастание позвонков грудного отдела. Зубные альвеолы коренных зубов срослись, резцов – зарастают, клыки и премоляры частично сохранились. Аномалии позвоночника вызваны неподвижным образом жизни, что, вероятно, связано с тучностью. Возможно, именно эти останки являются основными в склепе № 8, так как они находились ниже других останков.

Останки № 3 принадлежали женщине в возрасте 50 ± 5 лет, рост около 1,60 м. Кости имеют темную пигментацию. Утрачены некоторые ребра, позвонки, левая лопатка и нижняя челюсть. Среди костных аномалий отметим присутствие множественных остеофитов на грудных и поясничных позвонках, которые выросли в сторону грудной и брюшной полости. Это значит, что покойная не могла нагнуться ни назад, ни в стороны.

Останки № 4 принадлежали женщине в возрасте $20 \text{ лет} \pm 3 \text{ года}$. Рост около 1,60 м. Утрачены некоторые ребра, позвонки. Аномалий костей не выявлено. Отметим отсутствие зубов мудрости и отсутствие их зубных лунок. Присутствуют на нижней челюсти 4 рез-

ца, 2 клыка, 4 примоляра, 4 моляра. На зубах сильный кариес. Носовая кость имеет специфичную форму.

Останки № 5 принадлежали мужчине в возрасте 70 ± 5 лет. Рост около 1,50 м. Утрачены некоторые ребра, позвонки. Носовая кость имеет специфичную форму. Среди костных аномалий отметим следующие: присутствие на лбу следов двух небольших травм (костные мозоли), над правой глазницей заметны следы вмятины, имеющей продолжение под косым углом длиной 5 см. Покойный имел искривление позвоночника.

Останки № 6. Пол определить не представляется возможным из-за отсутствия всех костей, кроме черепа. Возраст покойного около 50 лет \pm 3 года. Носовая кость имеет специфичную форму. Альвеолы коренных зубов зарастали, сохранились резцы, клыки, примоляры.

По нашему мнению, все покойные, у которых выявлена особенность в строении носовой кости, являются прямыми родственниками.

2) В склепе № 8 выявлены следующие материальные остатки: медный медальон в кожаном футляре. Медальон овальной формы, размером 3,2x2,7 см. Медальон двусторонний, на одной стороне изображена Богоматерь «Умиление», с другой стороны – преподобный Серафим Саровский. В верхней части медальона сохранилась аналогичная надпись. Заметны следы золочения. В общем, состояние медальона неудовлетворительное, изображение практически стерто, что говорит о длительном использовании. Медальон подвешивался с помощью отверстия, пробитого, видимо, гвоздем.

Найдено кольцо из меди в форме обручального. Диаметр 2 см, ширина 0,3 см. Кольцо сильно окислено.

Имеется 6 пуговиц. Фрагменты 3 пуговиц из стекла, на «ножке», цвет морской волны. На поверхности нанесены геометрические узоры. Диаметр 1,7 см. 2 костяные пуговицы круглой формы с четырьмя отверстиями, одна диаметром 1,8 см, другая диаметром 1,4 см. Одна из пуговиц белого цвета, с двумя отверстиями, диа-

метром 1,2 см. Она сделана из перламутровой раковины. Очевидно, эта пуговица от нижнего белья.

Судя по тому, что останки шести человек имеют всего шесть пуговиц, склепы ограблены, вероятнее всего, местными жителями. Найдены кованые железные ручки от двух гробов. Ручки от одного из них имеют размеры 16х9 см, от другого – 15х7 см. Все они сделаны из железного прута диаметром 0,8 см и 1 см. Выявлены многочисленные фрагменты гробов, один из которых был сделан из дуба.

Многочисленные фрагменты серебряной парчи от обивки гроба, которая найдена в заполнении склепа и на его дне, говорят о том, что они принадлежат основному захоронению. Найдено большое количество кованых железных гвоздей от гробов.

Таким образом, в склепе № 8, помимо основного погребения, присутствовали одни останки в гробу и останки четырех человек, сброшенных в склеп. Можно сделать вывод о том, что во время грабежа и разрушения других склепов останки из них были свалены в этот склеп.

В результате работ 2000 г. были обнаружены еще три склепа.

Склеп № 9 находится в 27 м к северо-востоку от северо-восточного угла Вознесенской церкви и в 2 м к западу от остатков ограды некрополя. Размеры склепа: 1,95х0,75 м. Склеп имел земляные стены, только свод выложен из кирпича. С торцевых сторон – пять рядов кладки шириной в один кирпич. Кладка смешанная, «тычком» и «ложком». Под продольные стены свода положены доски и произведена забутовка под углы. Свод построен кирпичом на ребро, длиной в 7 кирпичей.

Сверху свод был перекрыт двумя рядами обычной кирпичной кладки на известковом растворе. Размеры кирпича – 26,5х12,5х6,5 см. Пол суглинистый, без признаков крепления.

Заполнение склепа представляет собой перемешанные слои чернозема и суглинка. На дне склепа обнаружены остатки гроба, в котором находились человеческие кости в анатомическом порядке.

Длина гроба – 185 см, ширина в ногах – 30 см, в голове – 57 см. Стоял со смещением к восточной стенке, особенно в ногах.

1) Погребенный лежал на спине, голова лежала на правом боку. Левая рука лежала ближе к шее, правая – на груди. Останки примерно от уровня груди до уровня колен были присыпаны известью. Пол однозначно определить не удалось, так как лобковые кости соединяются почти прямыми линиями. Возраст 50 ± 5 лет. Рост примерно 175–180 см.

Череп сохранился во фрагментах. Срослись швы затылочного отдела. Верхняя челюсть имеет 16 зубов. Заметна средняя стертость, особенно на правой стороне. Присутствует зубной камень. Первый левый верхний резец имеет кариес. Нижняя челюсть имеет 16 зубов. Зубы правой стороны имеют среднюю стертость. Первый левый моляр (6 зуб) имеет боковое дупло. Мечевидная кость срослась и находилась в плохом состоянии (возможно, поражена костной болезнью).

2) 3 пуговицы диаметром 8,5 мм и 9,5 мм, с четырьмя отверстиями. Сделаны из перламутра, видимо, от нательного белья. 5 кожаных пуговиц с одним отверстием, диаметром 10 мм. Латунный зажим от одежды (пояса) с двумя шипами. Кованые гвозди от гроба.

Таким образом, используя вышеназванные данные, можем сделать вывод, что захоронение сделано примерно в конце XIX в.

Склеп № 10 расположен в 22,5 м к северо-востоку от северо-восточного угла Вознесенской церкви, в 4,5 м к западу от склепа № 1. Размеры склепа: 1,82 x 0,72 м. Склеп был выложен кирпичом, размеры которого 28x13,5x6 см. Сохранилось 8 рядов кладки, в длину 6,5 ряда, в ширину 2,5 ряда. В качестве связующего раствора использована известь. Шов около 5 мм без расшивки. Кладка осуществлена «ложком», в разброс. Дно склепа покрыто желтым речным песком толщиной около 10 мм; под ним – материковая глина.

Засыпка склепа представляет собой перемешанные слои земли, суглинка, кирпичной крошки и целые кирпичи. В нижней части засыпки и на дне склепа обнаружено:

1) Костные останки одного человека, частично переотложенные. Это останки женщины в возрасте 20–25 лет. Рост примерно 1,6 м. Костяк хорошей сохранности, швы черепа не срослись. На верхней челюсти – 15 зубов. Шестой зуб правой верхней челюсти поражен болезнью до корня, частично разрушена кость десны. На нижней челюсти – 13 зубов. Шестой зуб правого и левого рядов поражен кариесом. На зубах нижней челюсти – отложение зубного камня, особенно на внутренней стороне резцов. Костные патологии не обнаружены. Тазовые кости имеют хорошо выраженные лобковые дуги.

2) К материальным остаткам относятся остатки нижней части гроба, очень суженного к ногам, возможно, для перевозки в цинке. Был обит парчой, которая плохо сохранилась. Гвозди гроба промышленного изготовления, круглые в сечении, с маленькой шляпкой. Длинной 80 мм. В ногах обнаружена кожаная стелька от обуви длиной 20 см, шириной 5,5 см. По краю сохранились следы прошивки. Найдена набойка каблука из тонкого железа овальной формы размером 3,5х2,5 см. На внутренней стороне набойки сохранились перекрестно расположенные полоски ткани.

По всем признакам, склеп при разрушении был ограблен. Таким образом, используя вышеназванные данные, можем сделать вывод, что захоронение сделано примерно в конце XIX в.

По сообщению старожилов в этом склепе была похоронена Александра Михайловна Дмитриева-Мамонова.

Склеп № 11 расположен в 25 м к северо-востоку от северо-восточного угла Вознесенской церкви, в 1,5 м к востоку от склепа № 2 и в 1 м к западу от склепа № 1. Размеры склепа: длина – 2,15 м, ширина в ногах – 0,6 м, в голове – 0,75 м. На поверхности никаких внешних признаков не наблюдалось. Сохранились полностью стены и свод. Склеп сложен из кирпича размером 26,5х13х7 см в «ложок», длиной в 7,5 кирпича, ширина в ногах – 2 кирпича, в голове – 2,5 кирпича. Высота до свода – 1,12 м или 14 рядов кладки кир-

пича. Боковые стороны на 8 рядов выше. Их высота от пола – 1,7 м. Общая высота свода – 0,4 м.

Кладка склепа ровная, известковая. Стены заглажены, имеют трещины и легкие прогибы. Пол суглинистый, без признаков крепления. В районе таза с западной стороны – песчаная подсыпка.

Гроб, вероятно, стоял на подставке. После ее естественного разрушения гроб упал, поэтому костяк оказался поверх доски. Учитывая это падение, останки находились в анатомическом порядке. Только одна берцовая кость лежала поперек могилы. Мечевидная кость вдавлена в восточную стенку.

1) Костные останки принадлежали женщине в возрасте 30 лет±2 года. Рост – около 1,65 м. Череп хорошо сохранился, на левой стороне нижней челюсти отсутствует шестой зуб (1 моляр). Удален при жизни. Первый моляр с правой стороны поражен кариесом. Стертость не наблюдается. Всего было 16 зубов. На верхней челюсти также было 16 зубов. Правый 8-й удален. Резцы поражены кариесом. У 1-го левого, 1-го и 2-го правого – дупла. Между 5 и 6 зубами левой стороны, на внутренней стороне челюсти имеется небольшое отверстие, вероятно, от рудиментарного зуба.

2) 5 кованых гвоздей от гроба, 1 фрагмент кожаной подметки от обуви. Хорошо сохранившаяся парча от обивки гроба.

Остается нерешенным вопрос, почему непо потревоженный склеп практически не содержал находок? Отсутствовал положенный по христианскому обряду нательный крест.

* * *

В 2000 г. параллельно с нашими исследованиями некрополя проводились работы по вскрытию фундамента усадебного дома Боратынских, который располагался на высоком коренном берегу реки Вяжля (правый берег), к северу от села Софьинка. К моменту раско-

пок дом и все вспомогательные строения были полностью уничтожены и об их былом присутствии можно только догадываться по симметрично расположенным холмикам и западинам на рельефе местности, а также по свидетельствам старожил и краеведов.

В 1995 г. экспедицией под руководством мичуринского краеведа, филолога В.Е. Андреева по личной его инициативе, без наличия открытого листа, было заложено несколько шурфов на фундаменте дома и церкви. К сожалению, в знакомстве с материалами этих работ нам было В.Е. Андреевым отказано по не совсем понятным причинам. Один из шурфов 1995 г. попал на угол дома.

В процессе работ 2000 г. обнаружены остатки фундамента дома, ориентированного по сторонам света, с легким отклонением продольной оси от линии север-юг на 10° к линии северо-восток – юго-запад. Размеры фундамента приводятся по осям. Северная сторона – 13,2 м, южная – 13,5 м, западная и восточная – 26,8 м. В общем, дом был поставлен на ровной площадке с расхождениями высот не более 10 см.

Обнаруженный фундамент состоит в основном из битого кирпича и известнякового щебня местного происхождения, замешанных на песчано-глиняно-известковом растворе. Изредка встречаются крупные блоки известняка, целые кирпичи, размерами превышающие современные стандарты, фрагменты «коротковских» кирпичей. Местами на зачищенной плоскости просматривались пустоты между щебнем, которые увеличивались после дождей.

У западной части фундамента заложен разведочный шурф размером 1х1 м с целью выяснения мощности и состояния фундамента. Фундамент по всей высоте однородный, без песчаной подушки. В результате исследований выяснено, что сохранившаяся часть фундамента очень непрочна и не пригодна для воссоздания на нем дома.

В результате работ также были выявлены 9 комнат усадьбы.

Кроме основного периметра фундамента дома шириной 70–80 см, зафиксировано множество его ответвлений во внутреннюю часть

дома, шириной 50 см, по которым можно судить о размерах и расположении комнат. Также ответвления от основного фундамента обнаружены и на внешнюю сторону дома. Вероятно, это остатки пристроек.

Остается неясной цель раскопок фундамента усадебного дома, ведь изначально не предполагалось воссоздание усадьбы. Считаю, что это грубая ошибка, приведшая к разрушению остатков фундамента, т.к. не были проведены работы по консервации выявленных объектов.

Также нашей экспедицией проведен детальный осмотр паркового павильона «Грот» усадьбы Боратынских, выявлены парковые дорожки, местонахождение родника и купальни, а также уточнено место ворот-руин «Башня».

В 2012 г. разведывательной археологической экспедицией ТГУ им. Г.Р. Державина были проведены работы на «Гроте». Установлено, что этот объект разрушен до основания, причем масса битого кирпича говорит о том, что данное здание, возможно, было взорвано.

Отгремели юбилейные торжества, и «благодарные» потомки прочно забыли о существовании родового гнезда Боратынских. Имение в настоящее время переживает вторую смерть – разваливаются ограда некрополя, «отреставрированные» надгробья, закрыт школьный музей Е.А. Боратынского вместе со школой, продолжается вырубка парка, когда-то воспетого великим русским поэтом. Уже даже не ведется речь о воссоздании усадьбы, в то время как в Тамбовской области ведутся судорожные поиски объектов туристического интереса. Видимо, Боратынским остается ждать нового юбилея...

Н.К. Никитина,
директор МБУК
«Умётский историко-краеведческий музей»

Роль музея в духовно-нравственном воспитании подростающего поколения

Важность данной темы обусловлена тем, что сегодня стало очевидным отсутствие у многих российских граждан ясно выраженной системы ценностных приоритетов, объединяющих их в единую историко-культурную и социальную общность. Причиной этому послужили крупные социально-экономические перемены, произошедшие в стране на рубеже веков, явившиеся не лучшим временем для нашего общества.

В сознании людей постепенно укоренился приоритет материальных интересов над духовными, ощущается морально-этический распад в обществе. Такое положение дел привело к острой необходимости позитивного влияния на духовную сферу общества, стремления возродить национальную идею России, изменить сознание граждан. Не последняя роль в этом отводится музеям.

Любить свой край, знать его историю, свои корни, замечательных людей, гордиться делами своих предков – эти и многие другие задачи духовно-нравственного, эстетического, исторического, патриотического воспитания граждан являются одними из приоритетных в работе МБУК «Умётский историко-краеведческий музей».

Одно из ведущих направлений музея – патриотическое воспитание подрастающего поколения. Оно носит разносторонний характер. Частыми гостями музея бывают участники локальных войн в Афганистане и Чечне. А тема Великой Отечественной войны – особая тема. Большое внимание сотрудники музея уделяют встречам участников войны, тружеников тыла, детей войны с обучающимися школ района и молодежью призывного возраста.

Особое место в музее занимает экспозиция, посвященная знаменитым нашим землякам. Первое место в ней принадлежит выставке, посвященной Герою Социалистического Труда, бывшему министру радиопромышленности, генерал-полковнику П.С. Плешакову – человеку, сделавшему так много для укрепления обороноспособности нашей страны. О крупном ученом и выдающемся организаторе радиопромышленности, создателе нашей ядерной кнопки в музее собран уникальный материал.

Тесно сотрудничает музей с учителями литературы и истории. Результатом такого сотрудничества явился блок мероприятий литературного и исторического направления: «Памятники и памятные места Умётского района», «Отечественная война 1812 года и Тамбовская губерния», «На поле Куликовом», «Из истории государственной российской символики», «Е.А. Боратынский – звезда разрозненной плеяды», «М.Ю. Лермонтов и Тамбовский край» и др.

Последнее время на всех уровнях властных структур много внимания уделяется возрождению народных традиций, духовности нашего народа. В музее посетители имеют возможность побывать на экскурсиях, беседах, посвященных этой тематике. А мероприятия «Умет православный», «Святитель Питирим – епископ Тамбовский», «Митрополит Вениамин – подвижник веры и благочестия» заставляют задуматься не только о прошлом, настоящем и будущем, но и о вечном. Мероприятие «Митрополит Вениамин – подвижник веры и благочестия» направлено на раскрытие глубины и богатства православных традиций родного края, обращение внимания аудитории на выдающихся земляков, внесших немалый вклад в развитие русской духовной культуры. Основу его составляют краеведческий материал (книги митрополита Вениамина, воспоминания старожилов о семье Федченковых), демонстрация музейных предметов – памятников духовной культуры XIX–XX вв., видеопрезентация. Все это дает возможность посетителям проследить земной путь нашего знаменитого

земляка, который после себя оставил не только добрую память, но и богатое литературное творческое наследие. Все его творения несут на себе отпечаток незаурядной личности, человека, прожившего жизнь «для Бога и Родины». И сейчас, когда так необходимы нравственные ориентиры, думается, богословские труды митрополита Вениамина многим помогут зажечь в сердцах благостный огонек, освещающий путь ко спасению для верующих и неверующих, найти ответы на многие вопросы. А проводником человека ко спасению является Православная Церковь.

Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл отметил в одном из своих выступлений: «Для того, чтобы наше поколение снова научилось ценить и любить прошлое своей страны, интересоваться историей и традициями, необходимо объединить усилия государственных и общественных институтов, Православной Церкви и других религиозных общин». И я вас всех призываю к объединению. Только совместными усилиями мы можем позитивно повлиять на духовную сферу общества, возродить национальную идею России.

На родине митрополита Вениамина (Федченкова)

Знание прошлого своего края вооружает человека нравственно, обогащает духовно. Народная мудрость гласит: «Ногами человек должен врасти в землю свою, но глазами обозревать мир». История родного края – основа нашего общего культурно-исторического богатства. Из ее бесчисленных животворных родников образуется полноводный и величественный поток отечественной истории. История деревни Ильинка уходит корнями в глубокое прошлое эпохи бронзы, насыщена массой событий и интересными биографиями великих людей, прославивших наш край. Среди них – контрадмирал русского флота Илья Андреевич Боратынский, поэты Евгений Абрамович Боратынский и Алексей Михайлович Жемчужников, генеалог рода Михаил Андреевич Боратынский, митрополит Вениамин, в миру – Иван Афанасьевич Федченков. Бесценны для потомков труды исторически значимых личностей, дошедшие до нас в письмах, фотографиях, литературных памятниках, записанных беседах. В одной из таких бесед нашего земляка – митрополита Вениамина с русским консулом в США Евгением Дмитриевичем Киселевым неожиданно прозвучало: «Вам немедленно все это надо записать. Вы жили на рубеже двух эпох...И это не будет признаком самолюбия – это нравственный долг перед Родиной». Из воспоминаний митрополита Вениамина о Родине: «Красивые места были везде... Храм – прекрасный, в стиле Исаакиевского собора – был построен Чичериными далеко от дома, ближе к селу...». Православная церковь на селе всегда заключала в себе мощный духовно-нравственный потенциал. Многим поколениям она помогала воспитывать православные основы веры, сохранять самобытность и культуру нашего народа и государства. Для простого

крестьянина церковь была истоком понимания, поддержки и веры в хорошее будущее, иногда помогала просто выживать человеку. Вот как описывают нашу церковь жители деревни Ильинка, села Сергиевка и деревни Ядровка Ширшовы Надежда Егоровна и Анна Ивановна, Романова Александра Павловна, Бокачева Наталья Андреевна и другие: «Церковь Покровская освящена была в праздник Воскресения Христова, стояла среди огромных высоких сосен и дубов на высокой горе, вокруг храма посажены розы, которые дружно цвели все лето. Под горой располагался прекрасный барский сад Чичериных, там были вкусные яблоки, которые нам не разрешалось есть. Весной во время цветения было глаз не оторвать от просторов огромной зеленой равнины под горой и белоснежного цвета яблонь, груш и других плодовых. Чуть дальше сада – два пруда с широкой дорожкой посередине. Вода в них была кристальной чистоты, и видно было, как плещется подрастающий карп. А на горе, как бы спускаясь с небес, – церковь из красного кирпича с куполом и тремя входами: с востока – царский – так назывался вход, через который входили только господа; два других – для крестьян. А какие певчие в Сергиевке были: Матвей Павлович Свинцов, Павел Кузьмич Перетокин, всеми любимый регент Митрофаныч (Григорий Митрофанович Видяпин) и его жена Мария, Марфа Егоровна Козырева – все учились петь у барыни. Пением их заслушивались и взрослые, и дети: божественное. Монашки были с Ядровки, среди них богомольные две сестры, которые знали все церковные порядки лучше других. Последний из священников был отец Михаил, проживал в Ильинке, похоронен на местном кладбище, за могилой и сегодня ухаживают жители». О «спевках» вспоминает и сам митрополит: «Как сейчас, особенно ярко вспоминаю чудный летний день. Суббота. В этот день у нас спевка для службы. Место сбора – дом Чичериных. Вбегаю на взгорье.., и перед моим взором открывается чудная картина: впереди – чичеринская роща, храм, колосющаяся рожь. Небо ясно. Солнце греет. Вете-

рок обдувает. И я бегу, бегу весело. Счастлив, как жаворонок в небе... Радостно наслаждаешься Божьим миром...». Среди такого природного и человеческого великолепия и проходило духовное становление личности митрополита Вениамина. Внутренняя духовная красота личности в равной мере относится к миру этических и эстетических ценностей. Внутренний мир человека духовно богат постольку, поскольку он прекрасен, и прекрасен постольку, поскольку он богат. Единство отношения человека к внешнему миру и его самоотношения глубоко проявляется в эстетическом плане. Стремление к прекрасному в мире, если только оно по-настоящему деятельно, пробуждает в нем и стремление к внутреннему совершенству, отвращает его от безобразного в помыслах, поступках, поведении. Жизненный путь митрополита Вениамина еще и еще раз нам доказывает, что красота Родины, образ жизни родителей и окружения сформировали в нем «святую душу».

В 1935 году приход церкви был закрыт. Пичугин Тимофей Михайлович проводил опрос жителей, и в ответах звучало «оставить храм», но впереди ответов подставили частицу «НЕ», и решение председателя сельского совета Шкитина Николая Сергеевича было закрыть церковь. Тимофей Пичугин не смог долго жить в деревне и был вынужден уехать. В 50-е годы здание разрушили, кирпич использовали для строительства, кое-что, по воспоминаниям Понамаревой-Рогоиной Александры Никифоровны, сбросили в «чичеринские пруды». Роща вырублена в годы войны стоявшими в Сергиевке солдатами для сооружения переправы через реку Вяжлю и строительства наблюдательных вышек.

Былое великолепие нарушено. Но для исторической справедливости и исправления ошибок предков обучающимися и преподавателями Ольхово-Ильинской школы в рамках проекта «Малые уголки России» в мае 2002 года на месте Покровского храма Воскресения Христова установлен поклонный крест, основанием которому по-

служили кирпичные фрагменты кладки церкви. В канун праздника Пасхи 4 мая 2013 года поклонный крест реставрирован на средства братьев Николая и Павла Ширшовых, силами обучающихся, учителей и работников школы. Место церкви и установленный крест стал местом паломничества не только местных жителей, но и гостей, ученых и потомков ильинского и сергиевского дворянства. В 2005 году поклониться памяти предков приезжала внучатая праправнучка Владимира Николаевича Чичерина Наталья Дмитриевна Чичерина, член Русского генеалогического общества и член Санкт-Петербургского Губернского дворянского собрания, генеалог рода Чичериных, проживающая в Санкт-Петербурге. 9 мая 2010 года в здании школы открыт музей истории деревни Ильинка и сел Сергиевского сельского совета, где центральное место отведено нашему земляку, рожденному в Ильинке, митрополиту Вениамину.

О.Ю. Лёвин,
заведующий историко-архивным отделом Тамбовской епархии
Е.А. Налитова,
референт Тамбовской епархии

На малой родине митрополита Вениамина

Отряд православных следопытов «Скимен» уже десять лет разрабатывает пешие паломнические маршруты по Тамбовской епархии. В 2010 г. такое паломничество мы совершили на малую родину владыки Вениамина.

Поход начался 13 июля рано утром, когда участники группы, состоящей из девяти человек, собрались на железнодорожном вокзале г. Тамбова, ожидая поезда на Кирсанов. Время в дороге прошло незаметно, в Кирсанове, сориентировавшись по карте и спросив дорогу у местных жителей, мы двинулись в сторону с. Чутановки, надеясь там по мосту перейти реку Ворону.

Миновав город и оказавшись на его окраине, наш отряд облюбовал чудесную лужайку на окраине города, окруженную пятью ветлами: здесь организовали первый привал, чтобы подкрепить свои силы и немного перекусить. Затем, помолившись, мы снова отправились в путь. Вскоре выяснилось, что путь, по которому мы шли, был старой дорогой из Кирсанова в Чутановку, и некогда через реку был проложен мост, однако в настоящее время мост не сохранился. Река в этом месте была настолько глубока, что переправа вброд оказалась невозможной. Оставался единственный выход – во что бы то ни стало найти какую-нибудь лодку. Ворона в этом месте достаточно широка, но лучшие наши пловцы, не раздумывая, бросились в воду и поплыли на противоположный берег добыть столь необходимый транспорт. Вскоре они вернулись вместе с лодкой. Застелив его дно толстым слоем травы, мы погрузили свои рюкзаки, а сами вплавь переправились на тот берег, толкая лодку перед собой.

Далее наш путь лежал на Софьинку. Через несколько часов бесперывного движения мы поднялись на возвышенность, с вершины которой нам открылся великолепный вид на долину реки Вяжля – цель нашего путешествия в этот день. Здесь, на берегу этой красивой степной речушки, мы и разбили свой первый лагерь.

В Софьинке некогда располагалась усадьба Боратынских – Мара. Это родина великого русского поэта Евгения Абрамовича Боратынского. Здесь он родился, провел детство, а затем часто посещал ее. Живописная местность не раз служила источником вдохновения для поэта-философа и на нас подействовала умиротворяюще. Здесь же прошли детские годы митрополита Вениамина.

На следующий день, 14 июля, мы осмотрели все, что осталось от барского кладбища, где похоронены представители рода Боратынских, Мильфельдов, Дельвигов. В бывшем барском парке, в глубочайшем овраге, дна которого не могут достичь даже всепроникающие, а в этом году довольно назойливые лучи солнца, следопыты пытались найти следы Вознесенского источника, но местные жители сообщили, что в этом году он высох из-за жары.

Действительно, дождей на землю не проливалось уже больше месяца, земля потрескалась от зноя, трава пожелтела и пожухла, листья на деревьях покрылись серой пылью, а сами деревья были, как увядшие. Однако, несмотря ни на что, окружающая природа сохраняла свою прелесть: река Ворона то скрывалась в густых зарослях, то, выбравшись на открытый простор, представляла нам великолепные зрелища торжества сохранившей по берегам водоема свой насыщенный изумрудный оттенок растительности над иссушающим зноем.

Мы прошли деревушки Буровщина, Кипец и остановились на берегу Вороны – там, где она делает резкий поворот, омывая мыс, поросший сосняком, прямо на окраине села Рамза. Здесь мы провели ночь и часть следующего дня, 15 июля, собираясь силами перед очередным марш-броском. Весь день провели в пути, чтобы достигнуть большого села Карай-Пушино, откуда направились к реке Карай, отстоящей от села километрах в двух. Мы разбили свой лагерь на лугу, недалеко от берега реки Карай, которая в этом месте была прямая,

как канал. С западной стороны нашу полянку окружали заросли ивняка, с восточной – ольховник. По всему лугу стояли стожки сена, а также была раскидана зарулоненная солома, которую с утра до ночи собирал трактор и грузил в машину. Несмотря на палящую жару, сельскохозяйственные работы шли полным ходом, и селяне бережно собирали то, что Господь дал им в этом году.

Испепеляющая жара, тяготы пути и мозоли значительно побавили сил у участников похода. А переход 16 июля предстоял в основном по степной стороне вдали от реки, но даже этот отрезок был с терпением преодолен привычными к изнурительным переходам путниками. К исходу дня мы вышли к селу Красивка Инжавинского района, и вправду очень красиво расположившемуся на высоком мысу, откуда открывался замечательный вид на пойму реки Ворона. Здесь, недалеко от моста, разбили свои палатки многие отдыхающие и уставшие от жары люди. Собственно, и наше пешее путешествие закончилось именно здесь, потому что 17 июля на транспорте нас отвез в свой дом настоятель храма в честь святой великомученицы Параскевы в поселке Инжавино священник Михаил Дымсков. Весь оставшийся день мы провели в доме доброго пастыря, отдыхая и набираясь сил. Уютный и красиво расположенный ввиду Вороненского заповедника поселок Инжавино произвел на нас очень благоприятное впечатление.

Утром воскресного дня, 18 июля, мы отправились в Параскевинский храм на богослужение, а после него – в Михаило-Архангельский храм с. Терновое, располагавшееся от Инжавино километрах в пяти. Путь наш лежал через кладбище, затем по тенистым аллеям, и, наконец, мы достигли села, прошли по дороге и увидели красивый деревянный храм, выкрашенный в голубой цвет и сияющий куполами на солнце. Хотя служба уже окончилась, нам любезно открыли храм, чтобы мы смогли помолиться и приложиться к иконе Божией Матери «Карандеевская», получив великое духовное утешение и надежду на то, что помощь Божия не замедлит, прольется дождь и возрадуется истомленная земля, на которой процветут всякие злаки и плоды. Надо только молиться и верить...

II ВЕНИАМИНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

г. Уварово, 16 октября 2014 г.

Священник Антоний Лозовский,
проректор Тамбовской духовной семинарии

Преподобный Сергей Радонежский и его время

Время безжалостно стирает в памяти народов воспоминания о людях, которых некогда почитали великими. Те, по чьему мановению разрушались и возникали целые государства, могут стать лишь строчкой в энциклопедии, предметом для изучения узких специалистов. Однако даже время не властно над такими людьми, как преподобный Сергей Радонежский. Знаменитый русский историк Василий Осипович Ключевский, живший сто лет назад, так описывал восприятие образа преподобного Сергия в народном сознании: «Спросите любого из этих простых людей, с посохом и котомкой пришедших сюда издалека: когда жил преподобный Сергей и что сделал для Руси XIV века, чем он был для своего времени, и редкий из них даст вам удовлетворительный ответ; но на вопрос: что он есть для них, далеких потомков людей XIV века, и зачем они теперь пришли к нему, каждый ответит твердо и вразумительно»¹. Эти строки историка с некоторыми поправками применимы и к нашему времени. Прошло уже 600 лет со времени блаженной кончины преподобного Сергия, а к гробнице с его мощами ежедневно приходят сотни, а иногда и тысячи человек.

¹ Ключевский В.О. Значение преп. Сергия Радонежского для русского народа и государства. // Жизнь и житие Сергия Радонежского. М., 1991. С. 260.

Подвергнув Русь страшному разорению в XIII в., татары после этого почти сто лет продолжали устраивать регулярные набеги: грабили, убивали, уводили в плен, держа людей в постоянном страхе. Только благодаря умелой политике московских князей, умевших откупиться от татар, поколение преподобного Сергия, по сути, стало первым, которое выросло без страха перед татаринном.

Еще большей бедой, чем татаро-монгольское иго, была раздробленность русского мира, начавшаяся еще до татарского нашествия, когда удельные князья постоянно враждовали между собой, соперничая за земли и власть, заискивая перед татарскими ханами, предавая друг друга. Ситуация, когда русский обнажал оружие против русского, была обыденным, повседневным явлением того времени.

Находясь в политическом подчинении у золотоордынских ханов, Русь духовно продолжала оставаться частью Византийской империи. Империя, в которой несомненное политическое угасание парадоксальным образом сочеталось с духовным расцветом, смогла передать Руси самое дорогое, что у нее было: духовную традицию, прежде всего, связанную с исихазмом – учением о стяжании нетварных Божественных энергий.

Едва расправив плечи с окончанием татарских погромов, люди получили возможность задуматься о путях духовного и политического возрождения страны. Общеизвестно, насколько может быть велика роль личности в истории, и ответом на лучшие чаяния русского народа стало появление преподобного Сергия.

Страшное разорение Руси, явившееся следствием Батыева погрома, принесло с собой и духовное оскудение. Если со временем и удастся восстановить разрушенные храмы и обители, то прерванную духовную традицию восстановить нельзя. Преподобному Сергию и его современникам в этом отношении необходимо было начинать практически с нуля. В контексте вышеописанного оскудения монашеской жизни появле-

ние святого, достигшего такой духовной высоты, как преподобный Сергей, несомненно, является чудом. Мы знаем, что преподобный получил хорошее домашнее воспитание благодаря своим родителям – преподобным Кириллу и Марии, о чем красноречиво свидетельствует тот факт, что и его старший брат Стефан также принял монашество, но духовных наставников у него не было.

Приняв твердое решение послужить Богу, преподобный Сергей выбирает путь духовного делания, ранее не характерный русской традиции, – пустынножителство. Однако со временем подвижнику придется пожертвовать любезным его сердцу уединением и стать игуменом основанного им монастыря. Как пишет В.О. Ключевский, благодаря преподобному Сергию вскоре в монастыре «воспиталось дружное братство, производившее глубокое назидательное впечатление на мирян», так как люди видели, что монахи «дружны между собою и приветливы к пришельцам, во всем следуя порядку и размышлению, каждый делает свое дело, каждый работает с молитвой, и все молятся после работы; во всех чужая скрытый огонь, который без искр и вспышек обнаруживался живительной теплотой, обдававшей всякого, кто вступал в атмосферу труда, мысли и молитвы»¹.

На становление Троицкой обители заметное влияние оказала и, казалось бы, далекая Византия. В своем послании константинопольский патриарх Филофей призывает преподобного Сергия возродить в монастыре общежительный устав. И патриарх Филофей, и русский митрополит Киприан, с которым преподобный Сергей также поддерживал отношение, были последователями исихазма, однако формат этого общения не мог, конечно, оказать сколько-нибудь существенного влияния на духовную жизнь преподобного. И, тем не менее, удивительным образом преподобный Сергей был исихастом и

¹ Указ. соч. С. 266.

первым на Руси мистиком, о чем свидетельствуют видения, являвшиеся самому преподобному, а также и его ученикам.

Однако от их восточных собратьев преподобного Сергия, его учеников и последователей отличает большее внимание к жизни общества. Если восточные подвижники видели свой долг перед обществом исключительно в молитве и покидали иногда свои пустыни, как правило, только лишь для того, чтобы обличить какую-нибудь ересь, то русские монахи смогли успешно совмещать созерцательную жизнь с деятельным служением миру. После введения в Троицком монастыре общежития преподобный Сергий «заповеда нищих и странных довольно упокоевати и подавати требующим». Со временем монастыри, основанные преподобным Сергием и его учениками, станут не только «духовными цитаделями», но и центрами благотворительности, просвещения и даже медицины.

Еще труднее, чем с общественным служением, подвижническая жизнь совместима с политикой. Однако преподобному Сергию удалось и это. Он много общался с великими и удельными князьями, часто бывал в Москве, крестил сыновей Дмитрия Донского. В Ростове для того, чтобы заставить покориться Москве одного из удельных князей, преподобный прибегает к небывалой мере – интердикту, т.е. закрытию всех городских храмов. Конечно, преподобный Сергий делал это по благословию возглавлявшего тогда Русскую Православную Церковь святителя Алексея, с которым был единомышленником. Для поколения преподобного Сергия отсутствовало разделение понятий между Божиим и кесаревым. Становление Московского государства, которое могло, наконец, истребить многовековую вражду и разобщенность между русскими землями и покончить с татаро-монгольским игмом, воспринималось ими как дело Божие.

Наиболее заметно участие преподобного Сергия в событиях, связанных с битвой на Куликовом поле, на котором, по меткому выражению В.О. Ключевского, и родилось Московское государство. Как сказал Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл, «преподобный Сергий Радонежский ... практически спас наш народ, спас раздробленную феодальную Русь. Своей духовной силой, своим словом он объединил князей вокруг князя Дмитрия Донского, и это дало Руси возможность выставить против Мамая мощное войско, которое и разгромило врага на Куликовом поле»¹.

Никогда еще русскому войску не удавалось до этого победить объединенные силы всей Золотой Орды. Перед жестокой битвой, исход которой был неизвестен великому князю, Дмитрий Донской отправился к преподобному Сергию Радонежскому за советом и благословением. Примечательно, что в разговоре между великим князем и преподобным Сергием, изложенном в житии, написанном Епифанием Премудрым, старец еще не обещает ему непременно победы. «Следует тебе, господин, – говорит преподобный Сергий, – заботиться о порученном тебе Богом славном христианском стаде. Иди против безбожных, и, если Бог поможет тебе, ты победишь и невредимым в свое Отечество с великой честью вернешься»². Однако накануне Куликовской битвы, когда русское войско уже увидело те бесчисленные полчища, которые привел Мамай, и устрашилось этой силы, неожиданно прибывает гонец от преподобного Сергия с посланием, уверявшим Дмитрия Донского в его победе. «Без всякого сомнения, господин, – говорилось в по-

¹ Проповедь Святейшего Патриарха Кирилла после Литургии в Троице-Сергиевом Варницком монастыре. <http://www.patriarchia.ru/db/text/3645618.html>

² Епифаний Премудрый и Пахомий Логофет. Жизнь и житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия. // Жизнь и житие Сергия Радонежского. М., 1991. С. 78.

слании, – смело выступай против свирепости их, нисколько не устрашаясь, – обязательно поможет тебе Бог»¹.

Как рассказывает житие преподобного Сергия, во время битвы он вместе со всей братией своего монастыря непрестанно молился о победе, поминая при этом имена павших воинов, которые открыл ему Бог. Таким образом, преподобный Сергий лично участвовал в Куликовской битве.

Мы называем преподобного Сергия Радонежского новым основателем монашества на Руси. Однажды он сподобился пророческого видения. Поздним вечером или ночью он увидел на небе яркий свет, разогнавший ночную тьму. Затем преподобный увидел «множество птиц очень красивых, прилетевших не только в монастырь, но и в окрестности монастыря», а также услышал голос, говорящий: «Так же, как и виденные тобою стаи птиц, будут многочисленны твои ученики, и после тебя они не оскудеют, если только захотят последовать твоим стопам». Пророчество это исполнилось, и преподобный Сергий для нас велик еще и тем, что смог передать свой духовный опыт десяткам своих учеников. Помимо Троицкого монастыря, сам преподобный основал еще несколько монастырей, его учениками было основано более 40 обителей, а поколением преподобного Сергия и его ближайшими потомками, т. е. людьми, так или иначе испытывшими его огромное духовное влияние, было основано до 150 монастырей.

Важно, что во многом благодаря преподобному Сергию монашество в русском обществе становится социальным идеалом, привлекательным для социально активной части общества того времени, которая своей молитвой и трудом созидала Русь.

Эпоха преподобного Сергия красноречиво свидетельствует нам о том, насколько духовный расцвет общества влияет на все

¹ Указ. соч. С. 79.

остальные стороны его жизни: экономику, политику, культуру и т. д. Как писал известный русский ученый и философ, священник Павел Флоренский, «вглядываясь в русскую историю, в самую ткань русской культуры, мы не найдем ни одной нити, которая не приводила бы к этому первоузлу; нравственная идея, государственность, живопись, зодчество, литература, русская школа, русская наука – все эти линии русской культуры сходятся к преподобному. В лице его русский народ сознал себя, свое культурно-историческое место, свою культурную задачу и тогда только, осознав себя, получил историческое право на самостоятельность»¹.

Поэтому, посещая Троице-Сергиеву Лавру, приходя к гробнице преподобного Сергия, обращаясь к нему в молитве, мы возвращаемся к своим духовным истокам, осознавая себя представителями великого русского народа, связавшего свою историческую судьбу с Христом и Его Святой Церковью.

¹ Павел Флоренский, *свящ.* Троице-Сергиева Лавра и Россия. // Жизнь и житие Сергия Радонежского. М., 1991. С. 277.

Ю.А. Бирюкова,
*кандидат исторических наук, преподаватель ПСТГУ,
преподаватель Донской духовной семинарии*

**Священномученик Захария (Лобов),
архиепископ Воронежский и Задонский.
Архиерейское служение в 1920-1930-х гг.**

Время архиерейского служения священномученика Захарии (Лобова) совпало с тем периодом истории, когда христианская Церковь отстаивала право на свое существование в условиях советской государственной системы тотального контроля граждан своей страны, искоренения какого-либо разномыслия, полной социокультурной унификации общества. Вызовы, которые были брошены ей, в полной мере принял и святой Захария. Среди них – борьба с расколом, активно насаждавшимся советской властью, с бесправием социальных структур Церкви, с ее планомерным погружением в управленческий хаос. Политика власти была направлена на дестабилизацию внутри самой Церкви, породила внутренние конфликты, дискуссии о границе допустимого в отношениях с безбожным государством и политикой заместителя Патриаршего местоблюстителя.

Весь епископат подвергся гонениям, большинство из епископов окончили свою жизнь мученической смертью. Среди них – архиепископ Захария (Лобов).

Священномученик Захария включен в Собор новомучеников и исповедников Церкви Русской на Юбилейном освященном архиерейском Соборе в 2000 г.¹ Память святого празднуется также в Соборах новомучеников и исповедников соловецких и казахстанских, а

¹ Деяние Юбилейного освященного архиерейского Собора Русской Православной Церкви о соборном прославлении новомучеников и исповедников российских XX века. Москва, 12–16 августа 2000 г.

также в Соборах воронежских и липецких святых. Его лик помещен на иконе святых российских новомучеников и исповедников, пострадавших за Христа в XX веке. Владыка Захария изображен в 3-м ряду лика святителей с правой стороны иконы.

Лобов Захар Петрович родился 23 марта (4 апреля) 1865 г. в слободе Петровка Павловского уезда Воронежской губернии в семье мелкого чиновника, не принадлежащего к дворянскому сословию, Петра Феодоровича¹ Лобова².

«Тамбовские епархиальные ведомости» сообщают, что с 3-го класса два года Захар обучался во II Тамбовском Серафимовском духовном училище (1880–1882), которое закончил по второму разряду, а затем четыре курса окончил в Тамбовской духовной семинарии (1886) по второму разряду, откуда был уволен по собственному прошению³.

Завершил духовное образование Захар в Донской духовной семинарии в г. Новочеркасске (1887/1888 учебный год) по первому разряду со званием студента⁴.

В 1888 г. он женился на Александре Андреевой (17 марта 1869–1917)⁵ и был рукоположен в священный сан архиепископом Донским и Новочеркасским Макарием (Миролюбовым). В 1890 году отец Захария был перемещен на служение в город Александровск-

¹ Согласно метрической записи.

² Архив ЗАГС г. Павловска. Метрическая книга Павловского уезда. 1865 г. Запись № 25; Губин А.В. *Проблемы изучения жизнеописания священномученика Захарии (Лобова) (1865-1937), епископа Аксайского, архиепископа Воронежского*. – URL: <http://www.tambovdoc.ru/issledovaniya/problemy-izucheniya-zhizneopisaniya-svyaschennomuchenika-zaharii-lobova-1865-1937-episkopa-aksayskogo-arhiepiskopa-voronezhskogo.php> (Дата обращения: 01.10.2014).

³ *Тамбовские епархиальные ведомости*. 1880. № 14. С. 651; 1881. № 15. С. 534; 1882. № 14. С. 441; 1886. № 14. С. 392.

⁴ Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 226. Оп. 3. Д. 12079. Л. 9 об. и др.

⁵ Там же. Л. 10.

Грушевский (ныне г. Шахты Ростовской области) штатным клириком храма святых апостолов Петра и Павла¹.

В Александровске-Грушевском он прослужил 10 лет. Здесь происходит становление деятельного пастыря, проявлявшего непрестанную заботу о пастве, об устройении церковной жизни и укреплении церковно-приходского образования в городе. Важнейшим делом отца Захарии стала постройка новой каменной Петропавловской церкви, которая вскоре после завершения строительства в 1899 г. получила статус собора. 29-летний священник стал председателем попечительского совета строящегося храма и строительной комиссии², участником всех этапов строительства – от сбора пожертвований до решения инженерных задач.

Строительство велось на средства горожан. Но сбор средств необходимо было организовать и контролировать, что и составило предмет особой заботы председателя попечительского совета.

Построив храм в Александровске-Грушевском, отец Захария не имел в городе собственного жилья – снимал квартиру³. В этом городе у него родились шестеро детей. А всего в семье Лобовых их было семеро⁴.

16 мая 1900 года, согласно поданному прошению, иерей Захария был переведен в г. Новочеркасск⁵.

Здесь карьера священника протекала стремительно. В 1903 г. по определению Святейшего Синода священник Захария стал штатным членом Донской духовной консистории⁶ и одним из ближайших помощников архиепископа Донского и Новочеркасского Афанасия (Пархомовича). 25 июля 1903 г. иерей Захария переведен на долж-

¹ Там же. Л. 9 об. и др.

² Там же. Д. 9355. Л. 1, 12, 18-19.

³ Там же. Д. 9778. Л. 1.

⁴ Архив УФСБ РФ по Ростовской области (Архив УФСБ РО). Д. П-15250. Л. 38, 39; ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 12079. Л. 10, 11.

⁵ ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 10947. Л. 12 об.

⁶ Там же. Д. 12079. Л. 10 об., 12 об.

ность ключаря в Новочеркасский кафедральный Вознесенский войсковой собор¹.

Высоких должностей в церковном управлении он избегал и неоднократно уходил с этих постов по собственному прошению.

В 1917 году протоиерей Захария Лобов овдовел².

К власти в стране пришли большевики. К 1922 г. у руководства страны складывается определенная стратегическая концепция – общая картина тех необходимых мероприятий, которые вели бы к уничтожению Русской Православной Церкви на территории советской России как социально и политически чуждой организованной силы. К началу 1922 г. были спланированы две кампании против Церкви, открывавшие новую эпоху в государственно-церковных отношениях – по изъятию церковных ценностей и по внедрению обновленческого раскола.

24 марта 1922 г. ростовские чекисты первыми в стране рапортовали Лубянке об успехах по сталкиванию между собой групп духовенства и начале организационного оформления обновленческого раскола на Дону³.

Протоиерей Захария оказался одним из первых противников обновленчества. Обвинительное заключение по делу епископа Захарии от 27 марта 1924 г. сообщает: «Лобов, будучи протоиереем, все время вел контрреволюционную линию и являлся ярым поборником и защитником известного контрреволюционера патриарха Тихона. Когда церковный раскол получил организационную форму на съезде Донской епархии, Лобов один из всего духовенства оставался тихоновцем...»⁴.

В одном из писем священнику Илье Пироженко св. Захария писал: «Я никогда не забуду того момента, когда меня оставил весь съезд духовенства, когда меня оставили самые близкие друзья, когда на ме-

¹ Там же.

² Архив УФСБ РО. Д. П-15250. Л. 38.

³ Архивы Кремля: Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. / Издание подготовили Н.Н. Покровский, С.Г. Петров. – М. – Новосибирск, 1997. Кн. 1. С. 77.

⁴ Архив УФСБ РО. Д. П-15250. Л. 112.

ня смотрела и гражданская власть, и духовная, как на самого вредного и опасного человека, когда определенно я получил сведения о моей высылке на холодный север. Вы, дорогой, в эту трудную минуту поддерживали меня морально своим заявлением в защиту меня»¹. Здесь, вероятно, идет речь о съездах 1923 г., которые прошли в епархиях накануне обновленческого «собора» и, по расчетам обновленческих организаторов, должны были принять руководство епархиальных управлений, назначенных обновленческим ВЦУ². Это была попытка подменить Церковь раскольнической организацией. Государственная власть признавала только епархиальные структуры обновленцев, патриаршее управление ставилось, таким образом, вне закона.

В Донской епархии лишь три церкви не подчинились обновленцам. Церковно-приходской совет одной из них – Троицкой церкви – обратился к Патриарху Тихону (Беллавину) с ходатайством о епископской хиротонии священника Захарии Лобова³. По благословению Патриарха 5 октября 1923 г. в Троицкой церкви была совершена епископская хиротония отца Захарии. Ему первоначально был присвоен титул Нижне-Чирского и почти сразу Аксайского. Епископ Захария и митрополит Донской и Новочеркасский Митрофан (Симашкевич), находясь на нелегальном положении, начали организацию и объединение подчиняющихся Патриарху Тихону православных общин⁴.

Донское ГПУ сразу же принялось собирать компрометирующий материал на Владыку.

¹ Там же. Л. 80.

² О подобном съезде Ростовской и Таганрогской епархии подробнее см.: *Бирюкова Ю.А.* Советская власть и православные общины Дона в 1920–30 гг. Характер отношений на местах. – Ростов-на-Дону, 2012. С. 86–98.

³ Архив УФСБ РО. Д. П-15250. Л. 14.

⁴ Там же. С. 115.

Епископ Захария через подпольные адреса¹ вел переписку с благочинными и священниками, не сочувствующими обновленцам либо колеблющимися, не способными разобраться в сложившейся ситуации, а также с активными представителями приходских общин, настроенных к обновленцам отрицательно. Как следует из переписки епископа, церковный народ не поддержал обновленцев, даже те прихожане, которые посещали их богослужения и занимали терпимую по отношению к ним позицию, негативно относились к любым нововведениям, продолжали соблюдать посты и праздники по старому стилю. И в целом обстановка была напряженной, отмечались случаи, когда прихожане просто изгоняли обновленцев из храмов. Негативные настроения верующих отражались на моральном состоянии вынужденно подчинившегося духовенства².

В результате этой деятельности общие собрания приходов стали принимать решения об избрании своими архипастырями митрополита Митрофана и епископа Захария, которых в обход обновленческого епархиального управления просили принять общины под свое руководство³. Приход избирал священнослужителя или кандидата в священники, затем митрополиту Митрофану и епископу Захарии направлялся протокол собрания с прошением об утверждении принятых верующими решений⁴. Общины в данном случае исполь-

¹ В материалах дела указаны два конспиративных адреса в Новочеркаске: 1) Разрытый переулок, д. 6. Варвара Ивановна Ткачева, 2) Красный спуск, д. 4–6, Флалиана Ламонова (неверно, правильно – Филиона Ломоносова). Последняя была монахиней. Известен еще один адрес, который использовался для переписки еп. Захарии с благочинным Богдано-Киевского округа свящ. Александром Гордеевым: Миллерово, Верхне-Макеевское почтовое отделение, Александра Матвеевна Вордухина. (Постановление от 26 февраля 1924 г. о направлении материала дела в ПП ОГПУ на Юго-Востоке России // Архив УФСБ РО. Д. П-15250. Л. 27).

² *Бирюкова Ю.А.* Указ. соч. С. 117; Архив УФСБ РО. Д. П-15250. Л. 69–69 об.

³ Протокол № 9 от 27 декабря 1923 года общего собрания членов религиозной общины Донской Богородицкой церкви слободы Старочеркасской // Архив УФСБ РО. Д. П-15250. Л. 98.

⁴ В материалах следственного дела представлен ряд подлинных документов. Прощения подобного рода содержат автографы двух иерархов – митрополита Митрофана и епископа Захарии.

зовали свое юридическое право – право религиозных обществ избирать себе священнослужителей всех уровней.

Вскоре епископ Захария стал свободно служить в приходах Новочеркаска. В одном из писем своему единомышленнику епископ писал: «Каждый день ко мне приезжает духовенство с выражением покаяния и присоединяется к православию. Слава Богу, просветил милосердный заблудших и обратил их в лоно Святой, Соборной и Апостольской Православной Церкви»¹.

Перешла под руководство епископа Захарии и Архиерейская Крестовая церковь Новочеркаска, в которой обновленческая иерархия совершала священнические хиротонии над своими ставленниками. Храм был символом власти обновленцев на Дону, теперь же обновленцы жаловались, что «негде посвящать ставленников, сочувствующих обновленческому движению»².

Наконец, преосвященный Захария стал служить в Кафедральном соборе г. Новочеркаска.

Обновленчество быстро сдавало свои позиции, и обновленцы не могли простить епископу своего поражения. Тогда обновленческий архиепископ Мельхиседек написал донос в Донское областное ОГПУ, выразив обеспокоенность распространением, по его выражению, «лобовщины». Рост авторитета епископа среди верующих отмечали также и информаторы органов ОГПУ³. Обновленческий архиерей подогревал опасения власти и оценивал появление епископа по указу Патриарха Тихона как несомненный факт контрреволюции: «Около Лобова объединились черносотенные попы и миряне... Ни для кого не секрет, что черносотенцы называют обновленческое духовенство коммунистами и достигают того, что вражда населения к нему растет с часу на час, а симпатии к лицам, подобным Лобову,

¹ Архив УФСБ РО. Д. П-15250. Л. 77.

² Там же. Л. 44.

³ Там же. Л. 91.

нет конца»¹. Далее он писал, что для ликвидации «лобовщины» необходимо «изолировать» объединившихся вокруг епископа ново-черкасских священников.

Епископ Захария прекрасно понимал то, что власть не оставит его успех без внимания и следует ожидать ареста. Ощущая нависшую над ним опасность, Владыка писал в одном из писем: «Большие массы народа наполняют церкви, где я служу и проповедаю. Доколе мне Господь судит Ему служить, не знаю, но я готов на все»².

Переписка епископа Захарии (Лобова) свидетельствует, что его деятельность распространялась далеко за пределы Донской епархии, он нашел единомышленников и в Ростовско-Таганрогской епархии, и даже за пределами области – в Царицынской епархии, в районах Украины³, представители духовенства которых просили епископа взять их под свое начало.

С оттеснением на дальний план обновленческого епархиального начальства управление Донской епархией фактически переходило в руки патриарших иерархов, имеющих канонические права, но нелегальных с точки зрения советской власти, юридически для нее не существующих⁴.

Наконец, съезд духовенства и мирян Донской епархии под председательством епископа Захарии принял решение покончить с обновленчеством и перейти в каноническую юрисдикцию патриарха Тихона.

28 февраля 1924 г. епископ Захария был арестован⁵.

Свою роль, конечно, сыграли доносы обновленцев, но самой главной причиной ареста епископа необходимо признать то, что победа «тихоновцев» над обновленцами и ликвидация обновленчества в планы власти явно не входили – власть не отказалась от по-

¹ Там же. Л. 44.

² Там же. Л. 70.

³ Там же. Л. 74; Д. П-15249. Л. 25–25 об.

⁴ Бирюкова Ю.А. Указ. соч. С. 119.

⁵ Там же. Л. 115.

литики разложения Церкви через искусственно поддерживаемый конфликт.

В апреле дело епископа Захарии из полномочного представительства ОГПУ на Юго-Востоке России было передано в Москву, в VI отделение Секретного отдела ОГПУ, а епископ этапирован в Бутырскую тюрьму, где он провел около полугода. Дело взял под контроль начальник VI отделения Секретного отдела ОГПУ Е.А. Тучков, куратор церковных дел и секретарь Антирелигиозной комиссии (АРК) при ЦК РКП(б).

Репрессировали и активных сотрудников епископа – прот. Петра Ледковского, священников Илью Пироженко, Петра Фалевича и еще нескольких священников, которые вели переписку с патриархом Тихоном, митрополитом Митрофаном и епископом Захарией. Их дела рассматривались одновременно с делом епископа и также в VI отделении Секретного отдела ОГПУ под контролем Е.А. Тучкова¹.

26 сентября 1924 г. Особое совещание при коллегии ОГПУ постановило заключить епископа в концлагерь на 2 года². Его отправили в Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОН)³. Туда же, на Соловки, прибыли и сотрудники епископа Захарии.

В 1926 г. вместе с другими епископами Захария принял участие в составлении известного «Обращения православных епископов к правительству СССР» – так называемого «Соловецкого послания»⁴.

3 сентября 1926 г. Особое совещание при коллегии ОГПУ, пересмотрев дело епископа Захарии, постановило: «По отбытии срока

¹ Архив УФСБ РО. Д. П-15249. Л. 6, 7 и др.

² Там же. Л. 124.

³ По данному делу священномученик реабилитирован 20 января 1998 г.

⁴ К правительству СССР (обращение православных епископов из Соловецких островов – «Соловецкое послание»). 1926 г. // Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943: Сб. в 2-х частях / Сост. М.Е. Губонин. М., 1994. С. 500–507.

наказания Лобова Захария Петровича выслать в Мар(ийскую) область сроком на 3 года»¹. Так епископ оказался на поселении в г. Краснококшайске (ныне Йошкар-Ола).

Находясь в марийской ссылке, епископ Захария поддержал «Послание Синода ко всем верующим» от 29 июля 1927 г., более известное как «Декларация» митрополита Сергия (Страгородского), и признал его в качестве главы церковного управления Русской Православной Церкви. Возглавив находящееся в марийской ссылке духовенство, епископ Захария защищал полномочия митрополита Сергия (Страгородского), полемизируя со священномучеником епископом Виктором (Островидовым)².

Священномученик Захария придерживался принципа строгой аполитичности и не считал для себя возможным хоть в малой мере примешивать к своей деятельности политику, в чем убеждал и других. Об этом свидетельствует его переписка. В письме благочинному священнику Илье Пироженко в г. Миллерово он писал: «При этом усердно молю в своих беседах и проповедях держаться истинно такого православия, нисколько не примешивая политику. Покажите всем, что мы не контрреволюционеры, а только сыны своей Святой Православной и Апостольской Церкви, в которой мы ищем одного только – спасения и славы Божией»³. И в другом письме тому же священнику настойчиво: «При этом усерднейше прошу Вас внушить духовенству, чтобы оно ни в словах, ни в делах не держалось и не говорило о политике»⁴.

Необходимо сказать о специфическом понимании епископом Захарией аполитичности как полной лояльности советской власти и допустимости определенных компромиссов с нею. Причем он полагал, что деятельность митрополита Сергия не нарушает этот прин-

¹ Архив УФСБ РО. Д. П-15250. Л. 125.

² Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского... С. 568.

³ Архив УФСБ РО. Д. П-15250. Л. 79.

⁴ Там же. Л. 163 об.

цип. Он рассчитывал, что такая тактика позволит не разжигать еще большей ненависти советской власти к Церкви и верующим: «Всем духовным скажите, пусть они будут АПОЛИТИЧНЫ¹, пусть они уважают и любят ту власть, под покровом которой они живут, и тогда никто нас трогать не будет»².

Проблема границы допустимого в отношениях со светской властью актуальна по сей день и вряд ли когда-нибудь утратит свою актуальность.

27 января 1928 г. дело епископа Захарии было пересмотрено, епископа Захарию досрочно освободили из ссылки³.

24 апреля 1929 года с возведением в сан архиепископа его назначили на Воронежскую кафедру⁴.

С марта 1932 г. Владыка служил в Успенском Адмиралтейском храме в речной пойме. По никем не оспариваемому преданию, он несколько лет проживал в домике при этом храме⁵.

Со всем делопроизводством епархиального управления от начала и до конца ему приходилось справляться самому. Свидетельствуют об этом сохранившиеся архиерейские указы, тексты писем в официальные церковные и светские органы власти, которые написаны его рукой⁶. Владыкой составлены и списки благочиний, приходов, благочинных и входящих в благочиния населенных пунктов⁷.

¹ Подчеркнуто автором письма.

² (Письмо свящ. Петру Фалевичу) // Архив УФСБ РО. Д. П-15249. Л. 27–28 об.

³ Там же. Д. П-15250. Л. 126.

⁴ Захария (Лобов Захар Петрович) // База данных ПСТГУ.

⁵ Об этом периоде служения подробнее см.: *Бирюкова Ю.А., Овчинников П., диак.* Подвиг служения священномученика Захарии (Лобова), епископа Аксайского, архиепископа Воронежского и Задонского (1865-1937). – Ростов-на-Дону, Антей, 2014.

⁶ Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. Р-2565. Оп. 1. Д. 21. Переписка архиепископа Захарии с разными лицами. Л. 124, 212; Д. 9. Л. 185. Письмо церковно-приходскому совету с. Средний Карачан; Л. 188. Удостоверение; Д. 13. Л. 366–368. Указы; Ф. Р-2565. Оп. 1. Д. 13. Л. 177–178 об., 226–227 об. Письма в культкомиссию; *Бирюкова Ю.А., Овчинников П., диак.* Указ. соч.

⁷ ГАВО. Ф. И-84. Оп. 1. Д. 1961; Ф. Р-2565. Оп. 1. Д. 43.

Архиепископа Захария вел активную переписку со священнослужителями епархии – благочинными, священниками, приходскими советами, таким образом устраняя управленческую анархию. Многочисленные письма (более пятисот) входящей корреспонденции Воронежского епархиального управления сохранились в фонде «Воронежского областного митрополитанского церковного управления» в Государственном архиве Воронежской области (ГАВО). Эта коллекция церковных материалов объединила документы обновленческого «митрополитанского» управления и включенные в него случайным образом документы Московской Патриархии и канцелярии архиепископа Воронежского Захарии, видимо, изъятые у него при обыске. Письма начинаются оборотами: «в ответ на Ваше письмо (отношение)», «отвечаем Вам», «спешу ответить», «взаимно поздравляю Вас» и т.д. К сожалению, ни одного исходящего письма архиепископа Захарии, адресованного священникам Воронежской епархии, в этом фонде нет. Сохранился пронумерованный список исходящих писем архиепископа, в котором 828 позиций.

Архиепископ Захария управлял епархиями, входящими в крупнейшую область Центра России – Центрально-Черноземную. В образованную в 1928 г. область вошли Воронежская, Тамбовская, Курская и Орловская губернии.

На данный момент исследователям известен только один документ данного периода, очерчивающий канонические границы и обязанности уездных епископов, – он написан для Тамбовской епархии, но нужно полагать, что подобных распространенных по епархиям документов было больше. Это «Инструкция временно управляющему Тамбовской епархией» о канонических полномочиях епископа Тамбовского по отношению к полусамостоятельным епархиям Тамбовской губернии¹. Документ датирован 24 августа 1927 года и

¹ Напомним, что в конце июля того же года была опубликована известная «Декларация митрополита Сергия», вызвавшая много споров, обсуждений и разделений не только внутри страны, но и за ее пределами.

определяет полномочия Тамбовского епископа Вассиана (Пятницкого). Выстраивалась система отношений: Московская Патриархия – митрополия (областной архиерей) – епархия – полусамостоятельная епархия. Определением Священного Синода № 233 от 27 декабря 1928 года Воронежский архиерей нарекался «областным архиереем» и обязывался «принимать во временное свое управление каждую освободившуюся в его области епархию впредь до назначения на нее постоянного епископа»¹.

Взаимоотношения между священномучениками Захарией Воронежским, Липецким Уаром (Шмариным), Вассианом Тамбовским носили характер подотчетности местных архиереев Воронежскому на протяжении 1929–1935 гг., что демонстрируют документы. Это положение было закреплено синодальным постановлением от 12 марта 1934 года. В качестве примера можно привести один из документов – отношение епископа Тамбовского и Мичуринского Вассиана (Пятницкого). Это ответ на отношение архиепископа Захарии по поводу назначения некоего архимандрита Нектария Савенкова. Заканчивается ответ типично для переписки этих архипастырей: «Испрашивая святительских молитв Ваших, с совершенным уважением и искренней преданностью имею честь быть Вашего Высокопреосвященства *смирный богомолец и любящий о Господе сын Вассиан, архиепископ Тамбовский и Мичуринский*».

Другой документ – письмо епископа Уара (Шмарина): «...Вашего письма о поручении мне управления Елецкой епархией я не получал. На основании Вашего последнего отношения ... я вступил в управление Елецкой епархией, о чем и имею долг донести Вашему Высокопреосвященству. Вашего Высокопреосвященства покорнейший слуга и богомолец Уар, епископ Липецкий»².

¹ Журнал Московской Патриархии в 1931–1935 годы. – М., 2001. С. 218; Бирюкова Ю.А., Овчинников П., диак. Указ. соч.

² ГАВО. Ф. Р-2565. Оп. 1. Д. 5. Л. 64.

Не каждый шаг Местоблюстителя Патриаршего Престола митр. Сергия поддерживался архиепископом Захарией. Резолюция архиепископа Захарии на указе митр. Сергия (Страгородского) о возможности поминовения инославных после смерти сообщает: «...С резолюцией Его блаженства я не согласен. Помянуть иноверных после смерти их не имеет никакого смысла и противно каноническим правилам (Ап(осто)льское) прав(ило) 10) и другим»¹.

23 мая 1935 года архиепископа Захарию (Лобова) арестовали². Против епископа выступило его ближайшее окружение – братья-сослужители: священник, два псаломщика и староста Успенской церкви. Один из них говорил на допросе, что якобы слышал в алтаре Успенской церкви, как владыка говорил: «Крестьян довели до окончательной гибели, в деревне царит голод, нищета и все от того, что стали сгонять всех в колхозы, колхозы – это кабала для крестьян, они-то и ведут к гибели»³. Тот же свидетель рассказал о еще одном «преступлении» Лобова против власти – он советовал верующим обращаться по вопросам неправомерного закрытия храмов в облисполком и ВЦИК⁴. Цитировалась якобы сказанная проповедь о гонениях в стране.

Сочувствуя народу, священнослужители в данный период нередко поддерживали народное негодование и в разговорах могли выражать недовольство государственной политикой по отношению к крестьянству. Но характерны ли подобные высказывания для такого мудрого и осторожного человека, как архиепископ Захария (Лобов)? Исходя из материалов дела и известных нам сведений о церковно-политических предпочтениях владыки, ответ на этот вопрос, скорее, будет отрицательным.

¹ Там же. Д. 19. Л. 8.

² Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИ ВО). Ф. П-9353. Оп. 2. Д. П-6014. Л. 3.

³ Там же. Л. 26.

⁴ Там же.

Церковнослужители, которые никаких фактов контрреволюционной агитации Лобова привести не могли, просто не были включены в список свидетелей, вызываемых в суд.

На суде архиепископ Захария виновным себя не признал, показания свидетелей назвал ложными.

Приговор гласил: «Лобов, являясь классово чуждым лицом (лишенец) и будучи враждебно настроен против Советской власти и проводимых ею мероприятий, в период с 1934 года и начала 1935 года в помещении церкви, в сторожке церкви, при проповедях в присутствии свидетелей (...) и других неоднократно проводил контрреволюционную агитацию по вопросам социалистического переустройства сельского хозяйства, распространения государственного займа и возводил контрреволюционную клевету на Советскую власть по вопросу о положении рабочего класса в СССР...»¹.

Спецколлегия приговорила архиепископа Захарию к тюремному заключению сроком на 5 лет и дополнительному наказанию – денежному штрафу в сумме двадцати пяти тысяч рублей², которые уже были изъяты у него при обыске.

12 ноября 1935 года архиепископ Захария отправлен в лагерь на Соловки³. В январе 1936 года его перевели в Мичуринскую тюрьму, а оттуда в Казахстан, в Карагандинский лагерь (Карлаг)⁴.

Лагерные условия были настолько тяжелы для 72-летнего старца, что он тяжело заболел⁵. После того, как была установлена владыке Захарии инвалидность, его сразу арестовали и перевели на тюремное положение. 14 сентября 1937 года, Особая тройка при УНКВД СССР по Карагандинской области предъявила владыке Захарии обвинение в «контрреволюционной террористической агитации среди заключенных,

¹ Там же. Л. 61-61 об.

² Там же.

³ Реабилитирован по данному делу 30 июня 1992 года.

⁴ Захария (Лобов Захария Петрович) // БД ПСТГУ.

⁵ Там же.

направленной против решений партии и правительства». Агитация заключалась в том, что архиепископ беседовал с заключенными о Боге. Кроме того, владыку Захарию обвинили в совместном с другими заключенными праздновании Святой Пасхи¹.

Насчет пасхального празднества владыка указал, что Пасху встречал сам, пел «Христос Воскресе» без облачения. И это было правдой.

Сохранилось письмо архиепископа, датированное 6 мая 1937 г., написанное благодетелям, поддерживавшим его в ссылке, которых он поздравлял с Пасхой. Он писал: «Я встречал праздник в великой скорби, т(ак) к(ак) тут нет ни храма, ни Святого Богослужения. Дождался 12 часов ночи, и пропел сам себе «Христос Воскресе», и горько заплакал. Так и прошел праздник в скорби и тоске. 4 мая получил от Вас, Мария Александровна, посылку с разными продуктами, где были яйца и кулич. До слез тронула Ваша посылка меня. (...) Увидел и кулич, и яйца, и представилась мне Святая Пасха. Да воздаст Вам Господь своими милостями за Ваше доброе. Если бы Вы знали, как дорога Ваша посылка в моем положении. Это может оценить только тот, кто находился или находится в моем положении»².

Тройка признала архиепископа Захарию (Лобова) виновным и приговорила его к расстрелу³.

21 сентября 1937 года в 24 часа архиепископа Захарию (Лобова) вместе со священником Иосифом Архаровым расстреляли в Чурубай-Нурунском отделении Карлага⁴.

Священномученик Захария (Лобов) изначально избрал путь простого приходского священника, обзавелся семьей. Он не мечтал о

¹ Там же.

² Государственный архив Липецкой области (ГАЛО). Ф. Р-2210. Оп. 1. Д. 23459. Л. 28–29.

³ Захария (Лобов Захария Петрович) // БД ПСТГУ. 30 июня 1992 г. архиепископ Захария (Лобов) по данному делу реабилитирован.

⁴ Архив Центра правовой статистики и информации при обл. прокуратуре г. Караганды. Д. 2187; Захария (Лобов Захария Петрович) // БД ПСТГУ.

высотах архиерейского служения. Представляется, что если бы не сложившиеся обстоятельства, то архиереем он никогда бы не стал. Человек он был совсем не книжный, не ученый – закончил только духовную семинарию, да и там проучился четыре года по второму разряду. Мы не знаем никаких его богословских трудов. Вчитываясь в письма святого Захарии, мы не находим их автора человеком, одаренным особым красноречием. Они просты по форме и по содержанию. Но мы неизменно находим в этих письмах совершенную любовь к людям и духовную радость, что бы ни происходило вокруг. Перед нами большой труженик, неутомимо несущий свои ежедневные обязанности, кропотливо воссоздающий организационную структуру Церкви вопреки всем деструктивным силам в тесном сотрудничестве со своей паствой и встречающий каждый день как последний.

А.А. Панова,
*аспирант кафедры русского языка Института филологии,
журналистики и межкультурной коммуникации
Южного федерального университета*

**Языковое представление о деятельности человека
как ценности в текстовом пространстве дневников митрополита
Вениамина (Федченкова) 1926–1948 гг.**

В дневниках митрополита Вениамина (Федченкова) одной из лейтмотивных тем предстает рефлексия автора по поводу *деятельности* человека. Возможно, в размышлениях о том, что нужно делать, как нужно делать и каким может оказаться результат этой деятельности, кроется желание автора быть вовлеченным в активную общественную и проповедническую деятельность. Однако в сложившихся непростых обстоятельствах (трудные годы в эмиграции, не менее трудные годы после возвращения на родину) любая деятельность была нередко сопряжена с опасностью как для жизни, свободы, так и для душевного состояния (последнее связано с вопросом о сохранении подчинения Русской Православной Церкви или принятии автономии РПЦЗ).

Материалом для данной работы послужила выборка из дневников митрополита Вениамина (Федченкова) 1926–1948 гг. объемом в 377 языковых единиц разного уровня. Размышления автора о *деятельности* человека нашли свое отражение в 59 контекстах. Прежде всего, стоит отметить, что найденные в тексте примеры, в которых нашли отражение представления о Вениамине о *деятельности* человека, целесообразно поделить на две условные группы. В первую группу входят контексты, образующие ядро рефлексии о деле: это примеры, в которых затронуты вопросы о том, что нужно/не нужно делать (14 примеров), как это нужно/не нужно делать (20 примеров) и к каким результатам деятельность человека может приве-

сти (9 примеров). Во вторую группу по ряду причин справедливо поместить контексты, находящиеся на периферии: с одной стороны, в них под *делом* понимается скорее ситуация, такое положение вещей, которое, однако, может в какой-то мере зависеть от деятельности человека, но не обязательно (11 примеров), с другой – это небольшое количество контекстов (5 примеров) с более конкретным пониманием деятельности – служение, проповедование. Такие контексты попадают на периферию в ряду рефлексий Вениамина (Федченкова) о деятельности по причине доминирования в тексте дневника размышлений абстрактного характера (или в иных случаях завуалированных под таковые). Возможно, это результат длительного пребывания автора дневника в ситуации, когда досмотру могли быть подвергнуты и использованы против него самого документы личного характера – письма и дневники. Другими словами, в абстрактном характере изложения личных взглядов на деятельность человека проглядывается стремление автора избежать прямого наименования видов деятельности, которые в определенный период истории нашего государства не были благожелательными и вызывали подозрительность со стороны государственных структур.

Отметим, что контексты, входящие в ядерную часть, характеризуются наличием в них глаголов *делать, сделать, заниматься, творить, действовать, содействовать, совершать*; существительных *дело, делание, труд, работник* и причастия *трудящийся*. Периферийные контексты в основном маркированы глаголами *служить, проповедовать, создать*; прилагательным *утружденный* и сочетанием существительного с предлогом *в деле*.

Обратимся к рассмотрению контекстов, в которых поднимается вопрос о том, что именно следует делать, какому делу отдавать предпочтение и т.д. Приведем вначале следующие примеры (здесь и далее выделение прописными буквами принадлежит автору дневника, полужирный шрифт – мой – *А.П.*): **Что делать?**... *Не знаю. Не знаю* (Федченков 2008: 457); *Итак, доколе есть время, будем **делать***

добро всем, а наипаче своим по вере (Гал. 6, 2-5, 9-10) (Федченков 2008: 219); *Любовь не делает ближнему зла* (1 Тим. 1, 8-9) (Федченков 2008: 517); *Недаром же Антоний Великий говорил отцам: «Истинно говорю вам: не великое дело творить чудеса и не великое дело видеть ангелов – великое дело видеть собственные грехи»* (Федченков 2008: 508).

В первую очередь, отметим, что в приведенных примерах смысловую нагрузку несут слова *дело* и *делать*. На страницах исследуемого дневника записи, включающие в себя данные слова и их словоформы, нередко связаны с попытками автора справиться с состояниями потерянности и отчаяния, вызванными теми условиями жизни, в которых о. Вениамин пребывал. Такой иллюстрацией осознания отчаяния предстает сама постановка вопроса о возможной деятельности (*что делать?*) с последующим признанием своей потерянности, подчеркнутой двукратным лексическим повтором и ощутимой паузой между частями этой записи (многоточие после вопроса, точка вместо возможной запятой между повторяющимися элементами).

Парадокс рефлексии о деятельности в текстовом пространстве дневников митрополита Вениамина (Федченкова) в том, что вслед за признанием некоторой потерянности именно размышления о том, что же нужно делать, в чем дело его собственной жизни заключается, являются и средством избавления от отчаяния. Другими словами, определение в роде деятельности, выбор дела помогает человеку и автору дневника, в частности, обрести себя, свободу, найти свое место в этом мире.

Следующие приведенные примеры также помогают автору исследуемых дневников очертить общие принципы выбора будущей деятельности, тем самым в некоторой степени оправдывая свой выбор. Заметим, что последние три примера – это цитаты, т.е. заимствованные фрагменты текста, использование которых помогает перепоручить другому свои собственные воззрения (однако в послед-

нем примере согласие с мнением «другого» выражено наречием *недаром*). Так, деятельность человека должна отвечать следующим главным параметрам: она заключается в том, чтобы нести добро или хотя бы не причинять зла, а субъектом деятельности предстают в первую очередь (*наипаче*) все православные (*свои по вере*), что в очередной раз высвечивает попытку автора дневников объединить в один народ тех людей, которые оказались в эмиграции, с теми, которые остались в России.

Остановимся, однако, более подробно на последнем приведенном примере (*Недаром же Антоний Великий говорил <...>*). Приведенная Вениамином (Федченковым) цитата имеет трехчастную структуру, в которой повторяется словосочетание *великое дело*. Однако важно лексическое окружение этого словосочетания. Дважды употреблена отрицательная частица *не* – вначале по отношению к повторяемому лексическому комплексу *великое дело* с глаголом *творить*, затем с глаголом *видеть*. Глагол *творить* несет в себе семантику активной деятельности человека, который что-то либо делает, либо создает. Глагол же *видеть* связан с идеей пассивной деятельности, созерцания происходящего без активного вмешательства. Несмотря на то, что оба лексических комплекса включают в себя существительные, наделенные в религиозном дискурсе положительной семантикой (*чудеса* и *ангелы*), отрицательная частица *не* лишает такую деятельность ценности (*не великое*). В контексте дневников митрополита Вениамина включение в текст анализируемой цитаты вновь высвечивает попытку автора смягчить тяжелое для него положение, когда он оказался лишенным возможности активной проповеднической деятельности. Смягчение происходит за счет нивелирования важности не только активной деятельности, но и даже пассивной. Однако третья часть цитаты без отрицания вкупе с глаголом, обозначающим пассивную деятельность, выявляет ценность другого вида деятельности – внутренней, направленной на самоанализ (*видеть собственные грехи*). Фактически полем для такой деятельности ста-

новится текст дневника – место, где о. Вениамин анализирует себя, свои поступки, свои слова, сказанные и только заготавливаемые им для разговора. Таким образом, отсутствие возможности активно действовать вовсе не лишает деятельности вообще.

Рассмотрим следующие три примера: *Каждый да испытает свое дело, и тогда будет иметь похвалу только в себе, а не в другом, ибо каждый понесет свое бремя* (Гал. 6, 2-5, 9-10) (Федченков 2008: 219); *КУДА СКЛОНИТСЯ СЕРДЦЕ твое, то и делай* (Федченков 2008: 364); *Когда тебе представляется какое-либо дело по Богу, а противоположный помысл сопротивляется ему, то из этого самого познается, что дело то действительно есть по Богу* (Варсонофий Великий) (Федченков 2008: 353); *Убедивший с одной нивы надежен ли, как работник, на другой?* (Федченков 2008: 412-413). Прежде всего отметим, что человек, по Вениамину (Федченкову), должен заниматься своим делом. Первый приведенный пример постулирует необходимость проверить, правильно ли выбран вид деятельности. Выбор глагола *испытать* очень тесно связан в контексте дневников митрополита Вениамина со словосочетанием *свое бремя*. Работа и труд в православии нередко предстают как наказание или как послушание, т.е. то, что человек обязан делать вне зависимости от своего желания. В связи с этим митрополит Вениамин использует цитату из Священного Писания, в котором существительные *дело* и *бремя* являются контекстуальными синонимами, а глагол *испытать*, дистрибуция которого нередко включает лексемы, обозначающие тяжелые испытания, боль, тяготы и лишения (см. значение слова *испытать* в словарях (Кузнецов 2008: 402; Ожегов, Шведова 2010: 254; Лопатин, Лопатина 2011: 247). Определившись с природой *своего дела*, необходимо узнать, какой же род деятельности можно считать своим?

О. Вениамин прописными буквами в дневнике выделяет основной критерий выбора деятельности – *КУДА СКЛОНИТСЯ СЕРДЦЕ*. Недостаточным представляется трактовка этой записи

только как необходимость выбирать занятие по своим способностям и интересу. Дневник для митрополита Вениамина – близкий, нередко единственный друг. Большое количество текстового пространства занимают неотправленные письма или черновики писем, фрагменты полученных писем и рефлексия по их поводу. Одна из постоянных тем такого непрерывного диалога со своим текстом (или их возможным адресатом) – открытое сожаление или же завуалированное признание в том, что автор дневника не может определиться в выборе лидера и, следовательно, в выборе будущей деятельности. Проблема заключалась в том, что от выбора, чью сторону принимать (сохранять ли подчинение РПЦ или же перейти в РПЦЗ), зависели не просто разные, но в некотором роде противоположные виды деятельности и поведения: проповедовать православие на Западе эмигрантам и поносить политический строй послереволюционной России (*СССР-ш*, как называл ее Вениамин (Федченков), который для многих русских эмигрантов стал основной причиной потери дома, родины; или же, оставаясь верным московскому Патриарху, признать лояльность по отношению к правящей власти и стать изгнанником в эмигрантских кругах, потеряв таким образом большую часть паствы, и при первой же возможности вернуться в Россию. Однако проповедовать православие эмигрантам, в большинстве своем сохранившим веру, на Западе и сохранять православие в официально атеистической стране – это действительно две различные деятельности. Как выбрать и что выбрать? Весь текст дневников митрополита Вениамина – это попытка найти ответ на этот вопрос, которая не заканчивается даже после официально сделанного выбора.

Будучи разрываем между желанием быть со своими соотечественниками и братьями по вере, вынужденными оказаться в чужих странах, и желанием поддерживать, не бросать наедине со своей бедой тех, кто остался в России, митрополит Вениамин внутренне пытался сгладить, нивелировать пропасть между возможными видами своей деятельности. Признавая невозможность самостоятельного

выбора, о. Вениамин обращается за духовным советом к другим священнослужителям, но прежде всего к Богу. *КУДА СКЛОНИТСЯ СЕРДЦЕ* – это выбор, совершенный не разумом, а значит, не самим человеком, а Богом, конечно, при условии, если человек впустил Бога в свое сердце (как представляется, именно с этой целью о. Вениамин и служил те сорокоусты, о которых много писал в своих дневниках).

Следующий пример выводит еще одно требование к деятельности – оно должно быть *по Богу*. Выявление способа удостовериться в правильности выбора *дела по Богу* (от противного – *противоположный помысл сопротивляется*) перепоручено автором дневников авторитетному лицу (очередная цитата из «Добротолубия» – практически единственного книжного источника, который имелся в доступе в самые сложные периоды в эмиграции, по признанию Вениамина (Федченкова). Смысловое ядро включенной в дневник цитаты представляет собой семантическое взаимодействие двух слов с идеей противостояния (прилагательное *противоположный* и глагол *сопротивляться*) со словом, имеющим в религиозном дискурсе изначально негативную семантику (существительное *помысл*).

Последний из приведенных выше примеров интересен не только своей иносказательностью. Формально в примере имеется существительное *работник*, высвечивающее значение всего предложения. Однако традиционные для религиозного дискурса образы *нивы/поля* конкретизируют высказывание, вызывая определенные ассоциации с текстами Писания. Отметим важность этой записи. Она датирована 1931 годом и связана с письмом одного клирика Московской Патриархии, спрашивавшего совета по поводу перехода в Сербскую Церковь. В 20-е годы похожий вопрос вставал и перед самим митрополитом Вениамином. Личный опыт встречи с данным сложным вопросом отражается и в вопросительной форме предполагаемого ответа на письмо. Эта запись высвечивает не столько страх перед своего

рода предательством, сколько страх потерять возможность плодотворной деятельности после перехода в юрисдикцию другой Церкви.

Отдельно хочется рассмотреть пример, включающий существенные *труд* и *дело*, но, на первый взгляд, не репрезентирующий деятельность, а посвященный другой проблеме: *Не мал же труд найти руководителя, незаблудного ни в делах, ни в словах, ни в разумениях* (Федченков 2008: 345). Отметим вначале, что данный пример также является цитатой из трудов св. Григория Синаита, включенных в сборник «Добротолюбие», выписки из которого занимают достаточно большое текстовое пространство в исследуемых дневниках. В данном случае митрополит Вениамин, обращаясь к прецедентному тексту, при помощи чужих слов говорит о своей личной проблеме – выборе духовного наставника, выборе лидера, руководителя. Однако в контексте дневников о Вениамине эта цитата, как представляется, может приобретать и другое значение. Уже упоминалось о том, что некоторое время Вениамин (Федченков) фактически был лишен возможности активно действовать. Однако именно в эти периоды обострялась проблема выбора лидера, за которым нужно было бы следовать и в соответствии с чьими взглядами строить свою деятельность. Митрополита Вениамина, как священнослужителя, привыкшего к непрерывной активной деятельности проповедника, несомненно, тяготила ситуация, в которой он оказался, так как необходимость деятельности – это одна из важных для автора анализируемых дневников ценностей. Выписанная митрополитом из «Добротолюбия» цитата, скорее всего, была призвана убедить его самого в том, что сам процесс выбора руководителя – это тоже труд, тоже деятельность, притом тяжелая (*не мал же труд*). Существительное *дело* фигурирует в приведенной цитате и как характеристика идеального руководителя, *незаблудного ни в делах, ни в словах*. Ответ на вопрос, кто из современных ему религиозных лидеров прав, т.е. *незаблуден в делах*, автор ищет на протяжении всех дневниковых записей.

Обратимся к рассмотрению следующих контекстов: *Точно ясно, что уму нечего делать в делах сверхумных* (Федченков 2008: 502); *<...> не моего ума это дело* (Федченков 2008: 496); *И остается «заниматься» чем угодно, только бы не плакать и не молиться* (Федченков 2008: 426); *Никакой воин не связывает себя делами житейскими, чтобы угодить военачальнику* (2 Тим. 2, 1-10) (Федченков 2008: 223). Приведенные контексты иллюстрируют представления Вениамина Федченкова о том, что не стоит делать, другими словами, о случаях, когда лучше не действовать.

Первые два примера схожи по своему лексическому наполнению, но фигурируют в тексте дневников в разных контекстах. Идея обоих примеров в том, что есть виды деятельности, в которых человеку самому активно вмешиваться не стоит из-за ограниченности в способах познания мира (в частности, при помощи несовершенного разума). Первый пример функционирует в более просторном контексте: речь идет о «вопросах», которые возникают у митрополита Вениамина касательно причин, по которым Бог разрешил укрепиться советской власти. И такие вопросы о Вениамин обозначает лексемой *сверхумные*, в которой приставка *сверх-* подчеркивает идею недоступности некоторых вещей для человеческого разума. Так, предпринимать действия в попытке понять замысел Бога относительно таких сложных вопросов, по мнению автора дневников, не стоит, поскольку деятельность в этом направлении приводит лишь к нежелательным сомнениям.

Второй пример встретился в фрагментарной записи практически при отсутствии поясняющего контекста. Единственное, что удастся выяснить из текстового окружения данной фразы, что митрополит Вениамин получил письмо о «необычайном бесовском искушении, о каком и не представлял прежде» (Федченков 2008: 496), и набрасывает план ответа на него. Плану предшествует формула *а как ответить*, а далее перечисляются пункты плана, в числе которых значится: *а) не моего ума это дело <...>*. Таким образом, вновь вы-

свечивается факт наличия видов деятельности, неприемлемых для автора изучаемых дневников. Кроме того, в текстовом пространстве дневника, служащего полем для исповедального разговора с самой собой, важен сам факт признания автором существования такой деятельности.

Отрицательной предстает и деятельность, связанная с мирскими проблемами и суетой, то, что митрополит Вениамин называет *делами житейскими*. Негативность таких дел маркируется наличием глагола *связывать* (форма несов. вид глагола *связать*), одно из значений которого «лишать возможности действовать» (Ожегов, Шведова 2010: 706), что, во-первых, ассоциируется с попаданием человека в дьявольские сети, а во-вторых, в контексте современной автору дневника эпохи наделяется определенными коннотациями.

Отрицательной семантикой в тексте дневников митрополита Вениамина (Федченкова) наделяется глагол *заниматься*, что подчеркивается автором при помощи помещения данного слова в кавычки. *Заниматься* чем-либо в контексте исследуемых дневников – значит, вести псевдодеятельность, создавать видимость деятельности, чтобы скрыть от самого себя бездеятельность. Однако автор сам себя раскрывает, признаваясь в этом. Кроме того, под таким псевдозанятием нередко подразумевается сам процесс ведения дневника, написание текста – также одна из константных тем исследуемых дневников.

Так, представив в самом абстрактном виде перечень характеристик, которым должна отвечать идеальная деятельность, Вениамин (Федченков) рассуждает и о допустимых/недопустимых способах деятельности. Приведем вначале следующие контексты (закавычено выделенное автором дневника курсивом – *А.П.*): *Не полезно прежде делания **первейших дел** знать о вторых, ибо знание без делания «надмевает, а любовь назидает, потому что все терпит»* (1 Кор. 8, 1) (Свв. Каллист и Игнатий Ксанфопулы) (Федченков 2008: 334); *Не ищи прежде времени того, что будет в свое ему время, ибо и доброе недобро, если не добре делается* (Свв. Каллист и Игнатий Ксан-

фопулы) (Федченков 2008: 334); *Кто «просвещением свыше» стяжел в себе Бога, тот скоро извещается о святой воле Божией, как в делах, скорости требующих, так и в делах, дозволяющих промедление, вторым способом (то есть благоспешением)* (Св. Иоанн Лествичник) (Федченков 2008: 372); *Какие дела должны быть исполняемы неотложно и без всякого промедления и какие – без торопливости и с осмотрительностью* (Св. Иоанн Лествичник) (Федченков 2008: 371). Так, в приведенных примерах автором исследуемых дневников постулируется своевременность деятельности в том или ином направлении. Кроме того, при помощи обращения к прецедентным текстам (митрополит Вениамин вновь вводит в дневник выписки из «Добротолюбия») о. Вениамин говорит и о некоторой иерархии дел, маркируя при помощи порядковых прилагательных (Русская грамматика 1980: I, 539) одни дела *первейшими*, а другие – *вторыми*. В данных примерах наличествуют лексемы с семой темпоральности: *время, скорость, неотложно, без промедления, без торопливости*. Однако временной фактор – не единственный принцип, по которому происходит ранжирование дел. В последнем примере один из видов деятельности характеризуется отсутствием *торопливости*, но наличием *осмотрительности*. Таким образом, *вторые* дела требуют не меньше усилий, чем *первейшие*. Высвечивает важность любой деятельности (и *первых*, и *вторых* дел) пример: *Кто «просвещением свыше» стяжел в себе Бога <...>*, в котором подчеркивается целесообразность любого дела при условии получения Божьего благословения на его исполнение. Так, по Вениамину Федченкову, необходимо соблюдать иерархию дел, но вне зависимости от места в этой иерархии любое дело должно быть по Богу.

Обратимся к другим примерам (прописные буквы – автора дневников – *А.П.*): *А дальше остановили внимание слова: Ничего не делайте по любопрению (не как все, а по-своему) и тщеславию, но по смиренномудрию почитайте один другого выше себя* (Флп. 2, 3-4) (Федченков 2008: 291); *Смирение и без дел многим прегрешениям*

стяжевает прощение; а дела без него, напротив, **неполезны** (св. Исаак Сирин) (Федченков 2008: 341); **Не желай, чтобы все делать так, как ты хочешь; но желай, чтоб оно было так, как будет, и таким образом будешь мирен со всеми** (Авва Дорофей) (Федченков 2008: 358); **В РАБСКОМ ЖЕ ДЕЛАНИИ** (в вычитывании только положенного) **«нет мира уму»**; а смущение отнимает обыкновенно вкус у смысла и понятливости и расхищает мысли (Исаак Сирин) (Федченков 2008: 324). Включение данных цитат из «Добротолубия» иллюстрирует еще одно требование к исполнению своей деятельности: необходимость выполнять дело со смирением. Приведенные примеры имеют в своем составе прямое отрицание, выраженное при помощи частиц *не* в сочетании с императивом (*не делайте, не желай*) и *нет* (*нет мира уму*), отрицательного местоимения *ничего* и краткого прилагательного *неполезны*, что, бесспорно, усиливает дидактическую направленность данных цитат. Смирение, по мнению митрополита Вениамина, является стержневым элементом деятельности: человек не должен делать что-либо, исходя из тщеславия и любопытства, поскольку они суть составляющие человеческого эгоизма, который не совместим с тем, что подразумевал под деятельностью Вениамин (Федченков). Правильно выбранная деятельность – та, которая осуществляется по Божиюму благословию и, следовательно, является исполнением воли Бога и приводит к predeterminedенному результату (*так, как будет*, другими словами, как должно быть).

Отдельного рассмотрения заслуживает словосочетание *в рабском делании*, выделенное в тексте дневника заглавными буквами. Такой вид деятельности не стоит смешивать со смирением. Прилагательное *рабский*, в целом имея негативные коннотации в русском языке (см. значение лексемы *рабский* в словарях Кузнецов 2008: 1055; Ожегов, Шведова 2010: 638; Лопатин, Лопатина 2011: 623), в данном контексте имеет значение деятельности, выполняемой только в той мере, в которой требуют вышестоящие лица, это деятельность

без привнесения в нее элемента энтузиазма, дело, исполняемое человеком без интереса и исключительно по принуждению. Это очень четко подчеркивается благодаря помещенному в скобки пояснению о конкретном содержании *рабского делания*, которое состоит в *вычитывании только положенного*. В текстовом пространстве дневников митрополита Вениамина вычитывание, написание текстов также предстают как разновидности деятельности, находящие свое выражение в метапрозаических рефлексиях автора.

Так, для личности недостаточной является деятельность, которая заключается лишь в *рабском делании* чего-либо. Необходимо вкладывать больше собственных сил в то дело, которым приходится заниматься. Рассмотрим следующие примеры (подчеркиванием выделен курсив автора дневника, полужирный шрифт – мой – *А.П.*): *Всегда имей искренне такое настроение, чтобы во всяком деле ничего не иметь в виду, кроме единого угождения Богу* («Невидимая брань», Никодим Святогорец) (Федченков 2008: 363); *Нужно делать свое дело с мирным, но твердым духом, а прочее возложить на Бога* (Федченков 2008: 147); *С какую кровью и потом нам достается это дело <...>* (Федченков 2008: 142); *Нужно сделать какой-то шаг и своей волею, а не только просить Господа* (Федченков 2008: 258).

Приведенные примеры иллюстрируют несколько положений. В первую очередь, человек должен помнить о том, что любая его деятельность не просто должна быть угодна Богу, но это должно являться целью деятельности в выбранном направлении (*во всяком деле ничего, кроме угождения Богу*). С этим связано и требование уповать на Божью помощь (*прочее возложить на Бога*), однако при условии вкладывания в свою работу всех своих сил – физических (*кровью и потом*) и душевных (*делать свое дело с мирным, но твердым духом*). Необходимость соединения собственных сил человека с благословением и помощью Бога в очередной раз подчеркивает необходимость некоторой гармонии в жизни человека: не стоит, по

мнению Вениамина (Федченкова), рассчитывать только на свои силы, поскольку, в частности, это дает повод к появлению тщеславия и излишней самоуверенности; однако пускать дела на самотек также нельзя – Бог помогает, Бог дает силы для выполнения той или иной деятельности, но для этого человек должен трудиться и (*сделать какой-то шаг и своей волею*) за свои усилия заслужить Божью помощь. Отметим словосочетание *какой-то шаг* в последнем приведенном примере. Бесспорно, что без труда человека ничего не может получиться, однако сам этот труд в сравнении с Божьей помощью ничтожно мал: вклад человека в успех его собственного дела характеризуется митрополитом Вениамином при помощи существительного *шаг*, определением которого в данном случае становится неопределенное местоимение *какой-то*. Таким образом, по Вениамину Федченкову, все усилия человека, предпринимаемые им в рамках его дела, являются лишь небольшой каплей, без которой, однако, ни одна деятельность не может осуществляться.

Обратимся к следующим примерам (подчеркиванием выделен курсив автора дневника, полужирный шрифт – мой – *А.П.*): *И все, что делаете (опять повторяет апостол), **делайте от души, как для Господа**, а не для человеков, зная, что в воздаяние от Господа получите наследие, ибо вы служите Господу Христу (Федченков 2008: 499); *То есть не нужно думать: как то или иное отразится на других (например, соблазн), но прежде о себе позаботиться, чтобы сделать по совести (Федченков 2008: 291); *Делая добро, да не унываем, ибо в свое время пожнем, если не ослабеем* (Федченков 2008: 219). Заметим, что приведенные контексты поднимают вопрос о том, как сам человек должен относиться к своей деятельности. Такие устойчивые в русском языке характеристики, как *от души* и *по совести*, конечно, могут употребляться в значении качественного выполнения чего-либо, однако в данном контексте, как представляется, они имеют по большей части нравственный подтекст. Скорее важен не столько конечный результат (качество сделанного), сколько отноше-**

ние человека к самому процессу деятельности: что бы он ни делал, необходимо исполнять это с желанием сделать как можно лучше, ценно само стремление сделать что-либо исходя из своих максимальных возможностей. Таким образом, по Вениамину (Федченкову), одним из элементов, составляющих деятельность человека как ценность, является интенция личности задействовать в процессе труда все свои силы. Другими словами, желание делать свое дело как можно лучше предстает некоей одухотворяющей силой.

Такой же интенцией предстает и установка на деятельность без уныния. Предшествующий императиву *да не унываем*, который так же определяет отношение человека к выполнению своего дела, как выше проанализированные характеристики *по совести* и *от души*, деепричастный оборот *делая добро* в очередной раз подчеркивает идею того, что правильно выбранная деятельность (бесспорно, несущая в мир добро) требует от личности больших нравственных сил. В частности, побеждать в себе такое греховное состояние, как уныние, которое нередко может вызываться либо непониманием, либо неприятием деятельности человека с точки зрения общества (например, атеистическая обстановка в СССР). В данном примере важно и представление о результате подобной деятельности: обещание *в свое время пожнем*, т.е. получим вознаграждение, дается сквозь призму очень важной оговорки: *если не ослабеет*. С одной стороны, такая оговорка снова подчеркивает необходимость затраты больших сил, итогом чего может служить факт ослабления, с другой стороны, она привносит оттенок необязательности получения вознаграждения (союз *если* вносит идею наличия определенных условий для получения результата, подчеркивается его возможность, но отнюдь не обязательность).

Однако встретились в текстах дневников митрополита Вениамина и другие примеры. Рассмотрим их (подчеркиванием выделен курсив автора дневников, полужирный шрифт – мой – **А.П.**): *Не еже бо хоуу доброе, сие творю; а еже не хоуу злое, сие содеваю* (Рим. 7, 19)

(Федченков 2008: 14); *И знаешь, а делаешь наоборот... А после и думать не хочется... Хочется забыть...* (Федченков 2008: 433). В первом контексте правильное (доброе) дело характеризуется «от противоположного», т.е. как незлое. Иными словами, чтобы выбрать верную сферу деятельности, достаточно не иметь интенцию к злу. Такое при помощи цитаты из Писания постулирует митрополит Вениамин в самом начале исследуемых дневниковых записей. Однако почти в самом конце появляется другая запись: *и знаешь, а делаешь наоборот...* Если в первом приведенном примере не желать зла фактически значит делать добро, то во втором примере такое действие представляется как недостаточное, потому что появляется фактор, выраженный словами *делаешь наоборот*. Так, если целью своих действий человек не ставит нечто злое, это вовсе не гарантирует, что он будет делать доброе, т.е. правильное дело.

Целесообразным представляется перейти к рассмотрению группы примеров, в которых митрополит Вениамин затрагивает вопрос о возможных результатах деятельности. Обратимся к следующим контекстам (подчеркиванием выделен курсив автора дневника – *А.П.*): *Трудящемуся земледельцу первому должно вкусить от плодов* (Апостол) (Федченков 2008: 477); *За малые же дела, тобою сделанные, воздает Он тебе великим* (Исаак Сирин) (Федченков 2008: 323); *Каждый получит от Господа по мере добра, которое он сделал, раб ли или свободный* (Еф. гл. 5, 6) (Федченков 2008: 204). Приведенные примеры иллюстрируют варианты положительного результата деятельности человека. Первое, что необходимо отметить, – это наличие справедливого воздаяния за труды (*трудящемуся – первому вкусить от плодов*). Однако подчеркивается и тот факт, что большое вознаграждение от Бога ждет человека и за небольшие его труды, что выражается при помощи оппозиции *малые дела – великое воздаяние*. Кроме того, важно объединяющее начало труда: воздаяние за правильную деятельность одинаково получит и *раб*, и *свободный*. Таким образом, деятельность дает возможность человеку реализоваться как

личности, потому что обладает способностью нивелировать какие-либо социальные различия людей, при этом помещая на первый план само дело и то, как та или иная личность его выполняет.

Обратимся далее к следующим примерам (полужирный шрифт мой – **А.П.**): *Кто же по естеству и душевно, то есть смысленно и разумно **живет и действует**, – почему и называется средним, – тот по своей мер, и видит, и обсуждает и то, что его касается, и то, что касается подобных ему* (свв. Каллист и Игнатий Ксанфопулы) (Федченков 2008: 342); *Все, что чуждо пристрастия и всякой нечистоты и **делается** единственно для Бога, а не ради иного чего-нибудь, **вменится нам в благое**, хотя бы оно и **не совсем было благо*** (св. Иоанн Лествичник) (Федченков 2008: 372). В первом контексте деятельность помещается на одну ступень с самой жизнью человека, которая априори является одной из самых важных ценностей человечества. Определенная деятельность, характеризующаяся как нечто *разумное*, проводимое *по естеству и душевно*, позволяет человеку правильно видеть и оценивать (*обсуждать*) себя и окружающий его мир. Так, деятельность вновь характеризуется как ценность высшего порядка, позволяющая личности правильно ориентироваться в тех обстоятельствах, в которых она вынуждена пребывать.

Кроме того, в последнем примере затронута сложная природа положительного результата путем отрицания: *благое, хотя бы оно и не совсем было благо*. Очевидно, речь идет о том, что степень положительности результата той или иной деятельности сложно представить в однозначном виде: лексические единицы *благое* и *благо* в данном контексте не тождественны по семантике точно так же, как результат, кажущийся человеку негативным (*не совсем благо*), может в действительности быть положительным (*благим*). Так, сложная природа результата деятельности вкупе с нередкой человеческой неспособностью верно оценить итоги своего труда приводит к тому, что часто положительный результат предстает как неудовлетворительный.

Обратимся к анализу следующих примеров: *Которые же самонадеянно и самовольно действуют, эти и вреду удобно подвергаются* (св. Григорий Синаит) (Федченков 2008: 346); *Кто плотски и противоестественно живет и действует, тот совсем потерял свою рассудительность* (Свв. Каллист и Игнатий Ксанфопулы) (Федченков 2008: 341). В данных примерах прослеживается связь деятельности человека с его состоянием. Неправильная деятельность способна привести к несчастью самого деятеля. Подобно тому, как правильное дело становится проводником добра в мир, так и неверно осуществляемая деятельность, способная принести в жизнь человека, прежде всего самого деятеля, злое начало (*вред*). Деятельность человека также становится своего рода зеркалом, в котором отражаются ментальные способности человека: потерявший свою рассудительность в делах своих противоестественен.

В дневниках митрополита Вениамина (Федченкова) встретились и такие цитаты из «Добротолюбия», в которых значение деятельности оказалось нивелированным на фоне других ценностей – смирения и сохранения целостности личности. Рассмотрим эти случаи (подчеркиванием выделен курсив автора дневников, полужирный шрифт – мой – *А.П.*): *Бог судит о покаянии не по мере трудов, а по мере смирения* (Св. Иоанн Лествичник) (Федченков 2008: 373); *Всякое дело, которое вы делаете, – велико ли оно или мало, – есть осьмая часть искомого; а сохранить свое устройство, если и случится от сего не исполнить дела, есть семь осьмых* (Авва Дорофей) (Федченков 2008: 355). Приведенные цитаты не представляются противоречием всему вышесказанному о деятельности как важнейшей ценности. Однако подчеркивается наличие обстоятельств, при которых деятельность выступает в качестве второстепенного элемента жизни человека. В первом примере речь идет о покаянии, в котором смирение, бесспорно, играет более важное значение, чем трудовая деятельность человека (скорее даже наоборот, некоторые дела способны вызывать у человека чувства, выступающие антиподом сми-

рения, – тщеславие и гордость). Во втором примере деятельность уступает по важности ценности самой человеческой личности: *сохранить себя (свое устройство)* важнее, чем иметь способность действовать, поскольку в противном случае не будет самого деятеля. Так, человек должен заниматься такой деятельностью, которая не ломает его как личность.

Немаловажна периферийная группа примеров, в которых лексема *дело* фигурирует как синоним существительного *ситуация*. С одной стороны, прямого отношения к рефлексиям автора о деятельности как ценности они либо не имеют вовсе, либо имеют лишь отчасти, однако с другой – само повторение лексической единицы *дело (действие)* в контексте изучаемых дневников поддерживает особую атмосферу трепетного отношения Вениамина (Федченкова) к возможности человека активно действовать. Рассмотрим некоторые примеры из этой группы (подчеркиванием выделен курсив автора дневника, полужирный шрифт – мой – **А.П.**): *Часто иной, разглагольствуя об истине от невежества своего, говорит одно вместо другого, не умея сказать правильно, как дело есть (по истине), и тем приводит в ужас слушающих, а на безмолвников наводит поношение и смех неразумным своим **действием*** (Св. Григорий Синаит) (Федченков 2008: 343); *Пользуйся таким советчиком, который, все испытав сам, умеет в терпении обсудить, что требует рассуждения **и в твоём деле**, и верно может указать истинно тебе полезное* (Св. Исаак Сирий) (Федченков 2008: 318); *Он кое в чем сознался, но в основном считает, что он жертва (встарь «козел отпущения») **во всем деле*** (Федченков 2008: 493). В приведенных фрагментах только существительное *действие* имеет прямое отношение к рефлексии о деятельности, тогда как сочетания *как дело есть* и *во всем деле* подразумевают ситуацию, некоторые обстоятельства или, другими словами, **положение** дел. Но в текстовом пространстве дневников митрополита Вениамина символичен сам выбор лексемы *дело* вместо слова *ситуация*. Это в очередной раз служит

некоторым проявлением, высвечиванием в тексте одной из важных волнующих автора данных дневников проблем.

Совсем немногочисленными, но представляющимися тем более ценными, являются такие примеры, в которых Вениамин (Федченков) прямо называет свою собственную деятельность при помощи глаголов *проповедовать*, *служить* и *молиться* (полужирный шрифт – мой – **А.П.**): *Как бы ни проповедовать Христа, лишь бы проповедовать* (Федченков 2008: 286); *И ныне служил. День Иоанна Златоуста. Молиться, молиться нужно...* (Федченков 2008: 502); *Христианин не только спасает самого себя, но и служит другим* (Федченков 2008: 518). Приведенные примеры в исследуемых дневниках занимают крайне важное место. В контексте абстрактных рассуждений автора о деятельности человека как ценности такие фрагменты попадают на периферию по причине их конкретности. Однако эти же примеры, как представляется, целесообразно рассматривать и как выводные, подводящие итог всем предшествующим абстрактным рефлексиям. Так, под прикрытием размышлений о деятельности вообще Вениамин (Федченков), как автор дневника, очевидно, прежде всего пишет о ценности его собственной деятельности. Называть свое дело прямым наименованием по многим причинам нелегко. Чем большую ценность для человека представляет то, о чем он говорит, тем меньше вероятность того, что он использует для обозначения этого прямое наименование. Предмет разговора (в частности, разговора с самим собой на страницах дневника) наделяется определенной сакральностью. Рассуждения и переживания автора по поводу самой возможности активной или хотя бы пассивной деятельности становятся тем более ценными, чем более скрыто они подаются. В подобной скрытности в диалоге с собой проявляется бережное, трепетное отношение митрополита Вениамина к выбранному им виду деятельности.

Однако к записям, сделанным Вениамином (Федченковым) после возвращения в Россию, применимы и другие объяснения: любые

тексты, включая личные, могли быть прочитаны посторонними людьми, наделенными определенными полномочиями. Поскольку проповедование в современной Федченкову России было деятельностью нежелательной, любые личные документы, в которых бы постулировалась ценность религиозного служения, могли свидетельствовать против их автора. Но стоит отметить тот факт, что два из трех приведенных фрагментов встретились в конце дневниковых записей, что выводит на первый план их трактовку как итога для абстрактных рефлексий о деятельности как ценности.

Так, языковой материал исследуемых дневников иллюстрирует тот факт, что для их автора одной из наивысших человеческих ценностей являлась возможность действовать. Рефлексии митрополита Вениамина касательно активности/пассивности возможной деятельности, безусловно, предстают отражением тех сложных жизненных обстоятельств, в которых он нередко фактически лишался возможности всякой деятельности вообще. Нередко аксиологические приоритеты той или иной личности складываются исходя из дефицита определенных возможностей или благ. Вениамин (Федченков) одной из главных ценностей видел способность человека к деятельности, возможность личности делать свое дело.

Использованная литература:

Митрополит Вениамин (Федченков). Дневники 1926–1948 гг. – М.: Правило веры, 2008. – 592 с.

Русская грамматика. / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – В 2 т. – М.: Наука, 1980. – Т. 1. – 789 с.

Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: «Норинт», 2008. – 1536 с.

Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Толковый словарь современного русского языка. М.: Эксмо, 2011. – 928 с.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М., 2010. – 874 с.

Р.Ю. Просветов,

*член рабочей группы при научно-редакционном совете
по изданию документов Поместного Собора 1917–1918 гг.*

**Участие митрополита Вениамина (Федченкова)
в Поместном Соборе в Москве в 1945 г.
и его впечатления от поездки в СССР**

В декабре 1944 г. патриарший экзарх в Америке митрополит Вениамин (Федченков) получил приглашение принять участие в Поместном Соборе Русской Православной Церкви. Собор был созван для избрания нового патриарха вместо почившего 15 мая 1944 г. патриарха Сергия и проходил в Москве с 31 января по 2 февраля 1945 г.

8 января 1945 г. митрополит Вениамин вылетел из Нью-Йорка в Сизэтл¹, 15 января посетил город Фербенкс на Аляске, «где ему был устроен ужин»², а уже на следующий день вылетел самолетом в СССР. Путь митрополита лежал через Чукотку в Сибирь и далее на Москву. В Москву он прибыл 20 января 1945 г.³ До начала Собора оставалось 11 дней.

Впервые за долгие годы митрополит Вениамин посетил Родину. Он много ходил по Москве и ездил на трамвае, наблюдал за людьми, разговаривал с ними⁴. Навещал своих старых знакомых по академии, передавал подарки родственникам своих духовных чад из Америки. Встретился митрополит в Москве и со своей родной сестрой Надеждой. «В тот приезд Вениамин и в самом деле много где побывал, – вспоминает в своей автобиографической повести

¹ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 64. Л. 14–15.

² Там же. Л. 21.

³ Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР. 1945–1970 гг. М., Росспэн, 2009–2010. Т. 1. С. 39.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 7. Д. 27. Л. 7.

«Верую!» советский писатель Леонид Пантелеев. – В том числе был и на Чкаловской у Маршака. Самуил Яковлевич рассказывал о нем с восторгом; образованный, умница, с юмором... Рассказал мне Самуил Яковлевич и о том, что, когда он провожал митрополита, во двор из всех подъездов сбегались женщины, подходили к владыке и просили благословения <...> Митрополит Вениамин расспрашивал тогда у Самуила Яковлевича о многом и о многих»¹. Был владыка и в доме у самого Пантелеева, однако его не застал. По-видимому, встречался он и с писателем В. Б. Шкловским, а также многими другими представителями «советской интеллигенции». Со многими из них у него в дальнейшем завязалась дружеская переписка.

Участие в Поместном Соборе для владыки стало весьма значимым и знаковым событием. Приветствуя участников и гостей Собора перед его открытием, Местоблюститель Патриаршего престола митрополит Алексей (Симанский) особо отметил «возлюбленного экзарха нашей Патриархии в Америке Преосвященного митрополита Северо-Американского и Алеутского Вениамина, который, независимо от своих архипастырских тяжелых трудов в далекой стране, высоко держит знамя русского патриота, везде и всюду своими пламенными речами и выступлениями зажигая любовью к Родине сердца многочисленных наших соотечественников, находящихся в Америке, вдали от дорогого им Отечества»².

Поместный Собор общей численностью в 171 человек выглядел весьма представительным. На нем присутствовало восемь патриархов, были представлены все главные восточные патриархаты. Пе-

¹ *Пантелеев Л.* Я верую! (Главы из автобиографической книги) // (Электронный ресурс) : Сайт Свято-Филаретовского института. – Электрон. дан. – Режим доступа : http://archive.sfi.ru/lib.asp?rubr_id=835, свободный.

² Журнал Московской Патриархии. 1945. № 2. С. 36.

речисляя в письме к митрополиту Сергию (Тихомирову)¹ различных гостей и представителей Поместных Церквей на Соборе, владыка писал: «Видите, почти Вселенский Собор. Нечто небывалое в истории вообще, а в Москве – впервые! Разве это не знамение?! Разве это не исполнение уже древнего нашего предсказания: «Москва – третий Рим»? Это мы видели воочию! Москва сделалась центром Православия. А что еще будет дальше?! Я ожидаю великих последствий»². Великих последствий от Собора ожидал не только митрополит Вениамин. Собор казался началом всеобщего объединения православного мира. Военно-политическая мощь Советского Союза и внимание правительства к интересам Московской Патриархии давали надежду на то, что Русская Православная Церковь, «находясь в своем старом величии», сможет объединить православных Востока и Балкан под неким «верховным покровительством».

По свидетельству митрополита, в Москве он по-иному взглянул на советское правительство. «Впервые, после 28 лет отсутствия, – вспоминал он, – проснувшись в Москве, стал я молиться. Было еще темное утро. Перед моими взорами стоял в сумраке Кремль. Прочитав обычные молитвы, я вдруг без всяких мыслей почувствовал в душе беспокойство. И постепенно всплыла мысль: «Ты – епископ! Ты должен не за себя лишь молиться, а и за других, ибо ты пред-

¹ Сергей (Тихомиров Сергей Алексеевич); (1871–1945), митрополит. Окончил Новгородскую духовную семинарию. В 1892 г. поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию. В 1896 г. пострижен в монашество и рукоположен в сан иеромонаха. В 1896 г. окончил духовную академию и назначен инспектором Санкт-Петербургской духовной семинарии, в 1899 г. возведен в сан архимандрита и определен ректором Санкт-Петербургской духовной семинарии. В 1905 г. удостоен ученой степени магистра богословия и назначен ректором Санкт-Петербургской духовной академии. В 1905 г. – хиротонисан в епископа Ямбургского, викария Санкт-Петербургской епархии. С 1908 г. – епископ Киотосский и помощник начальника Российской духовной миссии в Японии. С 1912 г. – епископ Токийский и Японский и начальник Российской духовной миссии в Японии. С 1921 г. – архиепископ. Помогал многим русским беженцам. В 1927 г. согласился дать подписку о лояльности советской власти. С 1931 г. – митрополит. С 1940 г. – на покое. В 1944 г. принял советское гражданство и выразил желание вернуться на родину. В 1945 г. был арестован японскими властями по подозрению в шпионаже в пользу СССР. Умер вскоре после освобождения.

² ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 64. Л. 96.

ставитель, посредник перед Богом». Тогда я стал молиться за будущего Патриарха и за многих других лиц. Стало спокойнее на сердце ... «И это еще не все», – говорит опять в душе тайный голос. Что же такое? За кого еще? И мой взор остановился на Кремлевских дворцах: – «И за этих молись!» И я стал молиться за раба Божия Иосифа Сталина и других. И понял тогда я: «Мы – одна семья. И тогда стало тихо и сладко, радостно в сердце моем. Я понимаю слова апостола Павла: «Это хорошо и угодно Спасителю нашему Богу» (I Тим. 2:3)¹. То есть здесь митрополит Вениамин говорит о христианском отношении к власти: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению» (Рим. 13:11)².

Искреннюю молитву русского православного митрополита за безбожника Сталина трудно принять тем, кто проклинал и проклинает до сих пор диктатора. Не случайно, что и самого владыку записали в «красные архиереи». Однако стоит все же отметить, что в своем почитании Сталина митрополит Вениамин был намного умеренней своих собратьев-иерархов, которые в «некоронованном императоре» узрели не «Нового Нерона», а «Нового Константина»³. Внимание советского правительства к Русской Православной Церкви, а также хорошая организация Поместного Собора с приглашением на него гостей со всего мира вселяло в русских иерархов искренние надежды на укрепление Православия и примирение с государственной властью. Сталин в тот момент рассматривался чуть ли не как покровитель Церкви. Тем более что олицетворял он не только власть, но и

¹ Там же. Оп. 7. Д. 27. Л. 160–161.

² Подробнее см.: *Просветов Р. Ю.* Митрополит Вениамин (Федченков) о христианском отношении к власти // *Материалы межрегиональной научно-практической конференции: «Роль Русской Православной Церкви, общества и государства в сохранении исторической памяти о новомучениках, исповедниках и жертвах репрессий».* Пенза, 2014.

³ См.: *Никитин В.А.* Патриарх Алексий I: Служитель Церкви и Отечества. М., 2013. С. 301.

сам Советский Союз, противостоящий фашизму, борющийся с мировым злом.

В эти дни своего пребывания в Москве митрополит Вениамин принимал участие во всех заседаниях и торжественных соборных богослужениях. Автор хроники соборных дней так описывал богослужение, которое совершалось на следующий день после интронизации Святейшего Патриарха Алексия: «Необычная обстановка, необычный состав молящихся создают торжественное, благоговейное настроение у всех присутствующих на богослужении. Поют все члены Собора, вкладывая всю душу в простые напевы богослужebных песнопений. Мешает несколько нестройность пения этого мощного импровизированного хора. Но, когда во главе его неожиданно появился митрополит Вениамин, пение сразу налаживается под его опытным руководством и звучит стройно, молитвенно, торжественно»¹.

На Соборе митрополит Вениамин выступил с обширной речью, в которой осудил позицию Католической Церкви и, в особенности, послание папы Пия XII, в котором тот призывал быть милосерднее к поверженному врагу в лице фашистской Германии. В этой позиции римского престола владыка видел скрытую борьбу против Советского Союза, против России. В четвертом номере «Журнала Московской Патриархии» за 1945 г. была опубликована его статья «О Римско-Католической Церкви», в которой он писал: «На сей раз Соборный разум наш остановился на странном поведении Римско-Католической Церкви; в то время, когда почти все человечество вооружилось против виновников страшных войн, Римско-Католическая Церковь явно или откровенно защищала и защищает их. Кто же не знает, что она поддерживала и покрывала их и в Италии, и в Испании, и среди католических славян, и в Латинской Южной Америке?! Кто не знает ныне, что она действовала и доселе действует в том же духе и среди католиков Северной Америки и Канады, хотя иногда и

¹ Журнал Московской Патриархии. 1945. № 2. С. 82.

сокровенно?! Кто не замечает агрессивного направления Римско-Католической Церкви вообще? В последнее же время она стала звать к «братолюбию», стремясь вызвать чувство жалости к тем народам, которых ждет скорое поражение, в частности, к немцам. <...> Вопросы войны и мира пусть предоставит (Римско-Католическая Церковь), как и мы, православные, решать светским властям. Нам же всем следует лишь молиться о скорейшем конце войны и даровании победы над врагами. Если же кто желает помочь им и духовно, то пусть всемерно располагает их, если может, к сознанию совершенных ими величайших преступлений и к смиренному раскаянию. Тогда и прочее человечество примет их снова в свою семью, забывая даже собственные страдания и раны, от них полученные. Так и поступают советские народы с теми, кто прежде воевал против них. И тогда сбудутся слова Апостола: «Всех заключил Бог в непослушание, чтобы всех помиловать!.. Непостижимы судьбы Его, и неисследимы пути Его!» (Рим. 11, 32-33)»¹.

В итоге в обращении участников Поместного Собора, принятом 6 февраля 1945 г., решительно отвергалось предложение Папы о «мягком мире» для Германии, скорое поражение которой к тому времени стало очевидным². Кроме того, Собор осудил фашизм как антихристианскую доктрину. И это постановление Собора, принятое всей полнотой Церкви, до сих пор никто не отменял.

После окончания Собора по приглашению архиепископа Ленинградского и Новгородского Григория (Чукова) митрополит Вениамин с 22 по 27 февраля 1945 г. совершил поездку в Ленинград³. Он писал об этом: «Я был там дней пять и видел этот город-герой, как называют его здесь по справедливости. Ходил возле бывшего Сино-

¹ *Вениамин (Федченков), митр.* О Римско-Католической Церкви // Журнал Московской Патриархии. 1945, № 4. С. 7, 9–10.

² *Болотов С.В.* Русская Православная Церковь и международная политика СССР в 1930–1950-е годы. М., 2011. С. 128.

³ *Александрова-Чукова Л.К.* Митрополит Григорий (Чуков): служение и труды // СПб. Епархиальные ведомости. 2007. Вып. 34. С. 108–109.

да, (собора) Исаакия, адмиралтейства, Александровской колонны. Исаакий закрыт, все окна разбиты от бомб, но сам не ранен. Казанский (собор) цел вполне, и лишь нет иконостаса. Но скоро будет восстановлено служение и в нем. Наша святая Лавра значительно разбита, но не чрезмерно. Намечается восстановление служения частично и там. Березки, которые при нас с вами, – пишет он митрополиту Сергию (Тихомирову), – были маленькими (шли они от Благовещенской церкви мимо собора к «Исидоровской» церкви) – теперь стали большими, точно из девочек выросли во взрослых девушек. Здания запущены, но во время войны не до красоты было, конечно! Теперь в городских планах намечены ремонты и многих храмов и, в частности, Лавры. Предполагается открыть возле Духовской церкви Богословско-пастырские курсы»¹.

Кроме Москвы и Ленинграда, митрополит Вениамин побывал в Калуге, Петергофе и многих других местах. В Советском Союзе он имел возможность видеть воочию возрождение церковной жизни, наблюдать свободно молящихся в храмах православных людей. Об этом он пишет в статье «Мои впечатления о России», которая была опубликована в мартовском номере «Журнала Московской Патриархии» за 1945 г. И в то же время владыка не мог не встретиться с людьми вполне советскими, убежденными атеистами. О таком знакомстве в железнодорожном вагоне по пути из Москвы в Красноярск он напишет в своих «Беседах в вагоне»². Главными темами этих бесед, ставших уже привычными для митрополита, были две: «Какая может быть польза Советскому Союзу от религии вообще и от Православной Церкви в частности?» и «Как вы, интеллигентный человек, можете веровать?»

В результате своих наблюдений, бесед с людьми, случайных встреч на улице митрополит Вениамин пришел к выводу, что он

¹ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 64. Л. 96.

² Вениамин (Федченков), митр. Беседы в вагоне. На пути из Москвы в Америку. // «А сердце говорит мне: верь!» М.: «Правило веры», 2004. С. 139.

здесь нужен, что Родине необходима христианская проповедь. Владыка чувствовал тот духовный голод, который царил в России: «жатвы много, а делателей мало» (Мф. 9, 37). Все это не могло его не волновать. В уже цитированном ранее письме, которое было написано 8 марта 1945 г. в Красноярске, митрополит Вениамин, как будто выражая собственное желание, обращается к митрополиту Сергию (Тихомирову), находящемуся в Японии, с призывом возвращаться на Родину: «Нужно вам возвращаться домой, в Отечество! Не по своей воле, а вопреки Вашему желанию, Вы отставлены от своей японской паствы¹. Печально это Вам, но раз не по нашей воле случается что-нибудь, то нас научили отцы смотреть на это, как на промысел Божий, «глубиною мудрости человеколюбия вся строяй и полезное всем подавай» (Панихида, тропарь, глас 8-й) <...> Лично о Вас я, например, думаю, как бы Вы были нужны в сношениях с инославными, а особенно с англо-саксонскими народами при своем прекрасном знании английского языка! Как бы Вы мудро и с присущим Вам тактом правили каким-либо важным церковным центром! Каким бы Вы были помощником Святейшему в качестве члена Свящ(енного) Синода! Не оставили бы Вы, конечно, попечением и своей любимой паствы японской, подобно тому, как блаженный митрополит американский Иннокентий (Вениаминов) продолжал свои заботы о возлюбленной пастве своей и на престоле Московской митрополии. А кто знает: не больше ли бы Вы сделали для нее, будучи в России, чем обслуживая оставшихся русских в Японии?

¹ 4 сентября 1940 года митрополит Сергей (Тихомиров) под давлением японских властей, запретивших неяпонцам возглавлять религиозные организации, вынужден был уйти на покой, передав временное управление делами Церкви мирянину Арсению Ивасава, пользовавшемуся доверием военных кругов Японии. Митрополит был выселен из резиденции при Токийском соборе и поселился в маленькой квартире в пригороде Токио, где продолжал совершать службы для горстки русских и японских верующих. В мае 1945 г. он был арестован по подозрению в шпионаже в пользу СССР. Через 40 дней отпущен на свободу, однако здоровье его было окончательно подорвано. 10 августа 1945 г. митрополит Сергей (Тихомиров) скончался. Похоронен в Токио на кладбище Янака рядом с архиепископом Николаем (Касаткиным).

А если бы Вы знали, какое счастье служить Православной Церкви и вообще всему русскому народу в Отечестве!

Конечно, мы и за границей знали, что такое русский народ, о котором мы тоскуем вне Родины. Но когда я лично встретился с ним и по пути через Чукотку – Сибирь и в Москве, и в Ленинграде, то я был умилен до глубины души! Какая вера, какая сердечность, какое смирение, какая ласка, какая простота души!

Я не знаю Вашей японской паствы, но зато я объездил почти весь свет (Англию, Францию, Германию, Австрию, все славянские страны – кроме Польши, Грецию, Турцию, Америку, Канаду и др.) и скажу без колебаний: другого такого народа, как русский, нет на свете! Какая радость иметь общение с ним! А какая жертвенность в защите Отечества! Только один русский народ мог выдержать эту колоссальную войну и победить врагов! Только один Ленинград мог вынести невероятно тяжелую блокаду от зверей немцев, с голодом, холодом, без света, без воды, при непрестающей бомбардировке»¹.

С такими чувствами и настроениями прибыл американский экзарх обратно в Соединенные Штаты. В одном из своих интервью по возвращении из СССР он признавал: «Жизнь в России очень трудная. Каждый, включая Церковь, должен соблюдать дисциплину. Мы стараемся быть достойными нашего места. Когда Вы будете писать, помните, что не трудности являются главным, а дух. Дух же русского народа не поддается описанию»². И несколько раз повторил: «Еще и еще раз я спрашивал себя – является ли Церковь достойной этого народа?»³ Помня недавние склоки и расколы в эмигрантской среде, он желал видеть больше духовного пламени в среде русских архипастырей и пастырей на Родине. Упомянув о том же письме к митрополиту Сергию (Тихомирову), что среди новых епи-

¹ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 64. Л. 95.

² Там же. Л. 46.

³ Там же. Л. 45.

скопов в России немало бывших «обновленцев», и чая возрождения Русской Церкви, владыка писал: «Что же касается «духа», то (если говорить правду) мне лично хотелось бы больше пламени. Есть разные святители. Но не буду смел в обобщениях, можно и обмануться»¹.

Сам владыка давно стремился послужить своей Церкви на Родине. Еще до Собора и поддержки Церкви со стороны правительства, в 1940 г. через Нью-Йоркское советское консульство он подавал ходатайство о советском гражданстве, которое получил только 30 июня 1945 г.² В письме председателю Совета по делам Русской Православной Церкви Г. Г. Карпову митрополит Вениамин писал 8 марта 1945 г.: «О возвращении на Родину (если не выберут в Америку) остаюсь при прежнем желании. Но представляю это на воле Божией – через Патриарха, Синод и русский православный народ. Я готов жить, где угодно. Не ищущего, кроме Родины и Матери Церкви. А Ваше дело – сказать свое слово, если это будет угодно Вам»³.

Владыка возвратился на Родину в 1948 году. Здесь он поочередно возглавлял Рижскую⁴, Ростовскую и Саратовскую кафедры. В 1958 году митрополит Вениамин удалился на покой в Псково-Печерский мужской монастырь, где через три года почил, оставив нам свое богатое духовное наследие и образ для подражания в верности и служению Церкви. По слову апостола Павла, «поминайте наставников ваших, которые проповедовали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их» (Евр. 13:7).

¹ Там же. Оп. 1. Д. 64. Л. 97.

² Там же. Ф. 7523. Оп. 59. Д. 222. Л. 3.

³ Там же. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 76. Л. 43–43 об. Подлинник. Подпись автограф.

⁴ О служении митр. Вениамина в Советском Союзе см.: *Седова Г.В., Просветов Р.Ю.* Служение митрополита Вениамина (Федченкова) в Латвии в 1948–1951 гг. // Вестник ПСТГУ. II: История Русской Православной Церкви. Вып. 3 (58) 2014. С. 82–105; *Просветов Р.Ю.* Взаимоотношения епископа и власти в Советском Союзе на примере служения митрополита Вениамина (Федченкова) в 1948–1958 гг. // Вестник ТГУ им. Г.Р. Державина. Серия: Гуманитарные науки. 2014. Вып. 3 (131). С. 167–176.

Д.Л. Овчаренко,
бакалавр теологии,
магистр историко-религиоведческого образования
(Ростов-на-Дону)

Служение митрополита Вениамина (Федченкова) на Ростовской кафедре

С 1951 по 1955 годы Ростовскую епархию возглавлял удивительный человек – митрополит Вениамин (Федченков). Это известный и глубоко почитаемый в Русской Православной Церкви святой. Трагические события революции вынудили владыку покинуть Отечество и окормлять церковные общины, созданные русскими беженцами в Турции, Болгарии, Греции и Сербии. В 1933 году указом митрополита Сергия (Страгородского) владыка Вениамин был назначен архиепископом Алеутским и Северо-Американским с оставлением экзархом Московской Патриархии в Америке. В начале 1945 года после 25 лет изгнанничества митрополит Вениамин вновь вступил на родную землю. В марте 1951 года митрополит Вениамин был переведен на Ростовскую кафедру, где пробыл до конца 1955 года. В эти годы он особенно сблизился со святым Лукой, архиепископом Симферопольским и Крымским.

Источники, касающиеся служения владыки Вениамина, которые нам удалось найти, датированы 1953–1955 годами. Они свидетельствуют, что на родной земле владыке пришлось перенести много скорбей от недоброжелателей. Возвращение владыки из-за границы вселяло в сердца малообразованных или подозрительных священников и прихожан недоверие к нему. Его глубокое богословское образование, его проповеди, которые митрополит Вениамин говорил всегда без каких-либо предварительных записей, его любовь и поддержка духовного просвещения на Дону и стремление привлечь к служению и поддержать высокообразованных священников вызывали за-

висть у некоторых членов Церкви. Его благотворительность и миролюбие вызывали глухое раздражение.

За спиной владыки в епархии складывались враждебные группы, которые ставили своей целью любой ценой добиться его смещения с кафедры. Недоброжелатели писали жалобы в разные инстанции, как светские, так и церковные. Так, к примеру, Патриарху Алексию I писали жалобы о якобы имеющих место со стороны митрополита Вениамина злоупотреблениях финансового характера¹.

А «злоупотребления» со стороны владыки действительно были. Так, например, уполномоченному совету по делам религий при Совете министров СССР по Ростовской области тов. Усанову пришлось консультироваться с заведующим инструкторским отделом тов. Ивановым, имеет ли право митрополит своей властью выдавать безвозмездную помощь из общественных денег по личной просьбе граждан? Имеет ли митрополит право своим распоряжением выплачивать некоторым священникам ежемесячную дотацию за счет епархиальных средств?²

Владыке ставили в вину не только его милосердие, но и миролюбие. Например, то, что он своим авторитетом защищал «вора» и «плута» – священника Александро-Невского храма г. Ростова (будто бы провинившегося в каких-то финансовых махинациях и уволившего из церковного хора некую Аркадьеву). Разозленная женщина, ни мало не смущаясь того, что пишет владыке, написала резкое письмо, в котором называла покровительство владыки «грубо сфабрикованным и иезуитским»³.

Были серьезные попытки сместить владыку, обвинив его в нарушении советского законодательства. Якобы в крестном ходе вокруг собора участвовали девочки школьного возраста, что было запрещено. Митрополиту Вениамину пришлось оправдываться перед

¹ ГАРО. Ф. 4173. Оп. 4. Д. 3. Л. 33.

² Там же. Д. 6. Лл. 107–108.

³ Там же. Д. 4. Л. 37.

уполномоченным, давая подробные разъяснения. Владыку Вениамина в кляузах называли «проамериканским», «пробендеровским», «фашиствующим», находили много других эпитетов, призванных привлечь к митрополиту пристальное внимание соответствующих органов.

Недоброжелатели владыки Вениамина пользовались бесчестными способами, направляя полные клеветы и злобных домыслов анонимки в адрес государственных лиц. Так, на имя председателя совета уполномоченных по делам религий при Совете министров СССР Г.Г. Карпова была направлена кляуза, в которой владыка был назван «уродом» в семье и «серым волком» в овчарне, «позорищем, отжившим и выжившим из ума» и т.п. В анонимке владыке приписывались гнусные выходки в храме, не подобающие для пастыря и вообще христианина, речи, антисоветская пропаганда и т.д.

Эта бумага не осталась незамеченной органами, и по доносу начались выяснения. В совете по делам РПЦ при Совете министров СССР заинтересовались ближайшим окружением владыки. Благодаря сохранившимся документам мы можем узнать имена близких к митрополиту Вениамину людей.

Сохранились сведения о следующих людях, проживавших вместе с владыкой в Новочеркасске:

– монахиня Анна (86 лет) – Ольга Обухова. Эмигрировала в 1927 году, прибыла вместе с владыкой из Америки.

– Лучко Юлия Николаевна, повар, ростовчанка.

– Архимандрит Мисаил (Михаил Павлович Введенский), 1865 г.р.

– Священник Порошин Юрий Михайлович, 1924 г. р.

– Священник Голубцов Серафим Александрович, зять митрополита Елевферия Пражского и Чехословацкого. Он был рекомендован на пост секретаря Патриархией.

– Воронцов Алексей Вениаминович, сын митрополита Елевферия Пражского и Чехословацкого, заведующий материальной базой.

– Священник и казначей Кафедрального собора Можаров, 1922 г.р.¹

Но самое главное, что мы можем извлечь из всех сохранившихся документов, – это сведения о том, как владыка Вениамин принимал находящие от Господа испытания. Мы можем увидеть, с каким смирением, человеколюбием, терпением и мудростью он относился к своим гонителям.

В Ростовском филиале ГАРО сохранилось его письмо – собственноручный ответ одной из духовных чад владыки, примкнувшей к его гонителям и организующей делегации с жалобами на митрополита. Поводом для жалоб послужило закрытие властями Владимирского храма, который, видимо, владыке не удалось отстоять. Это письмо представляет большую ценность и показывает пример истинного христианского незлобия и смирения пред волей Божией. Кроме того, из этого документа можно узнать, как жила Ростовская епархия в эти годы.

«Глубокоуважаемая Ал-ра Павловна! – пишет владыка Вениамин.

Грустно мне, что и преданные, благочестивые друзья не хотят слушаться! Тогда какой же толк в слушании моих проповедей? Какая польза в любви Вашей? НИКАКОЙ! Наоборот! Печально! Ведь для Господа важны Ваши богоугодные дела! А не любовь к пастырям! Не так ли? Зачем она мне?! Неужели же я не хотел бы сохранить церковь? Если бы это было можно! Ведь за четыре года (завтра ровно четыре года) при мне не было закрыто ни одного прихода в епархии! А в предыдущий год (1950) мой предшественник закрыл 18! За отсутствием священников! Ни один из них уже не восстановлен. Не позволяют! Сделайте отсюда вывод: стараюсь ли я о христианской религии? ... Не от меня это зависело. Вам должно быть это ясно! А от нашего правительства! Что же, Вы хотели бы, чтобы я не счи-

¹ Там же. Д. 2. Лл. 107–107 об.

тался с нашим правительством? Значит, вы не истинная христианка! А Слово Божие учит нас почитать всякую власть. В этом (поймите же неразумная!) СПАСЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА! Неужели я меньше Вас понимаю это? Горе, горе! Но главное даже не в этом, а в различных точках зрения. Вам (и Вашим делегаткам) я говорил: важны храмы, ХРАМЫ, а не ХРИСТИАНСТВО. Был при Соломоне величественный храм. Господь разрушил его. При Зоровавеле дозволено было восстановить его. Народ радовался этому, а потом они же распяли Христа. И когда ученики Петр, Иаков, Иоанн и Андрей с ними, сидя на Елеонской горе против храма говорили Ему: «Какие камни, какое здание», Он холодно ответил им: «Все это будет разрушено так, что не останется камня на камне» (Мк. 13:1-5). Так и сбылось: в 70-м году римляне разрушили и второй этот храм. И вот почти две тысячи лет нет у евреев храма: синагоги есть, а храма нет.

А как же христианство раскрылось во всем мире? Началось оно с «горницы» (домашней комнаты) и победило мир... Чем, Благодарью, смирением, нестяжанием и мучениями! А совсем не храмами! «Храм был у них в сердце», как говорит ап. Павел (1 Кор. 6:19). И теперь одно спасение нам: тоже спасение! И, конечно, ни ваши делегатки, ни Вы не хотите понять этого! И, по-видимому, даже не можете! Ибо Духа Божия нет в Вас! У Вас будет сохранена община. Уже найден дом. Отпущены нами средства. Если не хотите – не давайте (Вам же хуже в Царствии Небесном будет). Можно и помолиться, и исповедаться, и причаститься и проч. Вот то-то и беда, что для Вас не ЦАРСТВО БОЖИЕ нужно, в сердце – благодать Св. Духа, а камни храма. Это поведет христианство к гибели! Если можете, поймите это.

...А потом (лучше бы с этого начать) подумайте: неужели без Божией воли все это совершилось? Тысячи храмов уничтожены, семинарии закрыты, печатать негде... Московского храма Спасителя нет. Построили молитвенные дома (одна вторая в

нашей епархии). Нового собора нет. Неужели все это без Божией воли? А как же сказано: «И волос не упадет без Бога?» У Вас он на счету у Господа. (Мф. 10:10). Сам же Господь любит храм больше Вас. Правда ведь? Но Он любит не храмы, а сердце наше. «Сердце сокрушенное и смиренное Бог не уничтожит», – говорит царь Давид (Пс. 50:19).

...И я думаю: вот почему пришло время храмам скрываться. Такова милосердная мудрая Божья воля! ...По всему этому я дал Советской власти согласие, а Вы как хотите?.. Но я теперь держусь христианского мнения: вам нужен храм, а мне, как епископу, дороже ДУХ христианский...»¹.

И все же, не смущаясь козней недоброжелателей, стремящихся парализовать его деятельность, владыка твердой рукой наводил порядок и отстаивал епархиальную жизнь от врагов внешних и внутренних. Сильно беспокоился митрополит Вениамин об оскудении в духовенстве людей, получивших духовное образование. По его выражению, «из-за недостатка семинаристов в священники приходится ставить «простецов» из мирян, не обладающих достаточной подготовкой, чтобы вести службы и совершать требы».[16] В связи с этим владыка дважды (в 1955 году) организовывал в епархии месячные пастырско-богословские курсы. Эти курсы работали в Ростовском епархиальном управлении и были рассчитаны на сельских священников. Занятия проводились путем чтения лекций, собеседований и семинаров по одобренной Его Святейшеством Патриархом Московским и Всея Руси Алексием I программе. Они включали в себя следующие направления обучения:

1. Богословие.
2. Богослужение.
3. Таинства и требы.
4. История Церкви.

¹ Там же. Д. 12. Лл. 3–3 об.

5. Катехизис.
6. Пастырство и проповедничество.
7. Церковно-славянский язык.
8. Положение об управлении РПЦ и главные циркуляры Епархиального управления.
9. Счетоводство в приходе.

Лекции по некоторым предметам владыка Вениамин начитывал курсантам лично. Всего на курсах 1955 года были проведены 92 лекции и 4 семинара. Занятия проходили с 10 часов утра до 17 часов вечера. Обучение прошло 17 человек. До и после занятий курсанты проходили богослужебную практику в церквях г. Ростова-на-Дону.

Вторая группа курсантов была создана после праздника Троицы 1955 года и прошла обучение по этой же программе. Занятия проводились в соборе. Курсанты также проходили богослужебную практику до и после занятий, всем было предоставлено епархиальное общежитие при Всехсвятской церкви, временная регистрация в г. Ростове-на-Дону.

И последний аспект, на который хотелось бы обратить внимание, рассказывая о годах, проведенных митрополитом Вениамином (Федченковым) на Ростовской кафедре. Это забота владыки об укреплении веры и стойкости духовной в среде духовенства в условиях непростого существования Церкви в советском государстве.

Так, проводя 26–27 октября 1955 года 5-й благочиннический съезд Ростовской епархии, владыка Вениамин сразу после приветствий начал свою речь к собравшимся священнослужителям с утешений в скорбях и укрепления в вере. Эта его речь, по счастью, сохраненная для нас стенографистом, так и называлась: «Утешительная речь». В ней он приводит на 18 страницах случаи из его богатой событиями жизни. Каждый такой случай владыка считает не простой случайностью, а промыслительным событием, посланным Господом для назидания и укрепления духовных сил. Поэтому заботясь об

укреплении веры в духовенстве своей епархии, митрополит Вениамин и заменил формальную приветственную речь этими замечательными историями. Для нас же эти истории, рассказанные митрополитом Вениамином, служат не только для назидания в вере, но и для соприкосновения с удивительной душой владыки, умеющей всегда радоваться в скорбях, по слову апостола Павла (1 Фес. 5:16-18, Рим. 5:3).

В заключение доклада хочу привести один фрагмент из «Утешительной речи» митрополита Вениамина (Федченкова). Стилистика оригинала сохранена.

«УТЕШИТЕЛЬНОЕ СЛОВО БЛАГОЧИННИЧЕСКОМУ СЪЕЗДУ (1955)»

...Нас пугают гонения, ссылки, скорби, крест. Я же думаю, что они-то и должны утешать нас... Как?

Когда я еще был юношей, то задался вопросом. Зачем Господь попустил только что зачинавшемуся христианству скорби: преследования, мучения, гонения? Мы младенцев пеленаем, закутываем, нежим; и тут – мечи, кресты, звери и прочее?

После понял я: только через эти страдания и укрепится христианство! А пример этому подал Сам Христос: «Когда буду вознесен от земли, только тогда привлеку всех к Себе!» (Ис. 12:32). «Сие же сказал Он, какую смертью Он умрет», – т.е. о кресте (3, ст.) ...

Приведу только слова ап. Петра, который не хотел, чтобы и Христос страдал (Мф. 16: 22,23), а после и других учил: «Возлюбленные! Не удивляйтесь огненному искушению, вами переносимому, как чему-либо неожиданному... Наоборот, радуйтесь; вы блаженны, потому что Божий Дух славы на вас почивает. Если кто пострадает, как христианин, пусть не стыдится этого, но да прославляет Бога за это. Поэтому страдающие по воле Божией да предадут Ему души свои благими делами. Смирите же под крепкую руку Божию, да вознесет вас в свое время, а всю печаль возложите на Него, ибо Он сам печется о вас... Мир вам всем во Христе Иисусе. Аминь». (I Посл. 4 и 5 ггл.).

Вот чему нас учит Апостол вслед за Христом (Мф. 16:24-25). Это мы все знаем: ненасправно мы и крест Его на себе носим, и всем даем целовать его на отпусте.

Ненасправно и Павел говорит: «Слово о кресте для погибающих кажется юродством (безумием), а для нас, спасаемых, есть сила Божия» (I Кор. 1:18).

Трудно это для нас? Да! Но «всякое добро христианское трудно», – сказал мне угодник Божий Исидор Гефсиманский.

«Корень учения горек, зато плоды его сладки», – говорит весь мир давным-давно.

Недавно мне пришлось быть у Св. Патриарха. И в беседе с ним я высказал свое наблюдение, что обстоятельства последнего времени указывают нам на изменение к лучшему отношения нашего государства к Церкви.

Он совершенно согласился с этим. Так, мое мнение подтвердил сам глава Церкви. Да и вы, вероятно, так же думаете и наблюдаете. Но из этого не будем делать вывода, что нам нужно теперь почивать на лаврах. Наоборот, мы учитываем это для большего одобрения, приложим большее усердие, и смирение, и терпение.

+ М. ВЕНИАМИН»¹.

¹ ГАРО. Там же. Лл. 11-28.

III ВЕНИАМИНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

г. Кирсанов, 15 октября 2015 г.

Священник Антоний Лозовский,
проректор Тамбовской духовной семинарии

Созидание Святой Руси и языческий вызов в России: проблемы настоящего и уроки минувшего

События, происходящие сегодня в братской Украине, по сути наглядно свидетельствуют нам о том, какую опасность для современного общества уже сейчас может представлять неоязычество, часто используемое сегодня в качестве идеологии для различных радикальных националистических группировок.

В связи с этим становится особенно очевидным, какую огромную духовную пользу нашему Отечеству 1000 лет назад принес исторический выбор князя Владимира, благодаря которому наши предки смогли порвать с язычеством, являвшимся до этого ведущей духовной силой страны, и приобщиться к духовной сокровищнице Православной Церкви.

Несмотря на то, что славянское язычество не достигло тех развитых форм, которые были характерны для античного язычества или восточных языческих культов, несмотря на то, что в своем поклонении языческим богам наши предки смогли избежать таких крайних форм идолопоклонства, какие, например, были характерны для кровавого культа Молоха, которому приносили в жертву собственных детей, славянское язычество, несомненно, представляло собой омерзительное явление в духовной и культурной жизни.

Еще с советских времен и вплоть до настоящего времени в отечественной культуре с помощью псевдонаучной публицистики и художественной литературы (достаточно хотя бы вспомнить произ-

ведения госпожи Семеновой) создавался искаженный и изрядно поэтизированный образ язычества, в большинстве своем не имеющий под собой вообще никакой реальной почвы.

В X в. арабский путешественник ибн-Фадлан посещает соседствовавшее с Русью государство Волжскую Булгарию. Там он становится свидетелем погребения знатного руса и оставляет нам описание тех обрядов, которые сопровождали это погребение.

По понятным причинам, эти воспоминания в различных хрестоматиях по истории нашей страны публиковали в усеченном виде, ибо они самым нелестным образом иллюстрируют духовные традиции наших предков. Дело в том, что ибн-Фадлан показывает, что славянскому язычеству не были чужды такие характерные для идолопоклонства явления, как так называемый свальный грех. Кроме того, согласно славянской традиции, в последний путь вместе со знатным русом должны были отправиться несколько слуг, а также одна из его подруг, та, которая сама этого захочет. Однако, как показалось ибн-Фадлану, молодой женщине вовсе не хотелось ни умирать, ни подвергаться тем унижениям, которые сопровождали ритуал погребения. В описании ибн-Фадлана особенно омерзительно выглядит само умерщвление несчастной: «Двое схватили обе ее ноги, двое – обе ее руки, пришла старуха, называемая ангел смерти, наложила ей на шею веревку с расходящимися концами и дала ее двум (мужам), чтобы они ее тянули, и приступила (к делу), имея (в руке) огромный кинжал с широким лезвием. Итак, она начала втыкать его между ее ребрами и вынимать его, в то время как оба мужа душили ее веревкой, пока она не умерла».

И вот благодаря князю Владимиру на смену славянскому язычеству со всеми его мерзостями и жестокостями приходит православие с его духовной традицией и благодатными таинствами. Если современники с удивлением описывают те перемены, которые произошли в самом великом князе, после того как он вышел из крещальной купели, то нас не может не удивлять то, насколько христианская

проповедь смогла преобразить уже первое поколение русских христиан. Мы со школы знаем о таком историческом персонаже, как сын князя Владимира Святополк Окаянный, который в борьбе за власть убивает собственных братьев – князей Бориса и Глеба. За то, что братья не стали сопротивляться Святополку и предпочли смерть вооруженной борьбе с ним, они были причислены к лику святых. Святополк же лишился в обществе всякой социальной поддержки, получил прозвище Окаянного, а ведь он по сути делал то же самое, что раньше делали языческие князья, добываясь власти.

Конечно, языческое мироощущение изживалось в сознании наших предков постепенно, пока наконец православие настолько укоренилось в их душах, что главным общественным идеалом стала Святая Русь. В свое время об этом прекрасно сказал известный русский философ Владимир Соловьев: «Обыкновенно народ, желая похвалить свою национальность, в самой этой похвале выражает свой национальный идеал, то, что для него лучше всего, чего он более всего желает. Так, француз говорит о прекрасной Франции и о французской славе (*la belle France, la gloire du nom français*); англичанин с любовью говорит: старая Англия (*old England*); немец поднимается выше и, придавая этический характер своему национальному идеалу, с гордостью говорит: *die deutsche Treue*. Что же в подобных случаях говорит русский народ, чем он хвалит Россию? Называет ли он ее прекрасной или старой, говорит ли о русской славе или о русской честности и верности? Вы знаете, что ничего такого он не говорит, а, желая выразить свои лучшие чувства к родине, говорит только о Святой Руси».

Однако в результате процесса интеграции российского общества в западную культуру, начавшегося при Петре I, общественное сознание было постепенно заражено духом обмирщения и атеизма. Апогеем нараставшего процесса секуляризации российского общества стала революция 1917 г., в результате которой к власти пришло коммунистическое правительство с его атеистической идеологией.

С крушением коммунистического режима начинается трудный процесс возрождения православия в нашей стране. Однако самая важная составляющая этого процесса, духовно-нравственное воспитание подрастающего поколения, сегодня встречает серьезное препятствие прежде всего вследствие негативных воздействий на душу ребенка со стороны сформировавшейся под огромным западным влиянием массовой культуры.

Само существование такой массовой культуры является, наверное, сегодня одним из главных вызовов православию. Даже те христиане, которые в первые века существования христианской Церкви были вынуждены жить бок о бок с язычниками, не знали ничего подобного. Современная массовая культура если не внешне, то по духу своему, несомненно, враждебна христианству. Она стремится развлекать, а не воспитывать людей, приучает их к духовной праздности, стимулирует развитие материальных потребностей, которые замещают в общественном сознании потребности духовные. Таким образом, сегодня массовая культура и в России, и во всем мире выражает идеологию общества потребления, которая, разумеется, не может иметь ничего общего с православием. Зато подобная идеология потребления вполне совместима с язычеством. Любопытно, что, наверное, лучше всего то, насколько идеология потребления духовно близка язычеству, показал человек, далекий от христианства, известный писатель Виктор Пелевин в своем романе «Поколение П».

Дело еще и в том, что, по сути являясь духовным последствием первородного греха, языческое сознание пробуждается в нас тогда, когда человек отказывается от духовной борьбы со своими страстями. Среди наших соотечественников немало тех, кого, несмотря на их формальную принадлежность к Православной Церкви, духовная праздность превращает в стихийных язычников.

Один из парадоксов нашего времени заключается в том, что даже в эпоху гонений на Русскую Православную Церковь культура в российском обществе во многом была более православной, чем сего-

дня. По крайней мере, людям с детских лет прививалось уважение к честному труду, внушались мысли о том, что надо любить свою семью, свою страну и быть готовым защитить свою Родину даже ценой своей жизни. В стране пропагандировались семейные ценности, а распущенность, напротив, встречала общественное порицание. Культ эротизма, который является наследием языческого мира, получает повсеместное распространение в наше время и представляет прямую угрозу институту семьи.

Наверное, большинству людей понятна прямая зависимость, существующая между прочностью института семьи как малой ячейки общества и прочностью самого общества. Известно, что расторжение брака наносит серьезный духовный и психический ущерб самим супругам, но особенно их детям. Между тем, согласно статистическим данным, более половины браков, заключенных в современной России, впоследствии расторгаются. И это при том, что значительная часть современной молодежи предпочитает, по крайней мере на начальном этапе, выстраивать свои отношения в рамках так называемого гражданского брака, который по сути является не чем иным, как блудным сожителем. Как же можно объяснить тогда тот паралич воли, когда столь серьезная общественная проблема даже не получает должного освещения в средствах массовой информации, а потому и мало обсуждается обществом? Дело в том, что все такие усилия вступают в явный диссонанс с, безусловно, навязанной российскому обществу извне, но получившей господствующее положение либеральной идеологией, с позиции которой любое ограничение, в том числе и в нравственной сфере, воспринимается как покушение на свободу личности.

С этих позиций становится понятной и та настойчивость, с которой нам пытаются сегодня навязать и терпимое отношение к такому отвратительному проявлению падшей человеческой природы, какой является гомосексуализм. Как известно, это явление, получившее широкое распространение в языческом обществе, встретило одно-

значное осуждение со стороны христианства. В частности, святой апостол Павел писал о таких людях, что «предал их Бог в похотях сердец их нечистоте, так что они сквернили сами свои тела. Они заменили истину Божию ложью и поклонялись, и служили твари вместо Творца, Который благословен во веки, аминь» (Рим. 1, 24-25). В этих словах великого учителя христианской Церкви прежде всего обращает внимание прямая связь, которая, по мнению апостола, существует между гомосексуализмом и язычеством. Апостол специально подчеркивает, что именно потому, что люди «не заботились иметь Бога в разуме, Бог предаёт их превратному уму – делать непотребства» (Рим.1:28). Так, апостол разоблачает язычество, которое декларирует, что якобы оно следует природе с ее материальными и духовными законами. Здесь же мы видим выход за пределы природных законов, их прямое извращение, обличающее гомосексуализм как бесовское явление. Именно поэтому особенно отрадным является тот факт, что в целом российское общество, сопротивляясь внешним воздействиям из-за рубежа, не готово принять гомосексуализм как нормальное проявление человеческой жизни.

Вышеуказанное стремление признать гомосексуальные отношения нормой можно воспринимать и в качестве тревожного признака возможной реставрации язычества в качестве заметной религиозной силы в современном обществе. Уже сейчас, судя по интернет-ресурсам, язычество является достаточно привлекательным для немалого количества современной молодежи.

Имеется несколько причин этому печальному явлению. Дело в том, что в отличие от христианства язычество вполне согласуется с современной либеральной идеологией и культурой потребления. Если христианство требует от человека самоограничения и приложения постоянных духовных усилий, то язычество принимает человека таким, каков он есть, откровенно потакая любым, порой самым низменным устремлениям человеческой природы. За долгие годы, когда в нашей стране отсутствовало духовное воспитание подрастающего

поколения, в условиях явного недостатка у современной молодежи необходимых гуманитарных познаний в области истории и культуры нашей страны сформировалась атмосфера, в которой незрелый ум молодого человека можно легко пленить даже таким некачественным продуктом, каким является современное неоязычество.

Благодаря все тому же воздействию средств массовой информации в сознании современной молодежи произошли существенные ментальные сдвиги, когда жестокость может восприниматься в качестве проявления силы, а, напротив, доброта и кротость – в качестве проявления слабости. Конечно, при этом творцам современной языческой мифологии было бы крайне трудно объяснить, как нашим «слабым» предкам удалось создать самое большое в мире государство и успешно отстаивать свою религиозную и культурную идентичность от многочисленных завоевателей, если бы не упомянутый выше низкий уровень гуманитарных знаний и духовной культуры у их аудитории.

Если православие позволило нашим предкам создать Российскую империю, то древнее славянское язычество по сути не давало князьям толком объединить в государство славянский союз племен, так как в каждом племени предпочитали своих «богов». В год празднования 70-летия со дня Великой Победы над фашистской Германией нелишне будет вспомнить и о том, что заветной мечтой Гитлера было разделить побежденную Россию на отдельные территориальные образования, в каждом из которых население почитало бы своих «богов». Однако и сам фашизм как духовное явление сформировался под явным воздействием языческого мировоззрения. Поэтому, ощущая такое очевидное родство между язычеством и фашизмом, многие современные неоязычники исповедуют фашистскую идеологию.

Являясь духовной силой, призванной объединять, а не разделять людей, христианство, как религия, для которой «нет ни еллина, ни иудея...», но все и во всем Христос» (Кол. 3,11-12), трудно приспособить

собрать в качестве духовной основы для национализма во всех его многообразных проявлениях. Язычество же, напротив, является для этой цели наиболее удобным средством. Поэтому сегодня в России неоязычество представляет собой реальную опасность, которая угрожает не только духовному здоровью подрастающего поколения, но и безопасности государства и общества.

Таким образом, в современной России развиваются две совершенно противоположные по своему духу тенденции. Первая связана с возрождением и развитием тех духовных традиций созидания Святой Руси, которые более тысячи лет назад были заложены святыми равноапостольными князем Владимиром и княгиней Ольгой и укреплялись трудами бесчисленным сонмом русских святых, подвижников благочестия и просто благочестивых мирян. Вторая, во многом обусловленная влиянием извне, направлена на углубление духовного кризиса российского общества. Для того, чтобы преодолеть этот духовный кризис, русскому народу предстоит тяжелый труд, связанный с воспитанием подрастающего поколения на традициях отечественной духовной культуры, отстаиванием своей религиозной и культурной идентичности от деструктивных воздействий извне.

Ю.А. Бирюкова,
*кандидат исторических наук, преподаватель ПСТГУ,
преподаватель Донской духовной семинарии*

Особенности репрессивной политики по отношению к духовенству на Дону в 1930-е годы

Для понимания логики советского террора представляется продуктивным изучение внутренних общественно-политических и социальных факторов, которые побудили руководство страны перейти к уничтожению значительной части населения. Проследим, как социально-исторические особенности донского региона, как аграрного района с широким представительством казачества в его общественной структуре, с обширной социальной базой Русской Православной Церкви, оказали влияние на политические и социокультурные процессы, побудившие Советскую власть, в конечном счете, перейти к методам террора в отношении духовенства и мирян региона.

1920–1930-е годы на Дону были ознаменованы перманентным социальным конфликтом сталинского режима и казачье-крестьянского населения¹, который особенно усилился на рубеже 1930-х гг. в связи с политикой коллективизации сельского хозяйства.

На протяжении 1920-х годов казаки оставались приверженцами религиозных традиций, открыто выражали свою веру. Причем политика власти по социальной дифференциации и внутреннему «разложению» казачества не привела к заметным результатам, казаки оставались традиционно сплоченным сообществом независимо от социального положения его членов, продолжали проявлять себя активной силой в сопротивлении давлению власти. Несмотря на все старания Советской власти по «перетаскиванию» казаков на свою

¹ См., например: *Бондарев В.А.* Российское крестьянство в условиях аграрных преобразований в конце 20–начале 40-х годов XX века (на материалах Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев). Автореферат дис. ... доктора исторических наук. 07.00.02. – Ростов-на-Дону, 2007.

сторону, они сохраняли по отношению к ней скрыто враждебное отношение и чувствовали себя побежденными властью «иногородних»¹.

Политика «лицом к деревне» и «лицом к казачеству» середины 1920-х гг. привела к возрастанию активности казачества по отношению к формированию органов местного самоуправления, они стали принимать оживленное участие в перевыборах в советы. В этой возросшей активности преобладали протестный и религиозный компоненты. Секретный отдел полномочного представительства ОГПУ на Северном Кавказе сообщал, что на перевыборах в советы 1925–1926 гг. членам ВКП(б) помешали представители церковных советов и верующие, главным образом из казаков, «исключительно тихоновской или сергиевской ориентации». Они единодушно заблокировали все списки от фракций ВКП(б). В результате в ряде мест в советы были избраны члены церковных советов. Казаки верили, что они «смогут по-настоящему защищать интересы Церкви».

Происходило все так. Во время выборов раздавался возглас: «Голосуй, ребята, это наш!» И данный человек избирался в совет. Выдвигались лозунги: «Советы без коммунистов», «Объединение для защиты прав Церкви и казачества»². Таким образом, для верующих казаков представители коммунистической партии воспринимались как враги Церкви, попирающие гражданские права казачьего населения. Проводя в советы «своих» людей, казаки, по сути, использовали ресурс современной им советской государственной системы против нее самой. Ситуация с выборами в советы привела к ослаблению позиций большевиков в деревне и в значительной мере стала причиной свертывания политики «лицом к казачеству» и дальнейшего усиления социального напряжения.

¹ Подробнее об этом см.: *Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г.* Донцы в 1920-х годах: Очерки истории. – Ростов-на-Дону, 2010.

² ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 8. Д. 59. Л. 1–9.

В этих условиях началась сталинская насильственная сплошная коллективизация, которая предполагала уничтожение традиционного крестьянского уклада и формирование нового социального типа, с новыми культурными характеристиками. Поэтому борьба с религией в начале 1930-х гг. стала одной из важных составляющих политики коллективизации сельского хозяйства. Она способствовала как подавлению идеологического конкурента большевиков в лице Церкви, так и сопротивлению российского крестьянства его насильственной трансформации.

Крестьяне нередко объединялись с духовенством в протестных акциях против бесчеловечной политики власти на селе. В то же время сообщалось о массовых выступлениях крестьянства против антирелигиозной кампании, закрытия церквей, в защиту духовенства, подвергаемого различным притеснениям¹. С особой силой протестные и даже повстанческие настроения распространились в казачьих районах Северного Кавказа. Здесь в противоколхозной агитации особенно выделялся религиозный мотив. Противники колхозов были уверены в неизбежной «гибели религии и веры при коллективизации», считали, что коллективизация неизбежно повлечет «сплошное закрытие церквей»². В результате даже беднота в ряде мест отказывалась от вступления в колхозы. Сводки ОГПУ сообщали: «По Вешенскому району Донецкого округа попы принимают активное участие в кулацких группировках, ставящих себе целью срыв коллективизации». В проповедях духовенство называло колхозы крепостным правом и гонением на веру³. ОГПУ Константиновского района в 1933 г. сообщало, что «широким полем деятельности для к(онтр-)р(еволюционной) работы было использовано верующее

¹ Оперативная сводка информотдела ОГПУ № 40 о ходе хлебозаготовительной кампании по материалам на 1 июня 1929 г. // Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД: 1918–1939 гг. Т. 2. С. 914, 920–221.

² Из справки информотдела ОГПУ об организационных недочетах и кассовой борьбе вокруг коллективизации на Северном Кавказе по материалам на 15 декабря 1929 г. // Там же. С. 1015.

³ Там же. С. 1016.

казачество и рассадником саботажнических идей явились попы и контрреволюционно настроенные верующие»¹.

Таким образом, сельское духовенство Дона поддержало народное протестное движение против политики власти на селе, что способствовало росту его авторитета и было интерпретировано властью как «резкое обактивление церковников и сектантов», «выступление служителей религиозного культа в качестве руководителей контрреволюционных образований»². Сопrotивление истолковывалось в духе сталинской теории обострения классовой борьбы по мере продвижения социализма и расценивалось как контрреволюционные действия против мероприятий Советской власти и партии, что послужило поводом для широкого развертывания репрессий. Приказ ОГПУ о мероприятиях по ликвидации кулачества как класса от 2 февраля 1930 г. провозглашал «историческую задачу» полной ликвидации враждебных сил в районах сплошной коллективизации, к числу которых были отнесены «церковники», одним из первых в планах ОГПУ стоял Северокавказский край³.

В начале 1930-х гг. обвинение православного духовенства по уголовным делам в связи с противодействием мероприятиям Советской власти на селе превратилось в совершенно отчетливую тенденцию.

Так, в 1933 г. священника Дементия Куварина расстреляли за то, что, по версии следствия, он возглавил антисоветскую группировку из жителей двух казачьих хуторов, целью которой был развал колхоза, срыв плана хлебозаготовки. В обвинительном заключении говорится, что данная группа собиралась и говорила: «Все мы, каза-

¹ Скорик А.П. Казачий Юг России в 1930-е годы: грани исторических судеб социальной общности. – Ростов-на-Дону, 2009. С. 472.

² Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД: 1918–1939 гг. Т. 2. С. 1019.

³ Приказ ОГПУ о мероприятиях по ликвидации кулачества как класса. 2 февраля 1930 г. (ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1944. Л. 17–25. Копия) // Российский портал «Уроки истории» Международного историко-просветительского и правозащитного фонда «Мемориал». URL: <http://www.urokiistorii.ru/2010/30/ogpu-o-likvidatsii-kulachestva> (дата обращения: 15.08.2011).

ки, раньше жили хорошо, пользовались большими правами... Особенно мы были озлоблены большими планами хлебозаготовки, ведь никому не секрет, что нас всех ограбили и наши дети пухнут с голоду <...>», «Колхозы – это барщина, все казаки могут попасть под влияние коммунистов и будут работать на них, как на господ», «Наш народ умрет с голоду»¹.

Успех коллективизации был поставлен властью в прямую зависимость от культурного и политического перевоспитания села. С 1929 г. большевики начинают осуществлять масштабное антирелигиозное движение. Антирелигиозная пропаганда должна была проникнуть во все сферы общественной, хозяйственной и политической жизни, поэтому в антирелигиозной работе власть стремилась объединить усилия общественных и профессиональных организаций, добровольных обществ. Они должны были стать средством воздействия партаппарата на население страны.

Однако антирелигиозная работа на местах шла вяло. В 1933 г. крайком партии фактически признал полнейший провал антирелигиозной работы². Значительных результатов по антирелигиозному перевоспитанию населения достичь так и не удалось. Предпринятое большевиками форсированное воспитание казаков и крестьян в духе коммунистических идеалов не устранило их приверженности религиозным традициям.

На протяжении 1930-х гг. в домах у многих казаков-колхозников висели иконы. Так, например, в 1935 г. в доме молодого рабочего одного из совхозов Сальского района висела икона. На требование совхозного начальства снять икону он отреагировал отрицательно, говоря: «Она мне не мешает». Мало того, там же висел портрет героя гражданской войны Ворошилова, который он украсил, как икону, покрыв рушником, а в ответ на возмущения замечал: «Они не

¹ Там же. Д. П-45870. Л. 193, 211, 218, 219.

² Там же. Д. 4623. Л. 11.

подерутся, пусть висят»¹. В определенной мере сохранялись и традиции празднования церковных праздников в станицах и селах. В 1936 г. в Северо-Донском округе колхозники, рабочие МТС и административный персонал в церковный праздник Троицы закрыли мастерские и устроили празднование, источник сообщает: «И как символ всего этого настроения контора МТС убрана веточками, <...> чебраком посыпан пол, директор убрал ветками свою машину и едет с семьей праздновать»².

Таким образом сохраняющаяся высокая религиозность населения и авторитет канонического православного духовенства, как защитника крестьянства, препятствовали борьбе государства с Церковью.

В 1936 г. была принята «сталинская» конституция, по которой священнослужители получили избирательные права, что способствовало росту активности верующих, разворачиванию движения за открытие церквей во многих регионах страны, в том числе в Азово-Черноморском крае³.

В общем, все попытки власти завладеть умами своих граждан не дали требуемого результата, в стране росло социальное напряжение. Власти оставалось прибегнуть к надежному и безотказному средству – физическому устранению носителей религиозной традиции. В период сталинского «большого террора» 1937–38 гг. репрессии достигли своего пика. Большевики вспомнили опыт начала 1930-х гг., всех своих политических и идеологических врагов. Вновь оказались востребованы две сталинские теории – теория обострения классовой борьбы по мере продвижения социализма и теория единого фронта врагов на основе программы восстановления капитализма. Эти установки Сталина в целом, по справедливому замечанию исто-

¹ Скорик А.П. Указ. соч. С. 476.

² Там же. С. 477.

³ Курляндский И.А. Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922–1953 гг.). – М., 2011. С. 487, 489.

рика И.А. Курляндского, нагнетали в стране истерию и психоз¹. Они же определили характер репрессий этих лет. НКВД конструировало сложные дела с вымышленными связями различных категорий врагов между собой.

Следственные дела 1930-х гг. свидетельствуют, что следствие сосредотачивалось на выяснении позиции духовенства относительно колхозов, сталинской конституции и избирательного закона, объединения и совместной деятельности духовенства с казаками, участия в перевыборах в местные советы. Типичными были обвинения в агитации против колхозов, в участии в «повстанческих казачьих организациях». Как зафиксировали материалы следственных дел, аресты священников нередко происходили на основании известного приказа НКВД № 00447, утвержденного Политбюро 31 июля 1937 г., положившего начало «кулацкой операции».

В каких же преступлениях обвинялось духовенство?

Власти не делали никакого различия между религиозной и антисоветской деятельностью. Например, в 1938 г. священник Григорий Левченко обвинялся в том, что в проповедях и частных беседах священник якобы говорил: «Колхозы <...> созданы коммунистами для того, чтобы мучить людей. Сейчас житья нет. Как хотят, так и издеваются над вами, казаками. Коммунисты вас разграбили, а ваших отцов и сыновей замучили в тюрьмах»². Ссылаясь на «сталинскую» конституцию, отец Григорий призывал прихожан воспользоваться своим правом и потребовать у власти возврата закрытой церкви верующим, убеждал народ голосовать на выборах за духовных лиц: «Если мы попадем в управление государства, то тогда откроем церкви»³.

Священник станицы Мелиховской Семен Романенко обвинялся местным сельсоветом (1938 г.): «Наряду с религиозной работой

¹ Курляндский И.А. Указ. соч. С. 511.

² Там же. Л. 12.

³ Там же. Л. 4.

вел агитацию противосоветского характера, как-то: заманивал школьников конфетами, чтобы они ходили в церковь и приобщались». В якобы признательных показаниях священник сообщил следствию: «Особенно мы долго говорили о колхозном крестьянстве, называя его «крепостным», что крестьян загнали в колхозы и заставили работать бесплатно». Выводы следствия были однозначными: священники «пропагандировали фашизм», вели «антисоветскую агитацию против колхозов», призывали верующих объединяться вокруг церкви. Священника расстреляли с конфискацией имущества¹.

Итак, идеологическая несовместимость православного вероучения с образом советского человека, конструируемого властью, крайняя мировоззренческая нетерпимость большевиков, их переход к политике расправы со всеми своими политическими и идеологическими конкурентами обусловили неизбежность жестокого подавления религии и Церкви на территории советского государства. В связи с насильственной «сплошной» коллективизацией начала 1930-х гг. напряжение протестного движения, существенной составляющей которого был протест по религиозным мотивам, достигло одного из самых высоких показателей в казачьих районах Дона. Уничтожение Православной Церкви являлось важной составляющей политики власти по проведению социалистических трансформаций. Сельское население Дона, как и других регионов страны, сопротивлялось слома его традиционного уклада и культуры, что решительно подавлялось репрессиями. Неудачи большевиков в деле антирелигиозного перевоспитания населения, протесты населения, рост социального напряжения в стране и вызванная ими необходимость создания видимости либерализации внутренней политики стали одной из главных причин развертывания «большого террора» конца 1930-х гг. как компенсационной меры и самого «продуктивного» инструмента политики сталинского режима.

¹ Архив УФСБ РО. Д. П-44813. Л. 6, 7, 30.

Р.Ю. Просветов,

*член рабочей группы при научно-редакционном совете
по изданию документов Поместного Собора 1917–1918 гг.*

**Епископ армии и флота Вениамин (Федченков)
и организация служения военного духовенства в Крыму
при генерале Врангеле**

Вениамин (Федченков) стал викарием Таврической епархии, епископом Севастопольским в 1919-м году, когда ему шел 39-й год. Назначение новопоставленного епископа на Севастопольскую кафедру привело к значительному оживлению религиозной жизни в городе. Он почти ежедневно совершал богослужения в городских храмах, произносил вдохновенные проповеди с церковного амвона, организовывал крестные ходы. При поддержке нового епископа стали активнее действовать братства и сестричества. Более того, они были созданы теперь во всех храмах викариатства. По инициативе епископа Вениамина в ряде приходов Севастополя стали создаваться детские религиозные организации¹. Все это привлекало внимание людей к личности активного епископа, и вскоре он приобрел всеобщую любовь своей паствы. К тому же для Крыма владыка не был новым человеком. Еще в 1911–1913-х годах епископ Вениамин служил здесь в качестве ректора Таврической духовной семинарии, а в 1917-м году провел в Крыму почти всю весну и лето, находясь на излечении в Свято-Георгиевском Севастопольском монастыре. Осенью того же года он был вновь призван возглавлять Таврическую семинарию и пребывал в этой должности до своего поставления на Севастопольскую кафедру.

¹ *Катунин Ю.А.* Православная церковь и государство: проблема взаимоотношений в 1917–1939 гг. (на материалах Крыма). Дисс. на соиск. уч. ст. д. и. н. Симферополь, 2003. С. 68.

Местом проживания нового викарного епископа был избран Херсонесский монастырь. Здесь проходила большая часть всех богослужений, на которых присутствовали представители делегаций из различных государств, посещавших тогда Таврическую епархию. Губернский город Симферополь стал фактически периферией Крыма, тогда как в прибрежных городах и в особенности в Севастополе была сконцентрирована вся военно-политическая жизнь полуострова. Нельзя не отметить и тот факт, что в Крыму в то время сосредоточилось достаточно большое количество духовенства и религиозных деятелей Русской Православной Церкви, которые покинули территории, занятые большевиками. Переезд в Севастополь Временного высшего церковного управления Юга России также подтверждал стратегическое значение этого города. В связи с этим фигура местного епископа в епархии становилась если и нецентральной, то весьма значимой.

В феврале 1920 года в Таврическую епархию пришло послание Патриарха Тихона (Беллавина), в котором духовенству запрещалось «вмешиваться в политическую жизнь страны, принадлежать к каким-либо партиям, а тем более делать богослужебные обряды и священнодействия орудием политических демонстраций»¹. Спустя годы епископ Вениамин говорил о реакции архиереев на это послание: «В оправдание свое мы решили, что этот указ касается тех областей, где существует Советская власть, и не может распространяться на местности, где господствуют белые. Наше отстранение от участия в Белом движении было бы истолковано как несогласие с ним и даже сочувствие красным. Кратко говоря, мы были бы нелояльными к нашей местной власти»². На самом деле, и владыка в этом признает-

¹ Послание Патриарха Тихона верующим Православной Российской Церкви 25 сентября (8 октября) 1919 г. // Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и материалы. М., 1996. С. 45.

² *Каишеваров А.Н.* Высшее церковное управление в 1918–1922 гг. / История Русской Православной Церкви в XX в. (1917–1933 гг.). Материалы конференции. Мюнхен, 2002. С. 41–42.

ся в своих воспоминаниях, он, как и многие другие, всем сердцем сочувствовал Белому движению.

В марте 1920 года, после эвакуации частей Вооруженных сил Юга России из Новороссийска, Крым остался единственным участком суши, удерживаемым Добровольческой армией. Однако армия была разложена и деморализована. Немалую часть вины за такое ее состояние возлагали тогда на главнокомандующего генерала А.И. Деникина. Среди людей, небезразличных к судьбе своей Родины, все чаще и чаще стали раздаваться голоса за смену Деникина на посту главнокомандующего. Активно за это выступал и Севастопольский епископ Вениамин. Антон Иванович Деникин в своих воспоминаниях прямо пишет о том, что епископ Вениамин возглавил против него «оппозицию крайних правых», считая, что генерала погубил «тот курс политики, который отвратен русскому народу»¹. Об организации общественного выступления «правой инициативной группы» в Крыму во главе с епископом Вениамином в пользу Врангеля говорит в своих воспоминаниях князь А.Н. Оболенский². О роли владыки Вениамина в деле отставки Деникина пишет и генерал Слащев³. Генерал Врангель в свою очередь отмечает, что именно епископ Вениамин поддержал его в трудную минуту решения о принятии на себя командования армией⁴.

22 марта 1920 года Деникин подписал приказ о назначении генерала Врангеля новым главнокомандующим. Через три дня в честь нового главнокомандующего на Нахимовской площади был устроен военный парад, после которого к площади подошли участники крестного хода, организованного епископом Вениамином, из каждого городского храма Севастополя. После молебна епископ огласил участникам торжеств приказ Деникина о назначении командующим

¹ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Минск, 2002. С. 444–445.

² Цит. по: Кандидов Б.П. Церковь и Врангель. Харьков, 1931. С. 7.

³ Катунин Ю.А. Указ. соч. С. 79.

⁴ Врангель П.Н. Воспоминания: в 2 частях. 1916–1920. М., 2006. С. 385.

армией генерала Врангеля и произнес «жесткую и зажигательную проповедь, в которой звучали призывы к борьбе с большевиками»¹. Тогда владыка еще искренне верил, что Советская власть не будет поддержана народом и долго она не продержится.

Вскоре генерал Врангель принял у себя делегацию духовенства и общественных деятелей. В своих воспоминаниях он пишет, что имел особый разговор с епископом Вениамином, в котором владыка обращал внимание генерала на упадок нравственности в армии, говорил о необходимости духовно-религиозного воспитания войск, об активизации работы духовенства. По-видимому, Петр Николаевич был со всеми этими словами согласен. Он вспоминал: «Работа и в этом отношении предстояла большая, и во главе военного духовенства должен был быть поставлен человек исключительно деятельный. Мало зная наше высшее духовенство, я не могу наметить такое лицо, поэтому решил посоветоваться с членом церковного Собора – графом П.Н. Апраксиным, бывшим таврическим губернатором, ныне председателем Ялтинской городской Думы, человеком высоко честным и глубоко религиозным. Он находился в Севастополе, и я просил его на следующий день прибыть ко мне. Граф Апраксин горячо рекомендовал мне самого епископа Вениамина, который, помимо других качеств, как епископ Севастопольский, был хорошо известен населению Таврии и пользовался среди последнего высоким уважением»².

31 марта 1920 года Врангель издал приказ о назначении епископа Вениамина управляющим военным и морским духовенством, заменив тем самым «павшего духом» и откомандированного в Константинополь и Балканские страны протопресвитера Г.И. Шавельского. Владыка Вениамин вспоминал: «Это был первый случай за 220 лет (со времени Петра I), что во главе духовенства стал архиерей. Государственные военные власти прежде не хотели этого потому, что с прото-

¹ Катунин Ю.А. Указ. соч. С. 81.

² Врангель П.Н. Указ. соч. С. 400.

иереем легче было обходиться, чем с архиереем. Тут сказался и дух господства государства над Церковью. Но избрание меня архиереем армии и флота тоже не означало улучшения церковных воззрений теперешнего правительства. Это было личным делом главнокомандующего, по личной симпатии ко мне. Важно отчасти было и то, что я пользовался любовью у севастопольцев, а это весьма нужно было и для военного дела. Так, судьба меня поставила очень близко к самому центру Белого движения в последний период его»¹.

10 апреля 1920 года Врангелем был подписан приказ, согласно которому управление протопресвитера переименовывалось в «управление военным и морским духовенством». Чин управляющего военным и морским духовенством равнялся военному чину командира корпуса, подчинявшегося непосредственно главнокомандующему. Помимо этого, учреждалась новая должность помощника епископа Вениамина (им стал протоиерей Г. Спаский), а также должности личного секретаря (И. Черненко) и чиновника для особых поручений (капитан первого ранга А. Свечин). Штат управления был увеличен с 17 до 40 человек. Кроме того, в его составе появились должности проповедников армии².

Заручившись поддержкой главнокомандующего и любовью севастопольцев, епископ Вениамин взялся за нравственное оздоровление армии и, прежде всего, офицерства и командующего состава. В армии был введен институт корпусных благочинных, которые назначались из лиц духовенства при штабах корпусов. Корпусным благочинным подчинялись благочинные дивизий, но в случае необходимости последние обращались и напрямую в управление военным духовенством. В число обязанностей корпусных благочинных входило: «возможно чаще посещать находящиеся в районе корпуса

¹ Вениамин (Федченков), митр. На рубеже двух эпох. С. 239.

² Приказ № 3007 главнокомандующего вооруженными силами на Юге России генерала Врангеля от 10 апреля 1920 г. См.: Кандидов Б.П. Церковь и гражданская война на юге. (Материалы к истории религиозной контрреволюции в годы гражданской войны.) По неопубликованным архивным материалам. М., 1931. С. 181.

госпиталя (и) лазареты, в том числе и приданные к дивизиям, так как дивизионные благочинные не всегда могут иметь за ними наблюдение и руководить деятельностью госпитальных священников, наблюдая, чтобы священниками: а) возможно чаще совершались богослужения, б) посещались раненые, в) напутствовались умирающие, г) хоронились с подобающей честью умершие, д) чтобы при госпиталях имелось необходимое церковное имущество и правильно велись метрические книги, ж) чтобы об умерших священниками извещались их родственники з) чтобы для погребения умерших воинов отводились (там, где не отведены) особые кладбища и чтобы кладбище и кладбищенские могилы содержались в добром порядке»¹. Особое внимание обращалось «на удовлетворение религиозно-нравственных нужд больных и раненых воинов»². В этом, добавим от себя, заключается долг священнослужителей на войне.

Сам епископ Вениамин тщательно координировал деятельность военных священников и периодически выезжал на фронт. Под его руководством осуществлялось издание газеты «Святая Русь», где он выступал с обращениями и объявлениями. Большая работа проводилась им по оказанию помощи клирикам-беженцам и членам их семей. Владыка служил молебствия и благословлял войска, выпускал «воззвания» и «призывы».

В начале июня 1920 года епископ Вениамин пожелал лично ознакомиться с обстановкой на освобожденной территории и совершил большую поездку по северным уездам Таврической губернии. По возвращении он составил особый доклад о своих наблюдениях в тылу. Этот доклад открыто вскрывал язвы творящихся беззаконий со стороны армии и местной власти. Прежде всего владыка призывал быть внимательнее к простому народу, к простым людям. Он писал: «Необходимо, чтобы, во-первых, все, начиная с главнокомандующего, п о с е щ а л и н а р о д , бывали в деревнях, говорили с ним за-

¹ Кандидов Б. П. Церковь и Врангель. С. 40–41.

² Там же. С. 46.

душевно, просто, а не чурались его и не ограничивались одними лишь торжественными наездами; нужно, чтобы народ видел, что ему доверяют и уважают его личность, любят его похристиански; во-вторых, необходимо, чтобы всякие грубости искоренялись беспощадно, как провокационно-губительные действия, подрывающие нравственные взаимоотношения между высшими и низшими; необходимо, чтобы перестал народ бояться и чураться нас; для этого нам нужно всячески опасаться давления своей личностью, особенно тем, кто занимает высокое положение; великая заслуга начальника – сочетать власть с простотой.

Что дивного, если боятся начальника маленькие люди, если и я, епископ, управляющий большим делом, далеко не всегда свободно чувствую себя в присутствии властей прежней духовной складки. Мы должны быть просты, народны, благожелательны, открыты. И народ пойдет за нами. Особенно нужно теперь обратить внимание на сельский народ. Ведь совершенно ясно, что не одно офицерство, тем более не интеллигенция, и не горожане спасут Россию, а крестьянство.

Поэтому посещение его, связь с ним душевная и искренняя необходима, как воздух, особенно важны центры сельские. Например, посещение и сближение с Б(ольшой) Михайловкой, этой местной «Москвой», по выражению большевиков, решило бы массу вопросов (и о мобилизации, и о земле, и о проч.) на всю округу, чуть ли не на весь север Таврии... Но, увы, там, кроме постоя, почти ничего не было сделано в этом отношении. Послужил я Литургию, сказал две проповеди, и только...

С народом – спасенье, без него мы – корабли в бушующем океане»¹.

¹ Цит. по: *Кандидов Б.П.* Церковь и гражданская война на юге. С. 109.

Эта обширная цитата из не менее обширного доклада владыки по результатам его поездки приведена здесь не столько для характеристики происходящего в тылу армии, сколько для понимания главных забот архипастыря, забот не только о своей военной пастве, но и о тыловом народе¹. Владыка жестко критиковал интеллигенцию за ее бездеятельность, равнодушие и чванство. Призывал не отсиживаться в тылу, а идти хотя бы с нравственной проповедью, с лекциями и агитацией в армию, к солдатам и офицерам. И от офицеров он требовал своим примером показывать высокий идеал своим подчиненным солдатам. Просил относиться к ним по-человечески, с уважением и снисходительностью. Однако высокие чины чаще всего были глухи к его словам.

Конечно, проповеди и выступления владыки Вениамина, по его словам, ни в коей мере не преследовали своей целью подорвать авторитет офицеров. Напротив, «в Мелитополе, – писал он, – во время моей речи в театре я упомянул о том, что хорошо было бы интеллигенцию нашу отправить на фронт (особенно педагогов), а офицеров (их много и с высшим образованием) из армии пригласить к педагогической деятельности. Одна дама возразила с места, что иные офицеры не знают молитв даже. Я ответил, что Закон Божий и батюшки сумеют преподавать, а других предметов не потребуется. А кроме того, добавил я, пусть не коснется ничья рука офицерства: они устлали белыми костями поля России и полили ее кровью мученичества. Не знают иные из них молитв, но Господь за подвиги жертвенные простит им это...»².

Эти слова владыки подтверждались делом. Для поднятия боевого духа солдат и офицеров 30 апреля 1920 года по его рекомендации в армии был учрежден особый орден «Святителя Николая Чу-

¹ Полностью доклад епископа Вениамина см.: Докладная записка епископа Севастопольского Вениамина (Федченкова) о наблюдениях в тылу русской армии в Северных уездах Таврической губернии // Белая гвардия. 2008. № 10. С. 214–221.

² Кандидов Б.П. Указ. соч. С. 63.

дотворца». Этот орден представлял собой черный металлический крест с изображением святого и надписью: «Верую спасется Россия» на трехцветной ленте. Всего им было награждено 337 солдат, офицеров и генералов. Военные священники награждались наперстными золотыми крестами на Георгиевской ленте. Использовались и другие церковные награды для духовенства: митры, палицы, камилавки.

Епископ Вениамин первым подавал пример в самоотверженном служении. Он принимал активное участие в организации дней всенародного покаяния, крестных ходов, прилагал все усилия к тому, чтобы поднять духовно-нравственный уровень своей паствы. «Вплоть до последних дней эвакуации, – пишет советский исследователь Б.П. Кандидов, – управление военным духовенством бесперебойно продолжало свою деятельность. Назначали попов, перемещали их, возбуждали ходатайства о награждении за «подвиги» в борьбе с Красной армией, руководили церковным снабжением и т.д.»¹.

Вскоре активная деятельность главы военного и морского духовенства натолкнулась на открытое недовольство высших военных чинов. Его проект о запрете в войсках употребления матерных ругательств был попросту «завернут». Среди многих вождей и воинов Белой армии наблюдалась не только теплохладность в вопросах веры, но даже и безрелигиозность, пренебрежение ко всему духовному. В своих воспоминаниях владыка признавался, что они не хотели даже понять нужд простого народа. Поэтому лично для владыки «Белое движение было в конце концов движением классовым, а не всенародным (не рабоче-крестьянским)»². И, не найдя в нем достаточного нравственного, религиозного и идеологического стержня, он вскоре в нем разочаровался.

¹ Там же. С. 95.

² *Вениамин (Федченков), митр.* Указ. соч. С. 252.

После захвата Красной армией Крыма в ноябре 1920 года епископ Вениамин вместе с частями русской армии и беженцами эмигрировал в Константинополь. Его предшественник на посту главы военного и морского духовенства протопресвитер Георгий Шавельский, который так же, как и владыка, увидел разложение Белого движения и превращение добровольцев в «белых большевиков», писал в эмиграции в 1943 году: «Добровольческое дело 1919–1920 годов, может быть, когда-нибудь будет признано недоразумением: своя своих не познаша. Может быть, Добровольческая армия принесла не только пользу, но и вред России. Может быть, без обильно пролитой в гражданской войне русской крови скорее бы возродилась Россия. Но в защиту Добровольческой армии надо сказать, что она явилась благородным и самоотверженным протестом против тех крайностей, с какими выступила в октябре 1917 года новая власть: объявлением религии опиумом народа, отрицанием собственности, свободного труда и полным пренебрежением к человеческой личности»¹.

Пройти мимо этого благородного и самоотверженного протеста епископ Вениамин не мог. Он писал: «Я <...> не думал о конце или победах, как и другие, а шел на голос совести и долга. И в этом душевном решении не раскаиваюсь и теперь. Пусть это было даже практической ошибкой, но нравственно я поступил по совести. И мне тут не в чем каяться»².

Практическая ошибка заключалась не в поддержке Белого движения, которое потерпело поражение. Главной ошибкой было невыполнение послания Патриарха Тихона о невмешательстве духовенства в политическую жизнь. Усвоив этот урок, владыка Вениамин, будучи в эмиграции, всячески старался дистанцироваться от политики и призывал к этому других духовных лиц. «Конечно, – пи-

¹ Шавельский Г., *протопр.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Издание третье. М., 2010. С. 30.

² Вениамин (Федченков), *митр.* Указ. соч. С. 234–235.

сал он, – как гражданам страны, и нам важны и близки интересы родины, но все же мы специалисты в других областях, а не в гражданской и военной. И потому брать на себя ответственность за эти вопросы, да еще когда нас не спрашивают о них, весьма рискованно»¹.

Обязанностью священнослужителей как в военное, так и в мирное время являются священнодействие и духовное окормление паствы. Сложность периода гражданской войны заключалась в том, что одна из сторон открыто заявила о своем безбожии, поставила себя вне Церкви, вне нравственного закона, формируя свой новый, революционный закон. Более того, эта сторона захотела изменить многовековую историю России, перевоспитать сам народ, что привело в итоге к многочисленным жертвам. Против этого и выступило военное духовенство в Крыму во главе с епископом Вениамином, явив собой пример самоотверженного служения Богу и Отечеству.

¹ Там же. С. 185. Подробнее об этом см.: *Просветов Р.Ю.* Митрополит Вениамин (Федченков) о христианском отношении к власти // Интернет-журнал «Православие.ру» 30 сентября 2014 г. Режим доступа – <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/73993.htm>; научный богословский портал «Богослов.ру». 6 октября 2014 г. Режим доступа – <http://www.bogoslov.ru/text/4213518.html>.

Священник Максим Плякин,
член Межсоборного присутствия Русской Православной Церкви,
член комиссии Саратовской митрополии
по канонизации подвижников благочестия

Жизнь и мученичество протоиерея Михаила Сошественского

Михаил Иванович Сошественский родился 5 октября 1868 года¹ в селе Зубриловка Балашовского уезда Саратовской губернии. Его отец, Иван Семенович Сошественский, был псаломщиком Спасо-Преображенской церкви в том же селе, а дед, Семен Мартынович Сошественский, – причетником. 18 июля 1891 года Михаил Сошественский окончил Саратовскую духовную семинарию по второму разряду.

Михаил Иванович был женат на дочери священника села Крутец Сердобского уезда Саратовской губернии, Александре Тимофеевне Скалигеровой. Родилась матушка Александра 11 мая 1875 года, она была выпускницей Саратовского епархиального женского училища.

6 сентября 1891 года Михаил Иванович был назначен на диаконскую должность Троицкой церкви г. Вольска, а 2 ноября того же года рукоположен во диаконы епископом Саратовским и Царицынским Авраамием (Летницким; †1893) с назначением быть учителем церковно-приходской школы.

19 августа 1892 года отец Михаил пишет прошение с просьбой предоставить ему праздное священническое место в селе Большой Ольшанке Аткарского уезда. 22 августа 1892 года Архипастырь на этом прошении ставит свою резолюцию: «Проситель определяется на священ(ническую) вакансию в с. Волхонщину. А(враамий)

¹ Все даты до января 1918 года даны по юлианскому календарю, после – по григорианскому.

Е(пископ) С(аратовский)». 30 августа о. Михаил был рукоположен во священника к Михаило-Архангельской церкви села Волхонщина Петровского уезда Саратовской губернии. 3 сентября он получил ставленную грамоту № 42 и святительское поучение. Хиротонию совершил также Преосвященный Авраамий.

26 января 1898 года священник Михаил Сошестввенский был награжден набедренником, 3 июля 1902 года – скуфьей. 29 сентября 1905 года перемещен в губернский город – к Крестовоздвиженской (Казачьей) церкви г. Саратова, 10 декабря 1905 года назначен законоучителем Крестовоздвиженской одноклассной церковно-приходской школы. 18 марта 1906 года назначен законоучителем 16-го женского начального училища г. Саратова. 6 мая 1908 года награжден камилавкой. 10 августа 1910 года резолюцией № 298 Преосвященнейшего епископа Саратовского и Царицынского святого священномученика Гермогена (Долганёва; †1918) перемещен к Нерукотворенно-Спасской (или Сергиевской) церкви настоятелем. В том же 1910 году преподано ему благословение Святейшего Правительствующего Синода с грамотой.

Как спустя многие годы говорил сам отец Михаил, святого священномученика Гермогена (Долганёва) он знал достаточно хорошо, причем «не только по церковной службе, но и квартирно, ибо, занимаясь еще в то время гомеопатией, он лечил его на дому... Приходилось бывать... (у него) в квартире часто».

В 1912 году за заслуги по духовному ведомству иерей Михаил награжден золотым наперстным крестом, а в 1916 году Всемиловейше сопричислен к ордену Святой Анны III степени.

Нерукотворенно-Спасская церковь, в которой служил отец Михаил, была построена в 1825 году попечением коллежского советника Василия Максимовича Максимова. Церковь каменная, с такой же колокольней. Престолов в ней было три: во имя Нерукотворенного Образа Спасителя, во имя Божией Матери, иконы Ее «Всех скорбящих Радость», и во имя преподобного Сергия Радонежского.

Рождество Христово 1917/1918 года Россия встретила в весьма печальных обстоятельствах – уже около двух месяцев пришедшие к власти безбожные безумцы повергали страну в стон и плач. Викарий Саратовской епархии, епископ Петровский Дамиан (Говоров; † 1936) в своем новогоднем поздравлении пастве призвал народ бороться со злом неверия, разграбления, попрания прав, святых русского народа. Иерей Михаил Сошестввенский откликнулся на этот призыв тем, что еженощно стал произносить в своем храме обличительные проповеди, которые приходил слушать чуть ли не весь Саратов.

Отец Михаил запомнился прихожанам необыкновенно добрым, глубоко верующим, праведным человеком. К нему шли за советом, наставлением. Он переживал за своих духовных чад, огорчался, если кто впадал в грех, и знал, как дать человеку нужный совет.

В 1921 году отец Михаил приобрел дом по ул. Вознесенской, 54, как он говорил, «для всех бездомных и страждущих». Этот дом сохранился до сих пор. Сам отец Михаил в нем никогда не жил; жили в нем его родственники и прихожане, у кого не было крыши над головой. Одна из прихожанок Сергиевской церкви вспоминала: «Пожалуешься отцу Михаилу на житейские невзгоды, а он в ответ: «Без терпения нет спасения», и, когда его уже не было среди нас, я мысленно обращалась к нему с молитвой как угодившему Богу – в надежде, что он в ином мире слышит просьбы своих духовных чад и ходатайствует за нас перед Всевышним. Мы видели, как сам отец Михаил по-христиански смиренно и мужественно переносил выпавшие на его долю гонения, ссылку...» Внучка отца Михаила, Таисия Павловна Кац, свидетельствовала, что ее деду Господь даровал истинный талант веры.

В 1918 году был репрессирован священник села Крутец Сердобского уезда Николай Адрианович Быстров, женатый на Елене Тимофеевне Скалигеровой, родной сестре супруги отца Михаила. Он оказался в тюрьме, там заболел брюшным тифом и, хотя был отпущен (видимо, по болезни), выздороветь не смог и умер на сорок

восьмом году жизни. Елена Тимофеевна заболела, поэтому младших детей, в частности, Нину и Анну, взял на воспитание и на полное обеспечение до их совершеннолетия отец Михаил Сошественский. Кроме них, в семье Сошественских воспитывались дети его брата, священника Василия Сошественского: Александр, Мария и Зинаида. Михаил Иванович проявлял любовь к племянницам и племянникам в такой же степени, как и к родным детям, а в некоторых случаях даже больше, так как считал их обездоленными.

Всего у отца Михаила и матушки Александры было шестеро детей: Александра (род. 1895), Екатерина (1898–1963), Мария (род. 1900), Василий (1903–1953), Елена (род. 1905) и Павел (род. 1908).

В 1921 году отец Михаил был впервые арестован ГубЧК. Под арестом в изоляторе он пробыл три недели, после чего был освобожден. Священник продолжил служение в Нерукотворенно-Спасской церкви и с этого времени в документах упоминается уже в сане протоиерея¹.

26 июля 1923 года последовал новый арест по обвинению в «агитации и пропаганде монархических идей, распространении контрреволюционных и провокационных слухов и использовании религиозных предрассудков и церковных распрей», в стремлении «вызвать массовое волнение и возбуждение населения против Соввласти с целью свержения таковой». Всего было арестовано 36 человек во главе с викарным епископом Петром (Соколовым; †1937). Среди «вдохновителей и руководителей организации» было указано имя настоятеля Нерукотворенно-Спасской церкви.

В день ареста состоялся единственный допрос о. Михаила, который показал, что его «политические убеждения безразличные» и «ни в какой нелегальной организации, действующей в целях борьбы с Соввластью, он не участвовал и про существование таковой ему

¹ Точная дата получения им награды неизвестна.

ничего неизвестно». В период следствия арестованные содержались в Саратове, в тюрьме ГОГПУ.

30 сентября 1923 года было произведено медицинское освидетельствование священника Михаила Сошестввенского, который рассказал о мучивших его одышке и пупочной грыже. Комиссия врачей нашла у него «варикозное расширение вен, отеки на голенях, изъязвленные рубцы на обеих голенях, глухие тоны сердца и расширение сердца». Согласно заключению комиссии, «пешком следовать не может в дальний путь. В общем следовать может. В амбулат(орном) и коечном лечении не нуждается».

7 декабря 1923 года по делу был вынесен приговор: владыка Петр был приговорен к трехгодичному заключению в Соловецкий концлагерь, а протоиерей Михаил Сошестввенский приговором Комиссии НКВД РСФСР по административным высылкам из-под стражи освобожден за отсутствием состава преступления. Всего к моменту последнего ареста в общей сложности о. Михаил имел 5 приводов по признакам, попадающим под действие статьи 58–10 УК РСФСР, но осужден был только два раза.

Господь даровал Своему верному служителю дар чудотворений. Известно, по крайней мере, два случая чудесного исцеления по его молитвам: в 1915 году от страшной болезни получил исцеление его племянник, Николай Васильевич Сошестввенский, после совершения молебна перед чудотворным образом Спаса Нерукотворенного (ныне хранится в Свято-Троицком соборе г. Саратова), а в 1930-е годы также после молитвы отца Михаила у чудотворного Нерукотворенного образа Спасителя получил исцеление иеромонах Борис (Вик; †1965), впоследствии епископ Саратовский и Вольский.

По рассказам одной свидетельницы по его следственному делу Марии Кузьминичны Марменковой, «он прославился своими чудесами, к нему приезжали из разных деревень много народу, и он всех избавлял от болезней», «она тоже к нему приезжала за помощью – у нее болела голова, и он дал ей святой водички просвирочки, от ко-

торых у нее сразу прошла головная боль»; о. Михаил «славится как «Божий человек».

28 января 1930 года постановлением Президиума Нижне-Волжского краевого исполкома Советов РКиК депутатов Нерукотворенно-Спасская церковь была закрыта, спустя некоторое время разрушена. Ныне на ее месте находится Саратовский научно-исследовательский институт травматологии и ортопедии. Последним местом службы в Саратове о. Михаила Сошественского стала Введенская или Старо-Покровская церковь (ныне уничтожена), куда он был переведен в 1930 году. Здесь ему сослужил сын Василий, который был вольнонаемным псаломщиком в этой церкви с 1928 по 1933 годы (впоследствии, после войны, был священником на Воскресенском кладбище).

Поводом для следующего ареста послужили показания лже-свидетеля, в котором о. Михаилу приписывались слова: «Скоро Советской власти не будет, у нас только сейчас кончилось собрание, где мы решили, что к весне 1931 года должны Соввласть свергнуть», якобы о. Михаил велел эти слова никому не говорить, а то «его могут посадить».

10 января 1931 года был произведен обыск и арест о. Михаила по обвинению в «к. р. деятельности». Он был заключен под стражу в Саратовский изолятор.

31 января был проведен допрос священника Михаила Сошественского, на котором он показал следующее: «Что же касается политических разговоров, то должен заявить самым решительным образом, что я не только политических разговоров не вел, но и вообще ни о чем не разговаривал. Ни о каких собраниях духовенства я не говорил, да и быть таковых не должно».

3 марта на последнем допросе о. Михаил сказал: «В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю, так как я никогда против Соввласти агитации не вел и религию с этой агитацией не увязывал. Против мероприятий правительства я нигде ничего не го-

ворил, также о какой-либо к.р. деятельности как служителей культа, так и мирян мне неизвестно».

20 мая 1931 года Особым совещанием при Коллегии ОГПУ было вынесено постановление по делу № 110254 «Сошественского Михаила Ивановича < ... > из-под стражи освободить, лишив права прож(ивания) в 12 п(унктах), согласно 2 списка приказа № 19/10 от 11/1-30, г. Чите Омском районе, СВК с прикреплением к опред(еленному) местожительству, сроком на три года».

Дочери Михаила Ивановича рассказывали, что одной из действительных причин преследования и административной высылки отца Михаила был отказ нарушить тайну исповеди по требованию НКВД.

В семье Сошественских сохранилось свидетельство о том, что в советские годы от зятя отца Михаила, мужа его дочери Елены, перед поступлением на работу в военный комиссариат Сталинграда потребовали отречься от тестя, что ему и пришлось сделать. И, когда Елена Михайловна со слезами рассказывала об этом отцу, будущий новомученик утешал ее и говорил, что не осуждает ее мужа и не держит на него никакого зла, поскольку тот сделал то, что должен был сделать ради своей семьи.

Трехлетнюю ссылку он отбыл полностью в г. Кирсанове соседней Воронежской области (позже Кирсанов отошел к Тамбовской области), однако власти не разрешили отцу Михаилу вернуться в Саратов. Один из его духовных детей помог ему с приобретением дома в г. Кирсанове, куда отец Михаил и перебрался в январе 1934 года. Саратовская паства не забыла своего доброго пастыря, и сюда к нему приезжали за духовным советом. В Кирсанове он стал сверхштатно служить в кладбищенской Космодамиановской церкви.

В ночь с 25 на 26 февраля 1934 года о. Михаил был арестован по обвинению в том, что он «принадлежал к контрреволюционной группировке, вел активную антисоветскую агитацию, используя для этого религиозные предрассудки», по групповому делу духовенства

и мирян Тамбовской области. Эта группа (19 человек) была названа «к.р. монархической организацией «Иосифовцы», однако, как выяснилось в ходе следствия, к течению последователей митрополита Ленинградского Иосифа (Петровых; †1937) принадлежала лишь часть подследственных.

Дело было сфабриковано, о чем свидетельствуют многочисленные несообразности в показаниях «свидетелей» и материалах дела.

О. Михаил находился в Тамбовской ФЗИТК (фабрично-заводской исправительно-трудовой колонии, ныне ИК № 1). Врач, обследовавший его, обнаружил порок сердца, пупочную грыжу и варикозное растяжение вен.

Согласно показаниям проходивших по делу лиц, о. Михаил Сошественский пользовался «громким авторитетом среди монашествующих... Среди монашек он считался последователем прозорливого Иоанна Кронштадтского...» По благословию о. Михаила совершались тайные иноческие постриги иеромонахами Митрофаном (Кузнецовым) и Нифонтом (Чусовым), бывшими насельниками закрытого Оржевского Александро-Невского мужского монастыря.

Последний допрос был произведен 17 марта 1934 года, и на основании пастырского благословения не идти в колхоз, а принять иноческий сан было возведено обвинение в а/с агитации – факт этого и подобных ему духовных советов о. Михаил не отрицал, но решительно утверждал: «К контрреволюционной группировке я не принадлежал».

В обвинительном заключении, составленном 19 марта 1934 года, было сказано: «Деятельность к. р. церковно-монархической группировки сводилась к систематической антисоветской деятельности против проводимых Советской властью и партией мероприятий на селе, в первую очередь против организационного укрепления колхозов и коллективизации, роспуска провокационных слухов о войне и

предстоящем свержении Советской власти. Конечная цель группировки – свержение Советской власти и установление монархического строя».

21 марта 1934 года тройкой при ПП ОГПУ по Центрально-Черноземной области по внесудебному рассмотрению дел протоиерей Михаил Сошестввенский был осужден по ст. 58 п. 10 ч. 2 и 11 УК РСФСР к заключению в исправтрудлагерь сроком на три года, считая срок с 25 февраля 1934 года условно, из-под стражи он был освобожден. 28 апреля 1989 года прокуратурой Тамбовской области он был реабилитирован.

Осенью 1935 года отца Михаила постигло новое испытание – у его супруги, Александры Тимофеевны, обострилась болезнь сердца. Он успел приехать из Кирсанова, чтобы попрощаться с ней, и у него на руках матушка Александра отошла ко Господу. Причиной смерти врачи указали сердечную недостаточность.

Спустя некоторое время о. Михаил был назначен настоятелем Космодаиановского храма и благочинным кирсановских городских церквей.

15 сентября 1937 года протоиерей Михаил снова был арестован органами НКВД по обвинению в том, что он «вместе с псаломщиком Гибралтарским Владимиром Петровичем является руководителем контрреволюционной группы и занимается контрреволюционной деятельностью против политики ВКП(б) и Советской власти». Когда его пришли арестовывать, он произнес: «Ну что же, значит, Господу так угодно», встал, перекрестился на иконы и ушел – уже навсегда.

При обыске у отца Михаила изъяли наградной серебряный крест, паспорт и тетрадку-помянник. До наших дней сохранился лишь паспорт, возвращенный летом 2004 года из архива УФСБ по Тамбовской области внуку отца Михаила, В.Г. Медоксу († 2005)¹. Во время следствия он содержался в кирсановской городской тюрьме.

¹ Выдан Кирсановским РОМ 30 января 1935 года №173516 ЦЖ.

Вместе с настоятелем был арестован весь причт храма: протоиерей Петр Цыпляковский, иерей Владимир Гибралтарский (на псаломщицкой должности), протодиакон Валериан Миролубов и бывший председатель церковного совета мирянин Николай Степанков.

16 сентября был проведен допрос. Виновным себя он не признал и отверг создание контрреволюционной группы. Следователь задал священнику вопрос: «Кого Вы лично из архиепископов поминаете о здравии?»

Ответ: «О здравии из архиепископов я лично поминаю Вассиана, Венедикта и Иоанникия и ряд других».

Вопрос: «Вы поминаете о здравии врагов народа. Признаете это?»

Ответ: «Я не признаю, что они являются врагами народа. Я их поминаю о здравии как лиц, носящих священный сан».

Перечисленные отцом Михаилом архипастыри – правящие архиереи Тамбовской епархии: святой Вассиан (Пятницкий; †1940), Венедикт (Алентов; †1937) и Камышинский викарий Саратовской епархии Иоанникий (Попов; †1942). Их имена – свидетельство того, что посреди моря церковных расколов космодамиановский приход и его настоятель сохранили верность канонической Церкви и ее архипастырям.

27 сентября начальник санчасти написал в своем заключении о здоровье о. Михаила: «Болен резковыраж(енным) варикозным расширением вен голени, пупочной грыжей и общим перерождением сердечно-сосуд(истой) системы. Годен к легким работам».

Гонители настолько не сомневались в исходе дела отца Михаила, что следователь на втором допросе назвал ему имена лжесвидетелей, давших показания против настоятеля кладбищенского храма и его сострадальцев, на что священник заявил, что эти показания ложны и основаны на личных счетах. Основным обвинителем стал незаконно сам себя назначивший (без общего собрания) и нигде не зарегистрированный председатель церковного совета П. Как позднее

написал о. Петр Цыпляковский, «как такового председателя мы не признавали, а потому и он относился к нам враждебно».

Дополнительный допрос состоялся 21 октября 1937 года.

Вопрос: «Следствием установлено, что Вы в церкви во время общей исповеди верующих вели контрреволюционную пропаганду, высказывая при этом контрреволюционную клевету на Сов. власть. Заявляли, что эта, т.е., надо понимать, Советская власть, временна. Признаете ли Вы себя виновным в этом?»

Ответ: «Нет, виновным себя в этом я не признаю».

Вопрос: «Следствием установлено, что Вы, поп. Цыпляковский, поп. Гибралтарский, служивший псаломщиком, протоиерей Миролюбов и быв. председатель церковного совета кулак Степанков неоднократно в церкви среди верующих граждан вели пропаганду о том, что служителям религиозного культа по Конституции предоставлены одинаковые права выдвигать своих людей в Верховный Совет и быть избранными. Подтверждаете ли Вы это?»

Ответ: «Нет, подобного рода пропаганды среди верующих граждан никто из упомянутых лиц не вел».

Вопрос: «Материалами следствия Вы изобличаетесь в проводимой Вами среди верующих граждан контрреволюционной пропаганде. Будете ли Вы давать правдивые показания следствию?»

Ответ: «Я даю следствию только правдивые показания. Контрреволюционной деятельности я не проводил».

Иерей Владимир Гибралтарский показал об о. Михаиле следующее: «Сошестввенский Михаил Иванович действительно во время службы в церкви верующим говорил и призывал верить в Святое Писание, притом он убеждал народ, что всякая власть создана Богом, так же и Советская власть». На вопрос: «Вы знали, что Сошестввенский М.И. выслан из Саратова в г. Кирсанов за контрреволюционную деятельность?» отец Владимир ответил: «В разговоре Сошестввенский М. И. мне говорил, что он выслан из города Саратова за свою популярность, т.к. к нему ходило много верующих».

Решением заседания тройки Управления НКВД по Тамбовской области от 27 октября 1937 года отец Михаил был осужден по статье 58-10 УК РСФСР, причем он обвинялся даже в том, о чем доселе не было в его деле ни слова: «Группировал вокруг себя служителей религиозного культа, кулаков, торговцев, вел систематическую контрреволюционную агитацию среди колхозников против политики ВКП(б) и совправительства. Распространял контрреволюционную клевету на вождя ВКП(б) и членов совправительства. Вел агитацию пораженческого характера, восхвалял фашизм и контрреволюционную деятельность расстрелянных врагов народа СССР. Призывал колхозников к выходу из колхозов и нарушать трудовую дисциплину путем невыхода на полевые работы. Дискредитировал Конституцию СССР и положение о выборах в Верховный Совет». Приговорен к высшей мере наказания – расстрелу.

Приговор приведен в исполнение 18 ноября 1937 года. Новомученик был погребен в безвестной могиле – в материалах архивного уголовного дела сведений о месте захоронения не имеется. Кирсановскими краеведами было высказано предположение, что настоятель кладбищенского храма был казнен в Тамбове, в так называемой Ахлябиновской роще, и похоронен там же¹.

Иерей Владимир Гибралтарский был приговорен к 10 годам заключения в ИТЛ, протоиерей Петр Цыпляковский и протоиерей Валериан Миролубов – к 8 годам лишения свободы, а Николай Павлович Степанков был расстрелян вместе с отцом Михаилом.

В настоящее время известна судьба лишь одного из трех сослуживцев отца Михаила – протоиерея Петра Цыпляковского: он отбывал заключение в лагере г. Ивдель Свердловской области, где и умер 9 февраля 1942 года.

В 1956 году прокуратура Тамбовской области по прошению сына о. Петра Цыпляковского провела проверку обоснованности за-

¹ Левин О.Ю., Просветов Р.Ю. Кирсанов православный. Издание 2-е, дополненное, исправленное и переработанное. Кирсанов, 2014.

ключения лиц, осужденных по делу о. Михаила, причем было отмечено, что «расследование по делу произведено с грубейшими нарушениями норм УПК». Были передопрошены почти все свидетели обвинения. От данных в 1937 году показаний они отказались.

По протесту временно исполняющего обязанности прокурора Тамбовской области дело было вновь рассмотрено Тамбовским областным судом. Постановлением президиума Тамбовского областного суда от 21 ноября 1956 года решение тройки Управления НКВД по Тамбовской области от 27 октября 1937 года отменено, групповое уголовное дело в отношении Сошестввенского М.И., Гибралтарского В.П., Миролюбова В.И., Цыпляковского П.С., Степанкова Н.П. производством прекращено за отсутствием в их действиях состава преступления.

В заключение, как еще одно свидетельство бесчеловечности репрессивных органов, нельзя не упомянуть о хранящемся в деле письме Татьяны Николаевны Тютиковой, которая 11 апреля 1957 года просила «произвести розыск своего отца Степанкова Николая Павловича. < ... > Он в 1937 г. был взят по причине той, что он был церковным старостой, о нем имели мы письменную переписку об его нахождении через прокурора СССР, имея от последнего ответы по 1951 г. вкл(ючительно), а с этого периода о нем не стало слышно, где он находится. Но меня мучает беспокойствие об отце, мне бы желательно его розыск, которым установить его место нахождения, так как я не знаю, где он есть. Конечно, обратиться в органы МВД, мне не добиться сведений о переселении его и на какое место жительства, ибо именно таким вопросом о таких лицах только возможно добиться мне через Вас, вышестоящий орган. Я бы просила Вашего направления по принадлежности, и о результате розыска сообщить ответом в мой адрес. В случае если это Вам не по принадлежности, то сообщите подробным мне ответом, куда направить, я прошу мою просьбу удовлетворить». Просьба дочери была удовлетворена – ответ ей дали, прекрасно зная, что ее отец уже почти двадцать лет ле-

жит в могиле: «Сообщаем, что исполнение Вашего заявления о розыске отца задерживается в связи с необходимостью наведения справок в других органах и учреждениях. По получении ответов результат сообщим незамедлительно».

Имя протоиерея Михаила Сошестввенского было сохранено в памяти саратовской паствы. Почитание протоиерея Михаила Сошестввенского важно тем, что, подобно святому праведному Иоанну Кронштадтскому, он до революции большое внимание уделял социальному служению Церкви и воспитанию детей в христианском Богопочитании, а когда новая власть лишила Русскую Церковь возможности активной деятельности в этих сферах, остался духовником значительного числа своих духовных чад не только города Саратова, но и округа, к которому прибегали за нравственным советом гонимые и жаждущие утешения люди. Память их о мужестве и самоотверженной любви во Христе протоиерея Михаила Сошестввенского была проверена временем.

Использованная литература:

1. Дело о рукоположении диакона Троицкой церкви г. Вольска М.И. Сошестввенского во священника в с. Волхонщина Петровского уезда. // ГАСО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 4151. Л. 1, 3, 5.
2. Клировая ведомость Нерукотворенно-Спасской (Сергиевской) церкви г. Саратова за 1915 г. // ГАСО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 9298. Л. 4об., 5.
3. Послужной список о службе священника Нерукотворенно-Спасской города Саратова церкви Михаила Сошестввенскаго за 1916 год. // Архив Саратовской духовной консистории, арх. № 15204.
4. Справочная книга Саратовской епархии за 1912 год. Саратов. 1912.
5. Письмо УКГБ по Саратовской области от 17.04.1991, № 10/468.
6. Архивная справка УФСБ по Тамбовской области от 22.01.2003, № Б-38.
7. Дело епископа Петра Соколова. Саратов, 1923 г. // Архив УФСБ РФ по Саратовской области. Дело ОФ-10269.
8. Архивное уголовное дело ОФ-14510 // Архив Управления ФСБ РФ по Саратовской области.

9. Архивное уголовное дело № Р-10510. // Архив УФСБ РФ по Тамбовской области.
10. Архивное уголовное дело № Р-4080. // Архив УФСБ РФ по Тамбовской области.
11. Письмо УФСБ по Тамбовской области от 9.06.2004, № М-395.
12. Протокол № 71 заседания Президиума Нижне-волжского краевого исполкома Советов РКиК депутатов от 28 января 1930 г. // Архив Екатеринбургского райисполкома. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 14.
13. Свидетельство инокини Неониллы (Борковской). // Архив Братства свв. равноап. Мефодия и Кирилла (г. Саратов).
14. Материалы из личного архива В.Г. Медокса и Ю.В. Бортновской-Медокс.
15. Материалы из личного архива Т.П. Сошественской (Кац).
16. Проскурин Константин, свящ. Саратовское православное духовенство в 1917–18 гг. // Культура русских и немцев в Поволжском регионе. Вып. 1. Саратов. Поволжский кадровый центр. 1993 г. С. 30–36.

**Два архиерея: роль епископа Александра (Богданова)
в судьбе митрополита Вениамина (Федченкова)**

Биография митрополита Вениамина, в миру Ивана Афанасьевича Федченкова (1880–1961), хорошо известна православным читателям по его книге воспоминаний «На рубеже двух эпох». Среди прочих в ней упоминается одно событие, которое могло в корне изменить не только жизненный путь митрополита Вениамина, но и кардинально повлиять на формирование личности будущего святителя, — участие в семинарских беспорядках 1898 года. Однако Промысл Божий устроил так, что воспитанник 1-го класса Тамбовской духовной семинарии Иван Федченков учился в то время, когда Тамбовскую кафедру возглавлял епископ Александр (Богданов), сыгравший важную роль в судьбе молодого семинариста.

Епископ Тамбовский и Шацкий Александр (Богданов, 1830–1898 годы) был назначен в Тамбов в 1894 году, прожив здесь до самой своей кончины в 1898-м. На момент смерти ему было 68 лет, 45 из которых он отдал ревностному служению Церкви и Отечеству.

Сын бедного сельского священника Тульской губернии, умный и способный мальчик, Александр Богданов демонстрировал блистательные успехи в духовном училище и семинарии. Как лучший воспитанник, он был послан в Киевскую духовную академию, которую окончила в 1853 году со степенью магистра. Был преподавателем и ректором Орловского духовного училища, а затем ректором Орловской духовной семинарии. Благодаря его стараниям, Орловская семинария, находившаяся в то время в бедственном положении, «в несколько лет превратилась в одну из благоустроенных семинарий»¹. Пережив утрату жены, «лет через пять, когда все члены семьи его

¹ Тамбовские епархиальные ведомости. 1898. № 39. С. 391.

подросли» (два сына и две дочери), отец Александр принял монашество. А вскоре, через год, 12 февраля 1889 года, архимандрит Александр был хиротонисан во епископа. С неугасимой ревностью владыка Александр трудился сначала в качестве епископа Муромского, викария Владимирской епархии, затем возглавил Енисейскую кафедру, а в 1894 году назначен епископом Тамбовским и Шацким.

Некролог, опубликованный в «Тамбовских епархиальных ведомостях» в 1898 году, так характеризовал деятельность покойного архиерея: «Из краткого обзора служебной деятельности Преосвященного Александра видно, какой громадный запас опытности во всех делах епархиального и учебного управления имел он ко времени назначения на Тамбовскую кафедру. Трудно указать дело, которого бы он сам не делал, и должность, которой бы он не проходил <...> По епархиальному же ведомству Преосвященный личным опытом изведal службу и безприходного соборного и приходского священника. Ему известны были и обязанности членов консистории и дела по училищному совету»¹.

Современники характеризуют его как кроткого, миролюбного, благоразумно осторожного, но твердого и даже, когда нужно, строгого архипастыря. Снисходительность к немощам человеческим, отеческая попечительность о всех нуждающихся руководили всеми его поступками и оказали немалое влияние на судьбу не только будущего митрополита Вениамина, но и многих других².

Некролог утверждает, что «при всей сложности, многочисленности в разнообразии трудов, которые приходилось нести ему при управлении такую громаднейшею епархиею, как Тамбовская, Владыка, не щадя себя, находил время и силы внимательным образом относиться к делам семинарии и духовных училищ. Он тщательно просматривал не только журналы педагогического правления, но и

¹ Там же. С. 396.

² Там же.

экономического, давая, где нужно, руководственные указания»¹. Подтверждение тому, какой глубокий интерес проявлял епископ Александр к делам Тамбовской духовной семинарии и духовных училищ, можно также найти на страницах журналов педагогического правления, испещренных развернутыми резолюциями, сделанными рукой владыки.

Епископ Александр возглавлял Тамбовскую кафедру всего четыре года. За несколько месяцев до его смерти в семинарии произошел неприятный инцидент, повлекший за собой беспорядки среди семинаристов, названные также в журнале педагогического собрания правления Тамбовской духовной семинарии № 8 от 28 марта 1898 года «демонстративными действиями воспитанников»². Об этом происшествии и о последовавшем за ним бунте вспоминает и митрополит Вениамин в книге «На рубеже двух эпох».

Владыка Вениамин пишет: «Причиною первого [бунта. — *Прим. Е.Н.*] был жестокий преподаватель В.П. Розанов. Он своими манерами так запугивал класс, что мы забывали и то, что знали.

Я, первый ученик, и то терялся от него. И скольких учеников он представлял к увольнению своей математикой. И так было 27 лет! Но и это все еще терпели. А однажды он за подсказку вывел из класса в коридор юношу лет 20, взяв его за ухо. Это было последней каплей. Депутация из всех классов обратилась к ректору с просьбой удалить его. Тот отказался. Тогда начался бунт: шиканье, свист, шум, вечером битье стекол в дверях и окнах. Вызвали полицию. Семинарию временно закрыли. Нас, делегатов и дежурных, оставили и допрашивали. Среди них был и я: как первый ученик, всегда предводитель класса перед начальством. На допросе меня убеждали открыть имена зачинщиков и особых бунтарей. Я не сказал ничего, конечно. Тогда один из членов правления говорит:

¹ Там же.

² ГАТО. Ф. 186. Оп. 104. Д. 2.

– Вы из крестьян?

– Да.

– Так смотрите же, если мы и своих не пожалеем, то подавно и вас, крестьян.

Я промолчал.

Семинарское училище решило уволить до 70 человек (из 600), в том числе и меня... О, что бы это был за удар для матери! Возможно, со своим нездоровым сердцем она могла и умереть тут же от разрыва. Но тогдашний архиерей, епископ Александр, говорят, положил такую резолюцию на журнале правления семинарии: «Не хочу плодить новых нищих на белом свете. Дело предоставить Синоду с моим мнением».

В Синоде отнеслись разумно. Розанова удалили из семинарии, но с повышением в смотрительство. А к нам приехал товарищ обер-прокурора Синода Саблер и говорил какую-то витиеватую речь, но никого не уволили, а только наказали карцером. Это была особая комната в больнице, где нас одевали в больничный халат и давали лишь воду и хлеб, но товарищи через окно подавали пирожков мне, как жертве, пострадавшей за общественные интересы»¹.

Судя по всему, этот случай глубоко врезался в память митрополита, что подтверждается сопоставлением его воспоминаний, написанных спустя сорок с лишним лет, и архивными документами, составленными непосредственно по горячим следам: рапорт и. д. инспектора, рапорт ректора, журнал педагогического собрания и развернутая резолюция епископа Александра на нескольких листах².

Преподаватель Михаил Надеждин, который в то время являлся исполняющим должность инспектора семинарии, в своем рапорте отмечал: «По заявлению помощников инспектора — Феодора Иловайского, Феодора Назарьева, Ивана Яхонтова и Ивана Говорова,

¹ *Вениамин (Федченко), митр.* На рубеже двух эпох. М., 1994. С. 92–93.

² ГАТО. Ф. 186. Оп. 104. Д. 2. Л. 137–154.

неотлучно дежуривших в классных корридорах во время беспорядков 23 и 24 марта, замечены были ими в непосредственном участии в беспорядках или в подстрекательстве к ним других 88 воспитанников, коих по степени их виновности можно разделить на три категории. Первую категорию составляют воспитанники, принимавшие непосредственное участие в беспорядках сами и подстрекавшие к ним других»¹. Надеждин относит к первой категории бунтовщиков 15 воспитанников, в числе которых Иван Федченков, учившийся на тот момент в 1 классе, 1 отделении.

Этот рапорт был воспроизведен целиком в журнале педагогического собрания правления Тамбовской духовной семинарии № 8 от 28 марта 1898 года, а затем частично процитирован при вынесении наказания для виновных. Семинарская администрация действительно, как вспоминает митрополит Вениамин, решала уволить наиболее активных, на ее взгляд, бунтовщиков, зачинщиков и подстрекателей беспорядков, включенных исполняющим должность инспектора в первую категорию. Это постановление исключало будущего митрополита Вениамина и еще 14 человек не только из Тамбовской духовной семинарии, но закрывала им путь вообще в семинарии и значительно уменьшала возможности поступления в другие учебные заведения. Дословно оно было сформулировано следующим образом: «...отнесенных в рапорте и. д. инспектора к первой категории воспитанников <...> как непосредственно принимавших участие в беспорядках и подстрекавших к ним других, ранее не отличавшихся исправностью, известных своею резкостью в объяснениях с семинарским начальством и членами инспекции, неподчинением иногда распоряжениям начальства и прямыми нарушениями правил инструкции — уволить из семинарии без прошения; но при этом, принимая во внимание легкомыслие, свойственное юношескому возрасту, и то, что демонстративныя действия вызваны непедогогичным и бестактным

¹ Там же. Л. 154.

поступком преподавателя В. Розанова, — чтобы не заградить другие, вне семинарии, пути к жизни — почтительнейше просить Его Преосвященство о разрешении аттестовать вышепоименованных воспитанников баллом по поведению четыре (4)»¹.

Неизвестно, как бы сложилась судьба митрополита Вениамина дальше, если бы это постановление было утверждено, но в дело вмешался епископ Тамбовский Александр (Богданов). В Государственном архиве Тамбовской области сохранилась обширная резолюция Преосвященного, занимающая два отдельных листа и приложенная к журналу педагогического собрания № 8 от 28 марта 1898 года. Изучая оригинал, мы не нашли точной цитаты, приведенной митрополитом Вениамином в воспоминаниях, однако епископ Александр действительно был в корне не согласен с решением семинарского правления: «Так как, по моему мнению, вышеуказанные действия учеников суть не что иное, как нарушение ими требований семинарской дисциплины, то присужденное Правлением семинарии ученикам всех трех категорий наказание я признаю слишком строгим»². Поэтому Преосвященный предложил ограничиться лишь дисциплинарными взысканиями, что и было затем утверждено Синодом: «В виду всего вышеизложенного, я, оставаясь верным моей точке зрения на беспорядочные действия учеников, нахожу возможным ограничиться на сей раз одними дисциплинарными взысканиями, а именно: учеников 1-й категории каждого порознь подвергнуть двухдневному карцерному заключению, учеников 2-й категории наказать двухдневным голодным столом, при чем ученикам той и другой категории уменьшить балл по поведению на единицу, поручить их особому надзору семинарской инспекции и предупредить их, что, если они на будущее время нарушат в каком либо отношении правила семинарской дисциплины, немедленно будут исключены из семинарии

¹ Там же. Л. 139 об.

² Там же. Л. 145–146.

с уменьшенным баллом поведения. Постановления правления семинарии относительно взысканий, присужденных ученикам 3-й категории привести в исполнение, но только без отметки по поведению баллом 3-ой, а с понижением балла по поведению на единицу»¹.

Как видно из воспоминаний митрополита Вениамина, резолюция епископа Александра была утверждена в Святейшем Синоде, и на этом все закончилось. Будущий святитель, щедро снабженный пирожками, благодаря своим товарищам, действительно отбыл назначенное ему наказание в карцере, а затем продолжил свое обучение в родной семинарии. Остается загадкой, знал ли митрополит Вениамин, что именно епископ Александр настолько сильно повлиял на его судьбу в этот переломный момент, и как сложилась бы его жизнь в ином случае: пошел бы он по духовной стезе, остался ли истово верующим, стал ли выдающимся духовным писателем? Несомненно одно: мудрость, отеческое попечение и снисходительность владыки Александра к человеческим немощам внесли свой вклад в формирование неординарной личности будущего митрополита Вениамина и, как знать, скольких еще юных душ.

¹ Там же.

Содержание

І ВЕНИАМИНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

р.п. Умёт, 17 октября 2013 г.

Приветственное слово епископа Уваровского и Кирсановского Игнатия участникам первых Вениаминовских чтений	3
<i>Т.А. Кротова.</i> К истории духовного образования в Тамбове	6
<i>Священник Антоний Лозовский.</i> Борьба тамбовских миссионеров с сектантами Кирсановского и Борисоглебского уездов Тамбовской губернии в конце XIX–начале XX века.....	11
<i>Р.Ю. Просветов.</i> Митрополит Вениамин (Федченков) о воспитании пастырства в советский период.....	16
Еженедельная молитва.....	24
<i>М.А. Климкова.</i> Федченковы и Боратынские.....	26
<i>С.И. Андреев.</i> Некоторые итоги археологического исследования усадьбы Боратынских Мара.....	40
<i>Н.К. Никитина.</i> Роль музея в духовно-нравственном воспитании подрастающего поколения.....	59
<i>Г.М. Желудкова.</i> На родине митрополита Вениамина (Федченкова).....	62
<i>О.Ю. Лёвин, Е.А. Налитова.</i> На малой родине митрополита Вениамина.....	66

ІІ ВЕНИАМИНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

г. Уварово, 16 октября 2014 г.

<i>Священник Антоний Лозовский.</i> Преподобный Сергей Радонежский и его время.....	69
<i>Ю.А. Бирюкова.</i> Священномученик Захария (Лобов), архиепископ Воронежский и Задонский. Архиерейское служение в 1920–1930-х гг.....	76

А.А. Панова. Языковое представление о деятельности человека как ценности в текстовом пространстве дневников митрополита Вениамина (Федченкова) 1926–1948 гг. 93

Р.Ю. Просветов. Участие митрополита Вениамина (Федченкова) в Поместном Соборе в Москве в 1945 г. и его впечатления от поездки в СССР. 114

Д.Л. Овчаренко. Служение митрополита Вениамина (Федченкова) на Ростовской кафедре. 124

III ВЕНИАМИНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ г. Кирсанов, 15 октября 2015 г.

Священник Антоний Лозовский.
Созидание Святой Руси и языческий вызов в России: проблемы настоящего и уроки минувшего. 133

Ю.А. Бирюкова. Особенности репрессивной политики по отношению к духовенству на Дону в 1930-е годы. 141

Р.Ю. Просветов. Епископ армии и флота Вениамин (Федченков) и организация служения военного духовенства в Крыму при генерале Врангеле. 149

Священник Максим Плякин. Жизнь и мученичество протоиерея Михаила Сошественского. 160

Е.А. Налитова. Два архиерея: роль епископа Александра (Богданова) в судьбе митрополита Вениамина (Федченкова). 175

ВЕНИАМИНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

**Сборник материалов
ежегодной научно-практической конференции**

ВЫПУСК 1

ISBN 978-5-00060-008-5

Ответственный редактор – Р.Ю. Просветов
Корректор – О.Ж. Белкина

Сдано в набор 07.12.2015 г. Подписано к печати 12.05.2016 г.

Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 10,695

Тираж 150 экз. Заказ № 131

ООО «Знак»
392000, г. Тамбов, ул. Коммунальная, 21а